

ФГБОУ ВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФГБОУ ВПО «ПОВОЛЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД-ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2012

Основан в 2008 г.
Выходит один раз в год

ББК Ф2я53
УДК 32(1-15)=32(1-11)
3 300

Редакционная коллегия:

<i>Г.В. Рокина</i> (главный редактор) (МарГУ)	<i>Е.В. Лежнина</i> (МарГУ)
<i>Г.Ф. Горбашова</i> (МарГУ)	<i>Е.В. Колесова</i> (МарГУ)
<i>О.Н. Сутырина</i> (ПГТУ)	<i>Ю.С. Обидина</i> (МарГУ)
<i>И.И. Шарифжанов</i> (ПФУ)	<i>М. Даниш</i> (Словацкая Республика)
<i>И.Р. Чикалова</i> (Республика Беларусь)	

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МарГУ

ISSN 2227-6874

© ФГБОУ ВПО «Марийский
государственный университет, 2012
© ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный
технологический университет», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем уважаемым читателям очередной выпуск ежегодника, в котором публикуются результаты исследований наших коллег из Йошкар-Олы, Казани, Нальчика, Украины, Белоруссии, Словакии и Италии, объединенные актуальной темой истории и современности межнациональных и межконфессиональных отношений. Данная проблема привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных ученых и раскрывает еще одну сторону взаимосвязей Запада и Востока, которым посвящены все выпуски нашего издания.

В этом году ежегодник готовил обновленный состав редакционной коллегии, в которую вошли уважаемые профессора — Измаил Ибрагимович Шарифжанов, видный российский англовед, заслуженный деятель науки РФ и Республики Татарстан и Ирина Ромуальдовна Чикалова, профессор кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета. В выпуске публикуется статья И.Р. Чикаловой по истории англоведения в России: исследование посвящено русским переводам англоведческих работ и реакции на них российской научной общественности. Если сотрудничество кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета с казанским коллегой продолжается уже долгие годы, то контакты с профессором из Минска, Ириной Ромуальдовной Чикаловой, — итог участия йошкар-олинских ученых в круглом столе «Российское англоведение» в ИВИ РАН. Об этом научном форуме в разделе «Научная хроника» пишет член редколлегии, заведующая кафедрой всеобщей истории МарГУ Г.Ф. Горбашова.

Сдвоенный номер ежегодника впервые выходит под грифом двух марийских вузов — классического государственного университета и Поволжского государственного технологического университета, что стало результатом двухлетнего сотрудничества кафедры всеобщей истории и Центра национальных и конфессиональных исследований факультета управления и права технологического вуза. В 2011 году творческий коллектив двух университетов провел социологическое исследование по проблеме национальной идентичности среди студенческой молодежи г. Йошкар-Олы, с методикой проведения которого и некоторыми результатами знакомит публикация О.Н. Сутыриной и Г.В. Рокиной.

Тема социологических исследований по этнической проблематике и миграции стала предметом научных изысканий ученых из Марийского научно-исследовательского института О.В. Орловой, Г.С. Зеленеевой и их коллеги из Кабардино-Балкарии — С.И. Аккиевой.

Теоретические основы главной темы ежегодника рассматриваются в статьях профессоров А.В. Маслихина и Ю.С. Обидиной. В работе Ю.С. Обидиной приведены

различные точки зрения отечественных и зарубежных ученых на определение понятия «диаспора».

Практической частью этого выпуска ежегодника стали публикации по материалам интервью с представителями некоторых диаспор Марий Эл — это статьи В.М. Новик, А.Г.Туманова, О.Г. Левенштейна. «Живой голос» представительницы азербайджанской диаспоры Марий Эл звучит в статье «Родина-чужбина».

Международные связи нашего ежегодника представлены статьей члена редколлегии, ученого из Словацкой республики Мирослава Даниша, который уже не первый раз публикуется в изданиях Марий Эл, а также украинского коллеги С.А. Гануса и магистра итальянского университета О.Б. Земцовой.

Уже традиционными для нашего альманаха стали «публикации-дебюты» начинающих, молодых исследователей. На этот раз это статьи аспиранток Поволжского государственного технологического университета Е.Н. Волковой и Марийского государственного университета Е.В. Лежниной.

Редколлегия ежегодника выражает благодарность всем авторам и надеется, что наше издание по-прежнему будет той научной площадкой, где «встретятся» отечественные и зарубежные концепции по самым разным проблемам гуманитарного знания, будут обсуждаться научные темы из истории западной и восточной цивилизаций.

Г.В. РОКИНА, главный редактор

Ю.С. Обидина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДИАСПОРА» В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Любая наука начинается с определения терминов. С этой точки зрения ситуация с изучением диаспоральных проблем выглядит парадоксально. Феномену диаспоры посвящены многочисленные исследования, но само понятие «диаспора» до сих пор не имеет четкого определения и трактуется учеными по-разному. Объяснение, очевидно, в том, что диаспора является предметом изучения самых разных наук и дисциплин — истории, социологии, этнологии, политологии, культурологии и т. д., и уже одно это предполагает неизбежность многообразия подходов к пониманию этого сложного и многообразного феномена. Едва ли не каждый исследователь трактует его по-своему и дает ему собственное определение. Серьезные дискуссии о его смысловой нагрузке десятилетиями ведутся даже в рамках одних и тех же научных дисциплин.

Диаспорой обычно называют как процесс рассеяния первоначально единого человеческого сообщества, так и совокупность возводящих себя к этому сообществу групп, проживающих вне изначального района обитания. Такое представление, очевидно, не является строгим определением, при помощи которого диаспору можно отличить от ряда других типов передвижений человеческих сообществ и от самих этих сообществ, изменивших место обитания. Прежде чем обсуждать вопрос о том, какое содержание следует вкладывать в понятие диаспора в современном этнокультурном и геополитическом контексте и какие из миграционных процессов новейшего времени следует считать диаспорическими (или диаспорными), стоило бы разобраться, что же такое «диаспора» в традиционном и общепринятом смысле этого термина.

При ближайшем рассмотрении становится ясным, что термин этот никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является. Он лишь описывает, а вернее просто называет, один или несколько исторических сюжетов. В толковых словарях и энциклопедиях в статье «Диаспора» иногда упоминаются армянская и цыганская диаспора, реже диаспора христианская (в метафорическом смысле — как рассеяние «Нового Израиля»), но всегда и в первую очередь — еврейская диаспора, диаспора *par excellence*. Беглые попытки определения диаспоры, как правило, опираются преимущественно или исключительно на представление о еврейской диаспоре. Приведем характерный пример: «диаспора гр. *diaspora* — рассеяние; в Новом Завете расселение евреев вне Палестины,

политическое — пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения как следствие насильственного выселения, угрозы геноцида (истребления), социально-исторических, экологических и прочих катаклизмов»¹.

Что касается происхождения греческого термина *diaspora*, то он образован от глагола *diaspeirein* — рассеивать(ся), рассыпать, раздавать, расточать, состоящего из приставки *dia-* и глагола *speirein* — сеять, засеивать, сыпать. Глагол *diaspeiro* встречается в ранних греческих текстах (у Геродота и Софокла) в значениях рассеивать, разбивать (войско) и расточать (деньги), а существительное *diaspora* впервые засвидетельствовано в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии, именно в значении рассеяние евреев среди язычников; впоследствии это слово упоминается у Плутарха, Филона Александрийского и позднее у христианских авторов².

Очевидно, что исходя из нового глобального контекста, многие понятия нуждаются в переосмыслении и реформатировании, и среди них, в первую очередь, понятия транснационального пространства, сообщества мигрантов и диаспоры. В настоящее время область явлений, обозначаемых как «диаспора», заметно расширилась, а частота употребления этого термина существенно возросла. В связи с этим смысл, вкладываемый в слово «диаспора», значительно изменился. В какой-то мере подобное положение дел можно объяснить тем, что дискуссия о диаспоре ведется специалистами разных направлений, среди которых не только этнологи, социологи, политологи, но и писатели, режиссеры, журналисты. Можно констатировать, что «диаспора» стало попросту модным словом, которое принято употреблять, когда речь идет об этнических группах³.

С точки зрения этнографов диаспора в узком смысле — совокупность мест поселения евреев после разгрома Вавилоном Израильского царства (VI в. до н. э.) и увода живших там евреев в плен, позже — совокупность всех мест расселения евреев по странам мира вне Палестины; в широком смысле — для обозначения мест расселения тех или иных этнических групп, оторвавшихся от родной этнической территории: армянская диаспора, ирландская диаспора и т. д. К диаспоре не относятся случаи расчленения территории политико-государственными границами, при сохранении компактности расселения»⁴.

В итоге мы имеем бесконечное множество мнений о том, что понимать под диаспорой. Проблема такого разброса коренится также в многогранности самого исследуемого понятия, которое требует более или менее отчетливой дефиниции, о чем рано или поздно придется договориться.

В самом деле, понятие «диаспора» используется для таких неоднородных явлений, как этнические меньшинства, беженцы, трудовые мигранты и т. д. В конечном счете, речь идет о любых группах, по тем или иным причинам живущих вне страны своего происхождения. По сути, употребление термина «диаспора» явилось попыткой объединить все возможные процессы этнического размежевания. Это касается как «старых» этнических образований (так называемых исторических или классических диаспор), так и «новых» форм рассеяния, которые только стремятся к сохранению своей этнической обособленности и созданию собственных отличительных признаков.

Ю.А. Поляков приводит два толкования понятия «диаспора»: этническая общность, находящаяся в иноэтнической среде, и население той или иной страны,

принадлежащее этнически и культурно к другому государству⁵. При этом он указал на существование иммигрантских диаспор и групп коренных жителей страны, оказавшихся оторванными от основного места пребывания своего этноса в силу перекройки государственных границ и других исторических обстоятельств.

Подходы В. А. Тишкова к феномену диаспоры расходятся с традиционными, которые он считает объективистскими, не учитывающими исторической ситуативности и личностной идентификации⁶. Само понятие «диаспора» представляется ему достаточно условным, как не менее условны сопровождающие его категории. Рассмотрев их, ученый приходит к выводу, что история и культурная отличительность — это только основа, на которой возникает феномен диаспоры. Однако сама по себе эта основа не является достаточной. «Диаспора, — считает В.А. Тишков, — это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность, и тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции»⁷.

Диаспоры могут быть собирательными, многоэтническими. В основе их создания лежит преимущественно фактор общей страны происхождения. К их числу относится русская (российская диаспора, особенно в так называемом дальнем зарубежье, русскими считались все, кто прибыл из России). Диаспора, по мнению автора, выполняет особую по сравнению с этничностью миссию. Это — политическая миссия служения, сопротивления, борьбы и реванша. Одним из основных производителей диаспоры служит страна-донор. Нет страны исхода — нет и диаспоры. На большом материале автор утверждает тезис о том, что диаспора — это явление, прежде всего, политическое, в то время как миграция — социальное. Ключевым моментом диаспорообразования служит не этническая общность, а так называемое национальное государство.

С точки зрения В.А. Тишкова, диаспора как жесткий факт и ситуация, и ощущение — это порождение деления мира на государственные образования с охраняемыми границами и фиксируемым членством⁸.

По мнению Т. Полосковой, «Дефиницию понятия диаспоры следует начать с выделения системообразующих признаков, к которым относятся: 1) этническая идентичность; 2) общность культурных ценностей; 3) социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность; 4) представление (чаще всего в виде архетипа) о наличии общего исторического происхождения. С точки зрения политологического анализа, определяющего место диаспор в системе политических институтов, важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающей в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной (или ее символом); формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности. Иными словами, диаспора, в отличие от этнической группы, всегда институцирована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание»⁹.

З.И. Левин, рассматривая диаспору как часть этноса за пределами страны его происхождения, полагает, что диаспора, вопреки мнению В.А. Тишкова, сущест-

вует, пока сохраняется ее этнокультурная специфика, высшим проявлением которой является сложившийся менталитет, определяемый характерным противостоянием «Мы — Они». По мнению З.И. Левина менталитет диаспоры — производная от ее адаптивного функционирования. Сама община существует, пока не нарушена ее триада: структура — адаптивность — механизм регуляции. Ее институты обеспечивают возможность контакта между мигрантами, позволяют сохранить этнокультурную специфику¹⁰.

За последние десять лет вышел ряд научных работ, посвященных таким общетеоретическим проблемам диаспор, как: условия возникновения и эволюция диаспоры, ее идентифицирующие признаки и процессы ее интеграции.

Огромное количество работ сегодня посвящено отдельным диаспорным группам: русским в ближнем и дальнем зарубежье, а также национальным меньшинствам постсоветского пространства, находящимся в пределах Российской Федерации. Но слишком общее толкование термина «диаспора», применяемое ко всем национальным меньшинствам, привело к отсутствию общего понятийного аппарата.

В результате не только многие аспекты положения и развития современных диаспор рассматривались и оценивались по-разному, но и сама дефиниция диаспоры трактовалась в зависимости от того, к какому национальному меньшинству она была адресована.

Исследования социологов, этнографов, философов, правоведов, политологов, психологов в основном группируются вокруг таких проблем диаспоры, как методологическая база, дефиниции понятия, критерии диаспоральности, типология диаспор, перспективы развития и т. д.

Существующие разработки по проблеме диаспоры можно разделить на следующие группы. Первая группа — это теоретико-методологические труды, заложившие основу для исследований данной проблемы. Следует иметь в виду, что в отечественной литературе проблема диаспоры всегда шла на базе разрабатываемой теории этноса. Эта теория нашла глубокую научную разработку в 1960–1980-х годах в трудах Ю.В. Бромлея¹¹, Л.Н. Гумилева¹² и др. В то же время проблема диаспоры в качестве отдельного вопроса не рассматривалась.

Однако основополагающие труды ученых в этой области заложили теоретические основы для исследования разнообразных этносоциальных общностей¹³.

В частности, исследователями (особенно Ю.В. Бромлеем) была дана подробная классификация этнических общностей, указаны их признаки и особенности. Последующие поколения ученых — Р.Г. Абдулатипов, И.В. Арутюнян, Л.М. Дробижина, Т.А. Полоскова, В.А. Тишков в 1980–1990-е годы приступили непосредственно к исследованию проблемы диаспор, уделяя особое внимание вопросам их политико-правового статуса, роли и места во внешне и внутреннеполитической жизни государств. Данные работы известны в качестве классических примеров использования приемов социологического исследования в проблеме диаспор.

Вторую группу составляют исследования, посвященные разработке различных аспектов и конкретных особенностей диаспоры как специфического этносоциального феномена¹⁴. Первым теоретическим исследованием об источниках формирования, критериях самоорганизации диаспоры в отечественной литературе стала работа Т.С. Иларионовой «Этническая группа: генезис и проблемы

самоидентификации (теория диаспоры)»¹⁵. Как весьма содержательную, следует также отметить монографию З.И. Левина «Менталитет диаспоры»¹⁶, который в основу функционирования диаспоры положил принцип системного и социокультурного анализа. Особого внимания заслуживает работа Ж.Т. Тощенко в соавторстве с Т.И. Чаптыковой «Диаспора как объект социологического анализа»¹⁷. Это наиболее ценная в теоретическом плане обобщающая публикация по данной проблеме. Авторы внесли значительный вклад в изучении диаспоры: определили ее типологию, функции, особенности и др.

Третью группу исследований проблемы диаспоры составляют многочисленные статьи, опубликованные в научных журналах, а также сборниках конференций и других периодических изданиях, посвященных вопросам диаспоры, в которых освещены, главным образом, региональные аспекты проблемы¹⁸.

Большое значение имеет издание с 1999 года журнала «Диаспоры», являющегося сосредоточением научно-исследовательской мысли и «копилкой» разрабатываемых вопросов по данной проблеме. Таким образом, за последние годы в отечественной литературе было издано значительное число работ о диаспорах, что свидетельствует о получении значительной научной информации по названной проблеме. Однако надо признать, что в разработке данной научной темы продолжают оставаться не до конца раскрытые и спорные вопросы. Так, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что в научной литературе, в зарубежной и отечественной, не существует единой трактовки данного феномена.

Мы уже установили, что термин «диаспора» имеет греческое происхождение (*diaspora*) и обозначает рассеяние, пребывание определенной части народа вне страны его происхождения. С хронологической точки зрения появление диаспор восходит к событиям VI в. до н. э., когда вавилонский правитель Навуходоносор II после завоевания Палестины насильно переселил евреев в Вавилонию, где они жили до завоевания персидским царем Киросом.

Поэтому первоначально этот термин применялся к иудеям и евреям. Впоследствии понятие диаспора стало применяться ко всем этническим группам, которые по этим или иным причинам были оторваны от своего народа и продолжали не просто жить, но и сохраняться как особая этническая общность.

Такому пониманию соответствует известное определение, данное Валкером Коннором, усматривающим в диаспоре «ту часть народа, которая живет вне родины»¹⁹.

Среди множества существующих определений и мнений о диаспоре К.С. Гаджиев и Э.Г. Соловьева выделяют два наиболее общих направления, которые, по их мнению, вбирают в себя все многообразие исследовательских подходов. Во-первых, диаспора — это полемическая категория, широко употребляемая в публицистике и даже научных дискуссиях, но не имеющая качества научного термина²⁰.

А. Милитарев в журнале «Диаспора» в этой связи подчеркивает: «Термин этот никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является»²¹. Следовательно, сторонники этого подхода не углубляются в терминологические нюансы, а ограничиваются его лингвистической версией.

Сторонники другого направления, наоборот, по мнению авторов, придерживаются терминологической определенности, пытаются дать исчерпывающее определение феномена, сталкиваются с двоякими последствиями.

Смысловые рамки понятия «диаспора», либо все расширяются, включая новые аспекты, либо на фоне научного поиска происходит постоянное уточнение понятия. В результате понятие усложняется, «обрастает множеством дополнительных условий, а ее универсальный характер безвозвратно теряется»²². И как следствие, сторонники обоих подходов, рассматривая понятие диаспоры как социального феномена, вступают в противоречие с научным подходом.

Т. Полоскова также подчеркивает, что в современной научной литературе отсутствует четкая дефиниция понятия «диаспора», несмотря на широкое использование этого термина, что дает основание обозначить ее «неидентифицированную определенность»²³. Большинство исследователей — И.П. Иваненко, Т.С. Илларионова, А.В. Кушхабиев, Ли Квангю, О.В. Котов, полагают, что диаспора — это часть этноса, проживающая за пределами своего национального государства.

Некоторые авторы расширительно трактуют понятие диаспор и относят к ним также этнические общности, проживающие в едином государстве, но за пределами своей «титульной» республики (С.В. Соколовский, Г.В. Старовойтова, И.Г. Петров, В.П. Иванов). Ж. Тощенко и Т. Чаптыкова, например, относят к диаспорам народы, проживающие в России, но за пределами их «титульных» республик: чуваша, удмурты, чеченцы и другие²⁴.

А.С. Балезин и Ю.В. Бромлей предлагают рассматривать понятие диаспоры как тождественное понятию субэтноса, под которым подразумевается «территориальные части народа или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта, имеющие как бы двойственное самосознание, и возникающие, когда мигрирующие части этноса попадают в разную природную среду, взаимодействуют с различными этносами...»²⁵.

Подобные дефиниции, по сути, тождественны понятию этнической группы, т. е. диаспора определяется как часть народа, проживающая за пределами страны своего происхождения, имеющая общие этнические корни и духовные ценности. Но современные реалии этносоциального и этнополитического процесса приводят к расширенному употреблению термина, что опять же приводит к его универсальности и вместе с тем неопределенности.

Так, В. Дятлов указывает на то, что первоначальное значение термина «диаспора» расширяется, включая все новые смыслы, зачастую отличающиеся друг от друга и от породившей термин ситуации²⁶.

И, наконец, разрабатывая явление диаспоры как научную дефиницию и социальную реальность, все выше перечисленные исследователи, выдвигая разнообразные гипотезы и концепции, дают возможность для дальнейшей полемики и субъективных интерпретаций.

Понятие «диаспора» довольно часто рассматривают в тесной взаимосвязи с такими понятиями как «нация», «этнос» и «национально-этническое меньшинство». Именно с таким подходом связано предложение М.А. Аствацатуровой рассматривать диаспору в рамках инструментализма и конструктивизма.

Инструментализм учитывает ассимиляционные процессы, с одной стороны, а с другой рассматривает этничность как средство достижения групповых целей (Дж. Девис, Н. Глезер, Д. Мойнихан, М. Губогло, Л. Дробижева, В. Ядов и др.). Принадлежность к диаспоре, т. е. к переселенческому национальному меньшинству, определяется не только на основе «прирожденной этничности», но и во многом зависит от сознательного самоопределения.

Подобный подход позволяет в большей степени объяснить формальную подвижность диаспоры (как результат перемещений в пространстве и времени) и сущностную подвижность (как результат включения диаспоры в иноэтническое, инокультурное окружение).

Конструктивистский метод отвечает некоторым особенностям и потребностям диаспоры в силу подвижности самой переселенческой группы, среди некоторых характеристик которой являются численность, уровень этнической дистанции, степень компактности или дисперсности и т. д.

Таким образом, эффективность обоих подходов безусловна, так как сочетание конструктивистского и инструменталистского подчеркивает «значимость такой интеграции с точки зрения социолого-феменистического подхода к этничности, которая предполагает двойственность мира личности»²⁷.

Подобное многообразие толкований термина «диаспора», позволяет сделать следующее заключение, что диаспора — это, с одной стороны, процесс рассеивания того или иного этноса за пределами исторической родины. С другой, это явление в виде устойчивой совокупности людей единого этнического происхождения, характеризующееся наличием и сохранением собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной, имеющая свои основные и важные характеристики национальной самобытности своего народа (язык, культура, сознание), сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию, а также активно функционирует в общественных, национально-культурных и политических движениях.

И, как подчеркивают Ж. Тощенко и Т. Чаптыкова, «нельзя отнести к диаспоре любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего импульса и потребности к самосохранению»²⁸. Не менее интересным является убеждение С.А. Арутюнова в том, что диаспора — это не только и не столько состояние, диаспора — это процесс развития от «еще не диаспоры» через «собственно диаспору» к «уже не диаспоре»²⁹.

Одной из итоговых работ в осмыслении понятия диаспоры можно считать докторскую диссертацию Т.В. Полосковой³⁰. В ней она делает следующие выводы:

1. Диаспора — это этнокультурный и этнополитический феномен, возникающий на основе этнических групп, проживающих за пределами «титulyного» государства и обладающих рядом признаков, к которым относятся: множественная этническая самоидентификация, предполагающая наличие этнокультурной связи и со страной проживания, и с этнической родиной; создание институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры, в том числе международного характера; существование стратегии взаимодействия с государственными институтами как страны проживания, так и «титulyного» государства.

2. Усиление взаимосвязи современных государств ведет к глобализации диаспоральной формы существования общества и возрастанию влияния диаспор на внутреннюю политику государств и систему международных связей.

3. Эволюция современных диаспор имеет ряд общих и особенных черт. Большинство диаспор, возникнув в результате социальных катаклизмов, проходят в своем развитии три стадии: период становления; период собственно диаспорального развития; период угасания либо трансформации. Особенное обусловлено совокупностью следующих факторов: социально-экономической ситуацией

в стране проживания диаспоры; этнической политикой; близостью или «отдаленностью» культур страны проживания и диаспоры; вхождением диаспоры в качестве подсистемы в «мировую» диаспору (либо отсутствием этого фактора); потенциалом (социальным, экономическим, культурным, институциональным) диаспоры.

На основе такого критерия, как место в системе международных отношений, Т.В. Полоскова дает следующую типологизацию диаспор: «мировые» диаспоры, оказывающие влияние на развитие системы международных отношений и политику ведущих государств; диаспоры, чье влияние ограничивается региональными системами, отдельной группой стран; диаспоры, имеющие значение для двусторонних отношений.

К типологообразующим признакам, характеризующим «мировые» диаспоры, следует относить ареал расселения; количественный потенциал диаспоры, предполагающий наличие некой критической массы, ниже которой существование диаспоры в качестве «мировой» становится проблематичным; политический, экономический и культурный потенциал, позволяющий оказывать влияние не только на политику и экономику отдельных стран, но и на развитие международных отношений; осознание себя в качестве «мировой» диаспоры; наличие международных диаспоральных объединений (Всемирный еврейский конгресс; Всемирный конгресс русских организаций и т. п.).

По мнению Т.В. Полосковой, историческая ситуация, в которой происходит развитие «новых» диаспор, характеризуется рядом признаков: их возникновение обусловлено распадом государственных образований и ростом миграционных потоков (необходимо отметить глобальный характер этих процессов, получивших распространение, практически, во всех регионах мира); развитие «новых» диаспор происходит в условиях этнократии, что несет в себе конфликтогенный потенциал.

Исследователи не только выделяют различные типы диаспор, но и предпринимают попытки классифицировать их. Так, С.А. Арутюнов и С.Я. Козлов различают диаспоры по времени их образования. В группу старых диаспор они включают те, которые существовали со времен древности или Средневековья: это еврейские, греческие, армянские диаспоры в странах Европы и Западной Азии, китайские и индийские в странах Юго-Восточной Азии. Относительно молодыми авторы считают турецкие, польские, алжирские, марокканские, корейские, японские диаспоры; совсем новыми — диаспоры, формируемые гастарбайтерами (выходцами из Палестины, Индии, Пакистана, Кореи) в нефтяных государствах Персидского залива и Аравийского полуострова с начала 1970-х годов³¹.

Р. Брубейкер ввел в научный оборот новое понятие — «диаспоры катаклизма». Появление таких диаспор он связывает с дезинтеграцией и распадом крупных государственных образований, приводящих к изменению политических границ. Главной идеей, положенной Р. Брубейкером в основу выделения «диаспор катаклизма», служит не перемещение людей через границы, а движение самих границ. «Диаспоры катаклизма», в отличие от уже знакомых исторических или трудовых диаспор, возникают мгновенно, в результате резкого изменения политического устройства, вопреки желанию людей. Они более компактны по сравнению с трудовыми диаспорами, имеющими тенденцию быть рассеянными в пространстве и слабо укорененными в принимающих странах³².

Уорвик Р. Коэн выделяет четыре типа диаспор: диаспоры-жертвы (еврейская, африканские, армянская, палестинская), трудовые диаспоры (индийская), торговые (китайская) и имперские (британская, французская, испанская, португальская)³³.

Дж. Армстронг при классификации диаспор исходит из характера их взаимодействия с мультиэтничным государством, в котором они обосновались. Он выделяет два типа диаспор: «мобилизованные» и «пролетарские». «Мобилизованные» диаспоры имеют длительную и сложную историю, они складывались веками. Эти диаспоры обладают способностью к социальной адаптации и потому глубоко укоренились в принявшее их общество. К категории «мобилизованных» диаспор Дж. Армстронг относит, прежде всего, еврейскую диаспору (он называет ее архетипичной, т. е. истинной, первоначальной диаспорой) и армянскую. «Пролетарские» диаспоры — это молодые, возникшие недавно этнические сообщества. Дж. Армстронг считает их «неудачным продуктом современной политики»³⁴.

Г. Шеффер выделяет следующие типы диаспор:

– диаспоры с глубокими историческими корнями (сюда относятся армянская, еврейская и китайская);

– «дремлющие» диаспоры (американцы в Европе и в Азии и скандинавы в США);

– «молодые» диаспоры (их образуют греки, поляки и турки);

– «зарождающиеся», то есть находящиеся лишь в начальной стадии своего становления (их только начинают формировать корейцы, филиппинцы, а также русские в бывших советских республиках);

– «бездомные», то есть не имеющие «своего» государства (в эту категорию попадают диаспоры курдов, палестинцев и цыган);

– «этнонациональные» — самый распространенный тип диаспор. Их характерная особенность в том, что они чувствуют за спиной незримое присутствие «своего» государства;

– диаспоры «рассеянные» и диаспоры, живущие компактно³⁵.

Очень интересна детально разработанная типология, предложенная В.Д. Попковым. Он классифицирует диаспоры на основе восьми критериев.

1. Общность исторической судьбы. По этому критерию выделяются два типа:

1) диаспорные образования, члены которых проживают на территории своего бывшего государства, но за пределами отделившейся страны исхода (например, армянские или азербайджанские диаспоры в России, русские (и «русскоязычные») общины в государствах Средней Азии); 2) диаспорные образования, члены которых ранее не были связаны с территорией нового проживания единым правовым, языковым полем и никогда не являлись частью единого государства (сюда относится большинство ныне существующих диаспор — например, армяне в США или во Франции, турки в Германии и др.).

2. Юридический статус. Этот критерий также позволяет разделить все диаспоры на два типа: 1) общины, члены которых обладают официальным юридическим статусом, необходимым для легального пребывания на территории принимающего региона (сюда относится статус гражданина страны поселения, вид на жительство, статус беженца и т. д.); 2) общины, члены которых находятся на территории принимающей страны преимущественно нелегально и не имеют официальных документов, регламентирующих их пребывание (В.Д. Попков подчеркивает, что данное разделение довольно условно, поскольку практически

каждая диаспорная община включает в себя как лиц с признанным юридическим статусом, так и нелегалов).

3. Обстоятельства появления диаспор. Здесь возможны два случая. Первый связан с миграцией. Группы людей пересекают государственные границы и перемещаются из одного региона в другой, в результате возникают новые диаспорные общины либо пополняются уже существующие. Второй случай предполагает перемещение самих границ: та или иная группа остается на месте и, оказавшись «вдруг» в положении этнического меньшинства, вынужденно формирует диаспорную общину (наиболее ярким примером могут служить русские в бывших республиках Советского Союза).

4. Характер мотивации к переселению. В соответствии с этим критерием диаспорные образования делятся на: 1) возникшие в результате добровольного перемещения людей, движимых, например, экономическими мотивами (таковыми является большинство «новых» диаспорных общин в странах ЕС, например, турки или поляки в Германии); 2) сформировавшиеся в результате «выдавливания» членов данной этнической группы с исходной территории вследствие различного рода социальных, политических изменений или природных катаклизмов (в эту категорию попадает большинство классических диаспор, возникших в результате принуждения к переселению, а также русская эмиграция первой и второй волн).

5. Характер пребывания на территории региона поселения. По этому критерию диаспоры делятся на три типа: 1) общины, члены которых ориентированы на постоянное нахождение на новой территории, то есть на оседлость и получение гражданства страны поселения; 2) общины, члены которых склонны рассматривать регион нового поселения как транзитную область, откуда должно следовать продолжение миграции или возвращение в страну исхода; 3) общины, члены которых настроены на непрерывную миграцию между страной исхода и регионом нового поселения (сюда следует отнести, например, значительную часть азербайджанцев в России, ориентированных на челночную миграцию).

6. Наличие «базы» в регионе нового поселения. Здесь выделяются два типа: 1) диаспорные образования, члены которых длительное время проживают (или проживали) на территории региона поселения, исторически связаны с местом нового проживания и уже имеют опыт взаимодействия с его культурой и обществом. Такие диаспоры отличаются наличием сложившихся сетей коммуникаций, обладают высоким уровнем организации и экономическим капиталом (типичными примерами являются еврейские или армянские диаспоры на территории России); 2) диаспорные общины, возникшие в относительно недавнее время и не имеющие опыта взаимодействия с культурой и обществом принимающего региона (сюда относятся «новые», или «современные» диаспоры — такие, например, как турки в Германии или афганцы в России).

7. «Культурная схожесть» с принимающим населением. Данный критерий предполагает разделение на три типа: 1) общины с близкой культурной дистанцией (например, украинские общины в России, азербайджанские общины в Турции, афганские общины в Иране); 2) общины со средней культурной дистанцией (например, русские общины в Германии или армянские общины в России); 3) общины с дальней культурной дистанцией по отношению к населению принимающего региона (например, афганские общины в России или турецкие общины в Германии).

8. Наличие государственных образований на территории страны исхода. Данный критерий предполагает разделение диаспорных общин на три типа: 1) диаспорные общины, члены которых имеют свое государство, историческую родину, куда они могут вернуться добровольно либо быть высланы властями региона нового поселения; 2) «безгосударственные» диаспоры, члены которых не имеют официально признанного государства, на поддержку которого могли бы рассчитывать (сюда относятся, например, цыгане, палестинцы, до 1947 г. — евреи)³⁶.

Приведенная типология показывает, сколь сложным и неоднозначным является феномен диаспоры. Неудивительно поэтому, что ни одному исследователю до сих пор не удалось дать определение, более или менее устраивающее всех. Как справедливо отмечает А.Ю. Милитарев, «в современной литературе термин этот достаточно произвольно применяется к самым разным процессам и явлениям с вкладыванием в него того смысла, который считает нужным придать ему тот или иной автор или научная школа»³⁷.

Несмотря на широкий диапазон мнений, с определенной долей условности можно выделить три основных подхода к исследованию феномена диаспоры: социологический, политический и этнический.

Сторонники «социологического» подхода, получающего в последнее время все большее распространение, важнейшим условием, дающим право этническим и религиозным группам, проживающим за пределами своей родины, именоваться диаспорой, называют наличие в них социальных институтов. Методология этого подхода хорошо прослеживается в статье Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой «Диаспора как объект социологического исследования»³⁸. Хотя эта статья появилась еще в 1996 г., почти все авторы, затрагивающие в своих работах проблему диаспоры, до сих пор ссылаются на нее.

Сторонники «политического» подхода рассматривают диаспору как политическое явление. Основной акцент они делают на таких понятиях, как «родина» и «политическая граница», поскольку в их интерпретации диаспорами считаются лишь те этнические расселения, которые находятся за пределами государства исхода.

Среди российских ученых наиболее ярким сторонником политического подхода является директор Института этнологии РАН, академик В.А. Тишков. По его мнению, «чаще всего употребляемое, хрестоматийное понятие «диаспора», используемое для обозначения «совокупности населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения», равно как и более сложные дефиниции, встречающиеся в отечественной литературе, малоудовлетворительны, ибо имеют ряд серьезных недостатков»³⁹.

Активным критиком концепции В.А. Тишкова является Ю.И. Семенов. В.А. Тишков, по мнению Ю.И. Семенова, при определении сущности «диаспоры» переоценивает значимость понятия «родина», которое разными учеными трактуется далеко неодинаково. «Сконцентрировав свое внимание на политической стороне диаспоры, В.А. Тишков в конечном счете пришел к выводу, что диаспора — суть явление только политическое, — отмечает Ю. И. Семенов. Это не значит, что он совсем не заметил диаспоры как этнического явления. Однако чисто этнической, неорганизованной диаспоре он отказал в праве называться диаспорой. Он назвал ее просто «миграцией»⁴⁰.

Ю.И. Семенов не согласен с таким подходом. Он считает, что диаспора — явление в своей основе, прежде всего этническое. Этнос, или этническую общность он определяет как «совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп»⁴¹. Ю.И. Семенов убежден, что «по-настоящему разобраться в проблеме диаспоры невозможно, если не выявить отношения диаспоры и этноса, этноса и общества, и, наконец, этноса, нации и общества»⁴².

В последние годы ученые, занимающиеся изучением проблем, связанных с диаспоральными процессами, все чаще говорят о «размывании привычных представлений о диаспоре» и о появлении у современных диаспор качественно новой черты — транснациональности. Как отмечает А.С. Ким, современные диаспоры — это «особые социальные группы, чья идентичность не определяется каким-либо конкретным территориальным образованием; масштабы их распространения позволяют говорить о том, что явление диаспоральности приобрело уже транснациональный характер»⁴³.

Диаспорам не грозит исчезновение, подчеркивает Г. Шеффер. Напротив, в условиях глобализации в различных государствах, вероятно, начнут возникать новые иммигрантские сообщества, а численность старых будет увеличиваться. Соответственно, следует ожидать укрепления диаспоральных организаций и трансграничных сетей поддержки, а все большая политизированность лидеров и рядовых членов диаспор будет способствовать еще более активному их участию в культурной, экономической и политической жизни принявших их обществ»⁴⁴.

Итак, развернувшаяся в научном сообществе дискуссия по вопросу об определении понятия «диаспора» прояснила позиции исследователей и наглядно продемонстрировала, как велики различия между ними в понимании столь сложного и неоднозначного социально-культурного феномена. Свидетельством этого является и отсутствие единого общепринятого определения понятия «диаспора». А между тем потребность в таком определении ощущается довольно остро, причем не только теоретическая, но и практическая. Поскольку процесс диаспоризации углубляется и принимает все новые и новые формы, а роль диаспор и их влияние усиливаются, принимающие мигрантов страны стоят перед необходимостью разработки и проведения особой политики по отношению к этим новым этническим и культурным образованиям. Но такая политика вряд ли может быть эффективной, если отсутствует четкое определение самого «предмета», на который она направлена

Примечания

¹ Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Большой толковый словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 42.

² Милитарев А. О содержании термина «диаспора» и к выработке его определения // Диаспоры. 1999. № 2. С. 57.

³ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1; Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–138.

⁴ Козлов В.И. Диаспора // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 26.

⁵ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сборник статей / Под ред. академика РАН Ю.А. Полякова и доктора исторических наук Г.Я. Тарле. Составитель Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 4.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 22.

- ⁸ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 38.
- ⁹ Полоскова Т. Современные диаспоры: внутриполитические и международные проблемы. М., 2000. С. 18.
- ¹⁰ Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.
- ¹¹ Бромлей Ю.В. К типологии этнических общностей. Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1988.
- ¹² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- ¹³ Абдулатипов Р.Г. Государственное регулирование национальной политики М., 2001; Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998; Джунусов М.С. Нация как социально-этническая общность // Вопросы истории. 1976. № 4; Затеев В. И. Национальные отношения при социализме. Улан-Удэ, 1975; Полоскова Т. Современные диаспоры. Внутриполитический и международный аспекты. М., 1999; Тишков В.А. Политическая антропология // Российские исследования в гуманитарных науках. Lewiston, 2000. Т. 1 и др.
- ¹⁴ См.: Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2; Аствацатурова М. Северокавказские этнические сообщества Ставрополя: движение к диаспоре // Диаспора. 2001. № 1; Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки современности. 2000. № 3; Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М., 1994; Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993; Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001; Тоценко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12 и др.
- ¹⁵ Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М., 1994.
- ¹⁶ Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.
- ¹⁷ Тоценко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12.
- ¹⁸ Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспора. 2001. № 1; Буяхаев С. Этнические меньшинства в республике Бурятия // Российский этнограф. 1993. № 12; Ганеева А.В. Национально-культурные центры как фактор стабильности межкультурных отношений в полиэтническом обществе: Дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2002; Остапенко Л., Субботина И. Проблемы социально-экономической адаптации выходцев из Закавказья в Москве // Диаспоры. 2001. № 1; Попков В. Как живет кавказцам в российской провинции? (на примере Калуги) // Диаспора. 2001. № 1; Хабенская Е.О. Татары о татарском. М., 2000 и др.
- ¹⁹ Connor Walker. The impact of homelands upon diasporas // Modern Diasporas in International Politics, London: Groom Helm. 1989. P. 16.
- ²⁰ Гаджиев К.С., Соловьева Э.Г. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. М., 2006. С. 5.
- ²¹ Милитарев А. О содержании понятия «диаспора» (К разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 12. С. 24.
- ²² Гаджиев К.С., Соловьева Э.Г. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. М., 2006. С. 124.
- ²³ Полоскова Т. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М., 1999.
- ²⁴ Тоценко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33.
- ²⁵ Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1998. С. 36–37.
- ²⁶ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 230.
- ²⁷ Жовтун Д.Т. Конфликтология. Межэтнические конфликты в структуре современного российского социума // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1. С. 134, 137.
- ²⁸ Тоценко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспоры как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 36.
- ²⁹ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 21.
- ³⁰ Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей: дисс. ... доктора политических наук. Москва, 2000.
- ³¹ Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 2005. 23 ноября.
- ³² Brubaker R. Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past a. present. Wien., 2000. P. 19.

- ³³ Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global diasporas /Ed. by R. Cohen. Second edition. N. Y., 2008. P. 31.
- ³⁴ Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. Washington, 1976. Vol. 70. № 2. P. 393.
- ³⁵ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. М., 2003. № 1. С. 165.
- ³⁶ Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор // Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00-0kongress>. Дата обращения: 12.01. 2011.
- ³⁷ Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. М., 1999. № 1. С. 24.
- ³⁸ Тощенко Ж.Т., Чантыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. М., 1996. № 12. С. 33–42.
- ³⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 435.
- ⁴⁰ Семенов Ю. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 64–74.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): Автореф. дисс. на соискание ученой степени д. полит. н. СПб., 2009.
- ⁴⁴ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. М., 2003. № 1. С. 170.

А.А. Гафаров

**«ИЗДЕРЖКИ» РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОК
(в трудах отечественных исследователей
второй половины XIX века)**

Бурная интеграция исламского мира в общемировые процессы, начавшаяся на рубеже XVIII–XIX веков, привела к вовлечению мусульманских стран в структуру международных политических и экономических связей, прогрессу научного мировоззрения и светского образования, привнесению новых технологий, а также элементов европейской культуры. За сто лет в жизни мусульман произошли столь существенные перемены, едва ли не сопоставимые со всем тысячелетним периодом предыдущего развития. Однако, колонизация наряду с прочими выгодами европейской цивилизации несла в жизнь покоренных народов массу негативных моментов, разрушающих основы их духовного, социокультурного строя.

По мнению Н.М. Ядринцева, «вторжение русских в Азию уничтожает прежние связи и отношения, повсюду происходит передвижение и разряжение сил, которое сопровождается разложением и катастрофами»¹. «Изддержки» этого движения вызывали опасения даже у явных апологетов российского колониализма. Н.И. Ильминский в 1887 г. озабоченно писал Победоносцеву: «Русские колонизаторы, на первых порах раскольники, наглые и злые, явились... с пренебрежением к инородцам... Со многих сторон приводилось мне слышать, что вообще великорусы — плохие колонизаторы: они всё норовят на даровое и на чужое, в религиозном отношении невежды, в нравственном — распущенные, в хозяйстве неряхи... Вообще у нас колонизация, особенно усилившаяся за последние годы, ведётся нехорошо. Это как бы огромный поток, с которого сняли плотину, и он понёсся неудержимо, всё затопляя и разрушая»².

«Сюда (на Восток — А.Г.), — продолжает Н.М. Ядринцев («Сибирь как колония», 1882), — бежали воры, грабители, разбойники и разные преступники»³,

«у которых одно на уме, — по мнению Кастрена, — как бы хитростью и обманом притянуть к себе трудом и потом приобретенное имущество простодушного и доверчивого туземца. Такие поступки, правда, делают их счастливыми, но, вследствие этого, большая часть из этих искателей счастья стали нравственно портиться, погружаться в зверскую грубость»⁴. Борьба за колонизацию, — констатирует Ядринцев, — не могла не сделать «это население грубым и отсталым. Какими слабыми культурными и умственными средствами обладает русское население среди инородцев до настоящего времени — это видно из многих свидетельств путешественников и учёных»⁵. Русскую колонизацию на Восток сопровождали массовое спаивание аборигенов и распространение многочисленных болезней. Ужасающие картины деградации и вымирания коренных народов Сибири представили в своих трудах С.С. Шашков, Н.М. Ядринцев и др. Корреспондент журнала «Деятель», обсуждая тему пьянства среди башкир, откровенно признаёт: «В данном случае, мне думается, пьянство привилось к башкирам через общение последних с русскими»⁶. По отзыву ориенталиста, знатока казанского края О.С. Лебедевой, татары, соблазнённые в христианство, в большей степени занимаются пьянством и игрой, чем мусульмане⁷.

Пользуясь нищетой и неискушенностью местных жителей, колонизаторы за бесценок скупали обширные земли. Как пишет Шиле: «разные лица начали скупать у них (башкир — А.Г.) огромные пространства земли за самую дешёвую цену. Даже за последние годы (конец 70 гг. — А.Г.), башкирские земли покупались по полтине и по рублю за десятину, в то время, как даже годовая арендная плата была гораздо выше этой цены»⁸. Из Уфы сообщал «Голос» (1876), что некий Уткин приобретал в 1874 г. огромные территории в Бирском уезде по 12 коп за десятину. Подобные сделки, как отмечает автор, достигались подарками, спаиванием, угрозами и захватом территории сверх купленного⁹. Корреспондент «Казанского биржевого листка» в заметке «О покупке башкирских земель в Уфимской губернии» (1876) поясняет: «...башкиры весьма часто во многом терпели лишения, сумма назначенная им одновременно за всю землю, с первого взгляда, по всей вероятности, поразила их своей «громадностью»... они, ни мало не сопротивляясь, попали в эту приготовленную для них ловушку, не предвидя того позднего раскаяния или отчаяния, в каком находятся теперь»¹⁰. Не случайно Г.Н. Потанин в конце XIX в. называл башкир «вымирающим народом» и «угасающим племенем»¹¹.

Относительно сибирских татар Ядринцев также отмечает (1891), что инородцы «запродают» землю «за ничтожную сумму 2–3 рубля»¹². Впоследствии для облегчения движения переселенческому «поток» правительством были приняты законы, позволяющие отбирать у кочевников (на «законном» основании) «лишние» земли. Так, на казахских землях были поселены сибирские и оренбургские казаки. Казацким офицерам (хорунжиям и сотникам) нарезались участки (с правом продажи) по 600 десятин, а генералам и более¹³. В Семиречье в пользу казацких переселенцев насильно отбирались у киргизов орошенные земли; казакам отводились огромные наделы до 100 десятин на мужскую душу. В результате их благосостояние держалось «не на труде и культурной работе, но на высокой норме земельных наделов», которые, по большей части, сдавались в аренду местному населению¹⁴. (Характерно при этом, что российским правительством не было проведено практически «никаких оросительных работ»; сделанные же

попытки были весьма неудачны, причинили «огромный вред населению».)¹⁵ «Замечательную» оценку в статье «Азиатская культура и цивилизация» (1894) дал российской колонизации проф. А.Н. Краснов¹⁶: «Земледелец Европы и в особенности наш южнорусский мужик и барин, изгадив, обобрав, опустошив свой край, сами гнушаются созданной ими мерзости и в природе и в человеческих отношениях. И тогда мужики целыми толпами бессознательно, как стадо, бегут искать новых земель, нового поприща для разрушения и обирания, а барин едет за границу проживать награбленное у природы и людей богатство вдали от содеянного им преступления»¹⁷.

Кавказская война «изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру»¹⁸. По воспоминаниям публициста Я.В. Абрамова, «все три лета, которые я провёл здесь в Нальчике..., мне пришлось вволю насмотреться на то, с каким бесстыдством русские истребляли продукты кабардинской культуры и многолетнего труда». Богатейший край опустел, «хотя некогда прежде ... кормил очень и очень большое население». «Огромные пространства земли, прежде занятые горцами не вызывают даже ни в ком желания приобретения: так мало кажутся они пригодными для культуры», хотя цена на плоскости в некоторых местах и упала до 3 руб. за десятину¹⁹. В результате, как иронично заметил П. Цирульников, колонистов вероятно «придётся переселять на новые места, покорив предварительно какого-либо супостата... ну хотя бы киргиза... Господи! Если хочешь испакостить своё творение — природу, отдай её русскому человеку, а уж он её «произведёт»²⁰. Переселенцы-казаки в Кубанской области получили по 30 десятин на мужскую душу, которые они, как правило, так и не смогли освоить. В телеграмме ингушского народа в Государственную Думу отмечалось, что в руки казаков перешло 2/3 всех земельных угодий. Избыток земли частью сдавался местным инородцам, частью просто зарастал лесом.

«Кавказская администрация ставила горцев в положение париев, смотрела на них как на низшую покорённую расу, как на «гололобых татар», «азиатов», ...с которыми позволительно какое угодно обращение. Такими же глазами смотрела на туземцев и главная масса русского населения, в лице казачества»²¹. Для них «туземец являлся не человеком, а так «тварью» какою-то, церемониться с которою решительно нет резона»; в результате утвердился «взгляд, что туземцы стоят вне закона и всякий самосуд против них возможен»²². В Местном обозрении «Среднеазиатского вестника» (1896) выражено откровенное кредо колонизатора: «всего в тридцать лет мы приучили полудикого азиатского туземца смотреть на нас как на распорядителей и строителей его судьбы... Мы для них высшая раса»²³.

Очевидно, что имперская психология проникла во все слои великоросского общества, став органичной частью менталитета, породив устойчивые стереотипы национального восприятия. Н.Миролюбов в фельетоне «Воскресные беседы» (1894) откровенно признаёт: «Вечно новой историей остаётся протест благомыслящих уважающих своё человеческое достоинство людей против неблагоприятной черты в особенно сильной степени, к сожалению, присущей именно русскому народу, составляя один из его крупных недостатков. Это крупный недостаток, в числе целого ряда других, не раз подчёркивался иноземными писателями, повествовавшими о России не только в новейшие времена, но даже ещё в XVII и XVI столетиях. Этот недостаток — страсть русского человека издеваться над

иноземцами и иноверцами, страсть, которой не чужды бывают и люди, мнящие себя «интеллигентами»²⁴.

О великоросском пренебрежении к инородцам сетует также последователь Ильминского Я.Д.Коблов: «В противоположность татарам, русские не стараются сблизиться с инородцами; проявляют к ним, но по большей части, прямо таки враждебное отношение, награждая их при всяком случае не особенно лестными названиями. Русский, например, не позволит своим детям играть с детьми чуваш и черемис, а поест из их посуды — сохрани Бог; ибо из их посуды едят свиньи и собаки. Нередко от русских можно слышать об инородцах: «И что это за народ; у этих собак и особой банной посуды нет; из чего моются, из того и жрут. Тьфу. Давно бы их всех следовало в Сибирь сослать». К подобным издевательствам инородцы в значительной степени привыкли и притерпелись; но и о сближении их с русскими конечно, не может быть и речи». «Для осмеяния инородцев у русских существует очень много рассказов; например рассказ о происхождении чуваш из поганого теста, в котором копались собаки и свиньи; вотяков называют «саврасыми мышами», татар (безразлично крещённых и магометан) «собаками», черемис «черноногими баранами»²⁵. Н.И. Золотницкий²⁶ в своём докладе Совету Братства св. Гурия с грустью приводит весьма характерный эпизод: «Русский ямщик, с которым я ехал в той же местности, встретясь с длинной вереницею саней и, погоняя свою тройку, принялся хлестать плетью каждого из сидевших в санях, приговаривая: «держи собака, чувашская лопатка!» «Замечу, что многообразные обороты русского сквернословия, породившего поговорку, что «честной женщине можно спокойнее пройти мимо стада скотов, чем мимо толпы мужиков», сильнее всякой заразы прививаются к инородцам...»²⁷

«В значительной части нашего образованного или полубразованного общества слышны нередко самые дикие и грубые мнения и выражения об инородцах», — писал Н.П. Остроумов. «Это совсем не по-христиански, да и большое заблуждение, великий предрассудок. Это решительно наше несчастье! Пора, давно пора понять, что начало разнообразия только пополняет и оплодотворяет начало единства: «каждую особенную народность жизни и слова, по прекрасному замечанию Средневекового, — можно сравнить с особенным музыкальным тоном: каждая необходима, каждая самобытна, хотя и сливается с другим...»²⁸ «Вообще говоря, многие недостатки нашей образованности, нашей администрации, всей нашей полупраздной и сонной провинциальной жизни объясняются господствующим в провинции, да и в столичном обществе равнодушием, пренебрежением и невежеством, часто весьма не нравственным презрением к инородцам, среди коих живут русские образованные люди иногда целые десятки лет, не научась ни одному из этих языков, не ознакомившись с местным населением...»²⁹

В Средней Азии также «благочестие поколебалось»³⁰. (Как горестно сетовал поэт Абай Кунанбаев: «Забыты обычаи старых времён...», «степь полна вражды и воровства».)³¹ «Туземцы, сблизившиеся с русскими и научавшиеся говорить по-русски, усваивали преимущественно внешнюю сторону русской жизни, большею частью отрицательные стороны, научались вести легкомысленный образ жизни, пить вино и пиво; это относилось даже к учёным, представителям религии, как муфтий, впоследствии казий Саттар-хан»³². Туркестанский генерал-губернатор в докладной записке (1908) военному министру признавал: «...не следует забывать, что мы внесли в среду среднеазиатских народностей также и массу

отрицательных сторон европейской культуры: пивные рестораны, опиокурильни, публичные дома, и проч. заведения расплодились не только в городах, но и каждом мало-мальски большом городском селении. Туземная молодежь хлынула на эти приманки душевного и телесного разврата и к ужасу и горю стариков прославляет себя неслыханными нарушениями корана и законных вековых традиций Востока о благопристойности и воспитанности. Появились грабители, убийцы, явные развратники и хулиганы среди туземной молодежи; с поразительной быстротой исчезает вера в бога, уважение к старшим и почёт к властям. Если подобный упадок нравственности будет сопровождаться и впредь, то трудно даже представить, во что обратятся последующие поколения туземцев. Теперешние старики, муллы, кази и старшины, с прискорбием взирая на такой упадок нравов, винят во всём русских, и вероятно, в сердцах многих из них, как у Мадали, Мин-Тюбинского ишана в 1898 году, не раз зарождались тайные желания так или иначе свергнуть иго «неверных урусов». Эту сторону местной туземной жизни также необходимо учитывать, ибо через неё может произойти вспышка серьёзного народного неудовольствия, глубокого по своим последствиям потому, что народ будет уверен в правоте своего дела»³³.

«К сожалению, предшествующая история оставила столько горьких воспоминаний, — резюмирует Ядринцев, — совершенно было столько ненужных жестокостей, а позднейшая эксплуатация инородцев и обирание их так опровергали всякие дружественные и братские чувства, что между русскими и инородческим населением находится доселе пропасть и полное недоверие со стороны народа»³⁴. Проводя аналогии с отношением европейских колонизаторов к американским индейцам, он отмечает, что «магометанское население» в результате не только не смогло сблизиться с русской общиной; «мало того, оно находится в антагонизме с русским населением на экономической почве за захваты угодий»³⁵. И хотя, сравнивая с Америкой, Ядринцев называет Сибирь «нашими Соединёнными Штатами», сравнение с Австралией и Америкой — не в пользу Сибири³⁶.

Примечания

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 89.

² Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. С. 220–221.

³ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 133. Только с 1823 по 1877 гг. в Сибирь было сослано 393914 преступников.

⁴ Цит. по: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 48.

⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 47; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 168.

⁶ Башкиры и народные чайные // Деятель. 1900. № 8–9. С. 378.

⁷ Lebedeff, Olga. Abrege de l'histoire de Kazan, offert aux membres du XII-me Congres des orientalistes. Roma, 1899. P. 85–86.

⁸ Шиле. Башкиры. Этнографический очерк // Природа и люди. 1979. Март. С. 8.

⁹ Из Уфы // Голос. 1876. № 7. 7 января.

¹⁰ В.Г. О покупке башкирских земель в Уфимской губернии // Казанский биржевой листок. 1876. № 20. 7 марта.

¹¹ Потанин Гр. В юрте последнего киргизского царевича. (Из поездки в Кокчетаевский уезд) // Русское богатство. 1896. № 8 (август). С. 80.

¹² Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... С. 29.

¹³ Потанин Гр. В юрте последнего киргизского царевича... С. 80.

¹⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 146, 147.

¹⁵ Там же. С. 149, 151.

- ¹⁶ *Краснов А.Н.* (1862–1914 гг.) русский ботаник и географ. Труды по истории растительности Средней Азии и степей Северного полушария. Основал Батумский ботанический сад.
- ¹⁷ *Краснов А.Н.* Азиатская культура и цивилизация // Книжки недели. СПб, 1894. июнь. С. 197.
- ¹⁸ *Личков П.С.* Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904. С. 5–6.
- ¹⁹ *Абрамов А.* Кавказские горцы // Дело. 1884. № 1 (январь). С. 70, 75, 78. В 1868 г. пришлось даже упразднить 12 станиц в Кубанской области «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщения и отчасти климата», как сказано в официальном приказе. Земли, розданные в частную собственность, также остаются до сих пор совершенно пустыми и некультивированными» См.: там же. С. 70.
- ²⁰ *Цирюльников П.* На старом пепелище черкесов абадзехов. Цит. по: Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М., 1913. С. 28–29.
- ²¹ *Ахмет Ц-ов.* Русская бюрократия и кавказские горцы // Вестник Европы. 1909 Т.V. Кн. 9. С. 301–304. «Эти отношения не пережиток военного времени. Есть в России места, где военные отношения прекратились сотни лет назад, где ряд поколений вырос в мирной обстановке и где всё же, несмотря на это, сохранилась ненависть казаков к туземцам и наоборот». См.: Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье... С. 92.
- ²² *Абрамов А.* Кавказские горцы... С. 79.
- ²³ Местное обозрение // Среднеазиатский вестник. 1896. Март. С. 64.
- ²⁴ *Миролюбов Н.* Воскресные беседы // Волжский вестник. 1894. № 206. 14 августа.
- ²⁵ *Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С. 13, 14.
- ²⁶ Золотницкий Н.И. — инспектор чувашских школ в Казанском учебном округе.
- ²⁷ Доклад Совету Братства св. Гурия братчика Н. Золотницкого // Приложение к сборнику документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 40.
- ²⁸ *Остроумов Н.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. I. Январь. С. 157.
- ²⁹ С.-Петербургские Ведомости. 1896. — № 64. 6 марта.
- ³⁰ *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 149.
- ³¹ *Абай.* «Свою судьбу от мира не таю...» Избранное. — Алматы, 1995. С. 50, 226.
- ³² *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана Л., 1927. С. 170.
- ³³ Цит. по: *Галузо П.Г.* Туркестан-колония. Ташкент, 1935. С. 202.
- ³⁴ *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы... С. 203.
- ³⁵ Там же. С. 29.;
- ³⁶ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония... С. 95, 141, 433, 449.

Е.В. Колесова

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА КАЗАНСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ В XIX ВЕКЕ

Распад СССР, обострение социально-политической ситуации и вспышки этнических и конфессиональных конфликтов на «постсоветском пространстве» в 1990–2000-е годы оживили интерес отечественных и зарубежных исследователей к истории формирования многонациональной, поликонфессиональной Российской империи и внутренней политике ее властей.

Приоритетным направлением для ученых стало изучение политики имперских властей в национально-религиозном вопросе, в частности, миссионерская деятельность православной церкви в распространении православия среди нерусских народов¹.

Особый интерес для исследователя представляет регион Среднего Поволжья. Эта территория вошла в состав России в середине XVI века и в начале XIX века уже не являлась пограничным рубежом империи. В то же время регион сохранял этническую, культурную и конфессиональную неоднородность и рассматривался российскими властями как «национальная окраина».

Утверждения православия в качестве государственной религии отразилось на правовом статусе местных нерусских народов. Российское законодательство формально почти не знало ограничений по национальному признаку, который официально не фиксировался. Правовые ограничения были связаны с конфессиональной принадлежностью. Вероисповедание являлось основным критерием, разделившим подданных империи на православных христиан и иноверцев. В конце XVIII – начале XIX века важным критерием правового разграничения наряду с конфессиональным стал образ жизни, что привело к введению правовой категории «инородцы». Эта категория охватывала многочисленные тюркские, угро-финские, монгольские и тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Крайнего Севера, включенные в состав Российского государства в ходе территориальной экспансии XVI–XVIII веков. Они находились на разных уровнях развития, сохраняли уклад жизни, отличный от уклада русского православного населения, и в административно-юридическом отношении были поставлены в особое положение. К середине XIX века понятие «инородец» было распространено на все нерусские народы России и широко применялось как на бытовом уровне, так и в деловых бумагах.

Духовные власти и православное духовенство Казанской епархии в практической деятельности имели непосредственные отношения с иноверцами и инородцами, главным образом тюрко-исламским и финно-угорским языческим населением Среднего Поволжья. В первой половине XIX века основное население региона составляли представители пяти этнических групп — русские, татары, чуваша, марийцы и мордва. По доле нерусского населения первое место в Поволжье занимала Казанская губерния. По данным В.М. Кабузана, она была единственной губернией региона, где русские составляли меньше половины населения².

Этническая неоднородность региона дополнялась конфессиональной. В результате двух волн массовой насильственной христианизации, осуществленной правительством в середине XVI века и в 1730–1760 годы, основная масса чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов, придерживающихся язычества, была христианизирована. Подавляющее большинство татар остались приверженцами ислама³. Но как показывают результаты переписи населения 1897 года, крещение и даже утрата родного языка не всегда сопровождаются изменением этнического сознания и подавлением культурно-религиозных традиций. Большинство новокрещеных (т. е. крещеных после первой ревизии 1722 года) являлись христианами формально и продолжали считать себя мусульманами или язычниками.

Особенностью региона было и тесное проживание представителей нескольких народностей, что приводило к взаимовлиянию в конфессиональной, языковой и культурной области. Поэтому вероисповедный и культурно-языковой состав населения Среднего Поволжья определялись не только его этническим происхождением, но и степенью воздействия русского православного или татарского мусульманского населения. О происходивших в регионе процессах аккультурации в первой половине XIX века свидетельствуют материалы, опубликованные на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» за 1867 год⁴.

Методы насильственной христианизации подрывали внутреннюю социально-политическую стабильность Российской империи. Со времени Екатерины II и на протяжении первой половины XIX века при усилении государственного контроля важным условием сохранения единства многонациональной и поликонфес-

сиональной империи стала политика терпимости к верованиям неправославных подданных. Утверждение православия как государственной религии не сопровождалась установкой на радикальную унификацию нерусских народов — религиозную (христианизация) и культурно-языковую (русификация)⁵.

Государственная политика веротерпимости и отходническое движение, развернувшееся в Среднем Поволжье с конца XVIII века до 40-х годов XIX века с его массовым возвращением новокрещеных в язычество и ислам, привели духовные власти и духовенство Казанской епархии к пониманию необходимости новых методов утверждения инородцев в христианской вере. С начала XIX века в среде казанского православного духовенства начала складываться программа христианского просвещения местных нерусских народов. Ее целью было не культурное просветительство инородцев, а только религиозно-нравственное с тем, чтобы укрепить новокрещенных в православии, ограничить влияние ислама и тем самым остановить отходничество. Основными методами утверждения православия должны были стать «культурные» методы — проповедничество и духовное просвещение. Осуществление программы потребовало новой организации миссионерского дела и наличия миссионерских кадров со знанием местных языков.

Миссионерский характер казанских православных учебных заведений был отличительной особенностью с самого начала их образования. Уже в указе Анны Иоанновны 1737 года высказывалось требование, чтобы казанская духовная семинария не только «в добром порядке была утверждена», но и «от времени до времени в науках размножалась с таким подкреплением, что в Казани наипаче других мест ученые священники потребны ради обращения иноверцев»⁶.

Недостаток священнослужителей, знавших одновременно русский и местные языки, способствовал тому, что в XVIII веке казанские духовные власти пытались готовить миссионеров из числа самих инородцев. Для этого в Казани, Елабуге, Царевококшайске и Цивильске были созданы новокрещенские (инородческие) школы. Новокрещенские школы были низшими духовными заведениями, учреждаемыми «для обучения некрещеных вотяков, мордвы, чуваш, так разных народов новокрещенских детей»⁷.

Императорский указ 1740 года обязывал обучать инородческих детей русской грамоте и началам православной веры, «однакож... смотреть, чтобы они и своих природных языков не забывали»⁸. С этой же целью в Казанской центральной новокрещенской школе были открыты классы татарского, чувашского и черемисского языков, которые действовали до 1797 года.

Инородческие школы и классы заметного следа в просветительстве инородцев не оставили. Д.М. Макаров, рассмотрев количественный и национальный состав учеников новокрещенских школ за 1750–1773 год, пришел к выводу, что особого недостатка в учениках они не испытывали. Главная причина, приводившая к упадку новокрещенские школы, была в отсутствии учительских кадров, более или менее грамотных и владеющих местными языками⁹.

Отходническое движение, развернувшееся в регионе, заставило казанские духовные власти обратить внимание на подготовку миссионеров из среды русского православного духовенства. Указом 1789 года основная деятельность по просветительству инородцев возлагалась на приходских священников¹⁰. Как докладывал Синоду в 1800 году епископ Иркутский Вениамин, приходские священники

«...по частому с иноверцами обхождению к языку их привычны и разговаривают без толмача...»¹¹. Но при этом, по замечанию Н.И. Ильминского, в «Казани, где были новокрещенские школы и были в числе духовенства лица, практически изучившие татарский язык, не было ни одного из русских духовных, знающих татарско-арабскую грамоту»¹².

Необходимость в образованных приходских священниках, знающих инородческие языки, способных вести службу в инородческих приходах, а при необходимости и перевести церковную литературу на эти языки, была причиной, побудившей духовные власти Казанской епархии вводить в православных учебных заведениях духовно-учебного округа преподавание и изучение местных языков.

Начало официальному изучению местных инородческих языков в казанских православных учебных заведениях положил указ Павла I от 31 мая 1800 года. По предложению Синода было принято решение — учеников новокрещенских школ, «способных к уразумению наук» определить в Казанскую духовную академию, «учредя в ней для того особый класс и татарского языка»¹³.

В первой половине XIX века в казанских православных учебных заведениях наряду с татарским языком попытались ввести изучение и других инородческих языков. В 1820–1821 годах в подведомственных Казанской семинарии уездных училищах было решено учредить особые классы. В Казанском уездном училище открылись классы чувашского и марийского языков, в Чебоксарском — чувашского языка, в Симбирском — калмыцкого языка «для обучения оным священнослужительских детей»¹⁴. В 1830 году были открыты классы татарского и чувашского языков в Чистопольском и Свияжском уездных училищах. В 1830–1841 годах преподавание татарского и чувашского языков пытались ввести в приходских начальных училищах.

Преподавание инородческих языков сопровождалось созданием учебных пособий — грамматик и словарей. Некоторые из этих пособий, учитывая научное состояние тюркского и финно-угорского языкознания того времени, учебно-практические цели авторов, современные лингвисты оценили достаточно высоко. Это краткая татарская грамматика и словарь татарского языка священника А.А. Троянского (1814, 1833 гг.); грамматика чувашского языка и приложенный к ней чувашско-русский словарь, составленные протоиереем В.П. Вишневым (1836 г.); грамматика марийского (черемисского) языка, составленная на основе горного наречия священником А.А. Альбинским (1837 г.)¹⁵.

С целью христианского просвещения с начала XIX века осуществлялись переводы церковной литературы на языки местных нерусских народов. В 1804 году в синодальной типографии Санкт-Петербурга были напечатаны в переводах на татарский, чувашский, марийский, мордовский языки Символ веры, Катехизис, Десятисловие и некоторые молитвы. В последующие годы к переводческой деятельности подключилось Казанское отделение Русского Библейского общества, действующего с 1818 по 1826 год. В 1830–1840 годы священниками инородческих приходов были выполнены переводы Евангелия на татарский, чувашский и марийский языки¹⁶.

Практическое осуществление программы христианского просвещения нерусских народов Среднего Поволжья во многом зависела от наличия миссионерских кадров со знанием инородческих языков. Но именно в этом вопросе и проявилась несостоятельность просветительской политики казанской миссии первой поло-

вины XIX века. Ввести регулярное преподавание языков местных нерусских народов в казанских православных учебных заведениях, создать систему их преподавания и подготовить из приходских священников необходимые миссионерские кадры не удалось. Этому мешали объективные причины.

Положение инородческих языков как предметов необязательных, второстепенных приводило к тому, что число желающих обучаться им было невелико. Многие из учащихся делали это по предписанию семинарского начальства. В 1822 году из 30 студентов высшего отделения Казанской семинарии татарский язык изучало лишь восемь человек, а из 111 учеников низшего отделения — только пять¹⁷. Регулярному преподаванию языков также препятствовало отсутствие подготовленных учителей. Это заставляло семинарское правление назначать на учительские должности учеников семинарии или училищ, у которых уровень знания языков был недостаточен для их преподавания. Из-за отсутствия преподавателя в Казанской семинарии не были открыты классы чувашского и марийского языков.

Невысокий уровень знания местных языков учителями и воспитанниками казанских православных учебных заведений, священниками инородческих приходов показывают переводы христианской литературы, осуществлявшиеся на эти языки. И хотя в них было видно «стремление переводчика примениться к складу инородческой речи», эти переводы не учитывали грамматические особенности инородческих языков и были построены по правилам русского языка, что создавало большие трудности для понимания текста. В материалах министерства просвещения отмечалось, что вследствие слабой подготовки приходских священников и светских учителей духовное просвещение нерусских народов «ограничивается только заучиванием наизусть повседневных молитв без объяснения даже словесного их смысла». В результате такого учения «пришлось уволить из Вятской духовной семинарии всех воспитанников из черемис, за совершенную их неспособностью ... в Буинском уезде, татары, учившиеся в подобных школах, ... все вступили в магометанство»¹⁸.

Улучшить подготовку миссионерских кадров не позволяла позиция Синода. В 1828 году архиепископ Казанский Филарет (Амфитеатров) отправил в Синод подробное донесение о религиозном состоянии Казанской епархии¹⁹. В нем он показал, что возлагать надежды на приходских священников в деле христианизации инородцев беспочвенно и предложил создать в Казани особое миссионерское заведение, чтобы готовить миссионеров и образованных священников для инородческих приходов. Основным методом подготовки Филарет видел в изучении языков местных нерусских народов. Однако проект Филарета Синодом был отвергнут.

Новая волна отходнического движения в 1850–1860-е годы явилась свидетельством несостоятельности просветительской политики казанской православной миссии первой половины XIX века.

Пореформенная эпоха характеризовалась вступлением монархической России на путь буржуазного развития. По мере углубления капиталистического развития, сопровождавшегося западной образованностью и формированием нового мироощущения, происходили изменения в общественном сознании. Эти процессы затронули не только русское общество, но и нерусские народы, в первую очередь татар, способствуя их самосознанию, Фактором национального самосознания

стал ислам. Во время всероссийской переписи населения 1897 года на вопрос о национальной принадлежности татары отвечали, что они «мусульманской национальности»²⁰.

Эти изменения в общественно-политической ситуации в России второй половины XIX века способствовали окончательному отказу от насильственных методов христианизации и формированию новых взглядов на цели и методы просветительской политики. Представители казанского чиновничества, православные духовные власти и казанские миссионеры сходились во мнении, что нельзя допустить «отатаривания» и «омусульманивания» нерусских народов Поволжского региона, что «русско-христианское просвещение должно быть прочно водворено на всем пространстве восточной окраины»²¹.

Вопрос заключался в том, что понимать под «русско-христианским просвещением». Представители административных кругов и националистически настроенной русской интеллигенции выступали за национальную унификацию нерусского населения (русификацию). Они считали, что основным критерием обрусения является не конфессиональный признак (принятие православия), а культурно-языковое единство, связанное с распространением русского языка. Поэтому просвещение и образование инородцев должно быть поставлено таким образом, чтобы они становились «...настоящими русскими по языку, по гражданскому чувству ... Христианское просвещение и полное обрусение ... должно быть целью...»²².

Казанские духовные власти соглашались с тем, что «православная миссия по отношению к инородцам есть миссия не только истинного просвещения, но вместе и миссия истинного обрусения». Но при этом на первое место ставили интересы православной церкви, а политику русификации рассматривали как средство, которое способствует утверждению православия среди инородцев²³. Православное духовенство рассматривало христианизацию не только как необходимый, но решающий момент цивилизованности. Просвещение инородцев понималось не в смысле приобщения их к русской, а тем более к европейской, культуре, а как религиозно-нравственное, «состоящее в научении их истинам веры и в укреплении их в доброй нравственности»²⁴.

Среди казанских миссионеров также существовали различные взгляды на политику просветительства. Со второй половины XIX века основной задачей казанской православной миссии становится не приобретение прозелитов из числа татар-мусульман, а ограничение влияния ислама на другие поволжские народы — чуваш, марийцев, удмуртов. Е.А. Малов (1835–1918), известный казанский миссионер, профессор противомусульманского отделения Казанской духовной академии, считал, что основное внимание миссионеры должны направить на изучение религий и быта нерусских народов Казанской губернии, чтобы проследить влияние христианства и ислама на их повседневную жизнь²⁵. Просветительская политика в интерпретации Е.А. Малова приобрела ярко выраженную антиисламскую направленность. Основным методом, способным ограничить влияние ислама на местные нерусские народы, Е.А. Малов считал полемику и опровержение ислама. Сам Е.А. Малов и его сторонники, активно использовали в миссионерской деятельности религиозные собеседования и полемику с татарами, в ходе которых обосновывалось религиозно-нравственное превосходство христианства перед исламом.

Особой точки зрения на миссионерскую деятельность придерживался другой видный казанский миссионер, известный российский тюрколог Н.И. Ильминский (1822–1891). В 1848–1849 годах по заданию архиепископа Казанского Григория он посетил уезды Казанской губернии, охваченные отходническим движением крещеных татар. В результате этих поездок Н.И. Ильминский пришел к выводу, что ослаблению ислама способствует не противомусульманская полемика, а распространение просвещения и ознакомление мусульман с христианским учением²⁶.

Процессы аккультурации, происходившие в Казанской губернии под влиянием татар-мусульман, и новые случаи отходничества еще больше укрепили Н.И. Ильминского в важности просветительской деятельности. Он считал, что остановить дальнейшее влияние ислама на нерусские народы и укрепить их в православной вере можно только через религиозно-нравственное образование. С этой целью Н.И. Ильминский в 1860–1870 годы создал особую систему образования для инородцев.

Н.И. Ильминский был против чрезмерного увлечения «обрусением» нерусского населения и считал, что, прививая христианство, необходимо сохранить национальные языки, культуру и быт инородцев. Взгляды Н.И. Ильминского на политику русификации ясно выражены в письмах к обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву: «...Надо убеждать инородца, что он и при своем образе жизни может быть христианином: что и в юрте живя, и нося свою национальную одежду, и занимаясь охотой и рыболовством, он может жить по-христиански, по-Божески»²⁷.

Система образования нерусских народов, которую предложил Н.И. Ильминский, строилась на следующих принципах: христианское воспитание следует начинать с детей, с начальной школы; преподавание должно происходить на родном разговорном языке; необходимы учебники и христианская литература на разговорном родном языке; преподаватели должны иметь педагогическое образование и знать инородческие языки. В течение 60-х годов XIX века Н.И. Ильминским создавались инородческие школы в уездах Казанской губернии. Но основными учебными заведениями, где получали образование нерусские народы Казанского края и осуществлялась подготовка учителей для инородческих школ, стали Казанская центральная крещено-татарская школа, Казанская учительская семинария, Симбирская центральная чувашская школа, Уфимское двухклассная черемисская школа, Бирская инородческая учительская школа.

Важной составной частью системы Н.И. Ильминского являлась работа, связанная с переводом книг духовного содержания на национальные языки. Вопрос о переводах христианской литературы на языки местных нерусских народов не был узко церковным вопросом. Это был важный политический вопрос, связанный с позицией правительства, православной церкви и российского общества в отношении нерусских народов империи. Со стороны представителей различных слоев российского общества отношение к этому вопросу было далеко неоднозначным и неодинаковым. Насколько вопрос о переводах имел большое значение для российского общества, свидетельствует тот факт, что он был поднят русскими учеными на III Международном конгрессе востоковедов 1876 года²⁸. Обсуждение вопроса выявило резко полярные мнения. Среди противников перевода христианской литературы на инородческие языки были как сторонники политики русификации, так и представители научных кругов, оперировавшие различными

доводами. Точка зрения российских ученых была высказана востоковедом В.П. Васильевым. Он обосновывал свою позицию тем, что многие инородцы не имеют письменного языка, разговорные языки слишком скудны, что бы выразить идеи христианского вероучения. По мнению В.П. Васильева, «переводить священные книги на эти языки означало бы искусственно создавать инородческую литературу, мало того — создавать до некоторой степени и самый язык»²⁹. Достаточно негативно к переводам христианской литературы на языки нерусских народов относились многие представители чиновничества и православного духовенства. Являясь сторонниками политики русификации, они опасались, что переводы на инородческие языки будут способствовать росту национального самосознания инородцев.

Сторонники переводов доказывали, что для сознательного усвоения инородцами христианских истин, необходимо, чтобы богослужение шло на родных языках новообращенных и высказывались за необходимость переводов христианской литературы. Но среди них также не было единства. Суть спора заключалась в следующем — переводить духовные книги на литературный язык или по системе Н.И. Ильминского, т. е. на разговорный язык с использованием русского шрифта.

С подачи директора Казанской учительской семинарии Н.А. Бобровникова переводческая деятельность казанских миссионеров представлена в несколько искаженном виде. Полемизируя с монголоведом А.М. Позднеевым, он писал, что Н.И. Ильминский почти никогда не составлял сам переводов, а только толковал русский текст инородцу и тот уже делал перевод. «Затем перевод этот многократно прочитывался ученикам школы и исправлялся по их указанию»³⁰. Это был слишком упрощенный взгляд на переводческую деятельность. Н.И. Ильминский считал, что в основе переводов должен лежать научный подход. Эту точку зрения на переводческую деятельность можно найти в его письмах к К.П. Победоносцеву. Характеризуя переводы охотского миссионера Попова, Н.И. Ильминский писал «...подвизался ...среди туземцев без малого двадцать лет, да затем три года трудился над переводом Евангелия при помощи туземного толмача Шелудякова — и все-таки перевод вышел сплошным русицизмом. Только немногие лица ... без научной подготовки, с успехом преодолевали сказанную трудность. Но они были одарены исключительными способностями к языкознанию»³¹. Одновременно Н.И. Ильминский полагал, что значительную помощь при переводах может оказать непосредственный носитель языка.

Образовательная система Ильминского была поддержана в правительственных кругах, сначала А.Д. Толстым, министром народного просвещения, а затем обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым. Они увидели в ней метод интеграции нерусских народов. В 1870 году на заседании Совета министерства просвещения система Н.И. Ильминского была признана основным методом образования нерусских народов Поволжья и Сибири и с этого времени получила распространение в земских школах, а с 1884 года и в церковно-приходских. Как показало общественно-политическое развитие России в конце XIX — начале XX веков, миссионерская деятельность Н.И. Ильминского в образовании и просвещении нерусских народов поволжского региона способствовала формированию интеллигенции народов Среднего Поволжья и тем самым заложила основу для формирования национального самосознания и национальных движений этих народов.

Примечания

- ¹ *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи: пер. с англ. М., 2012; *Батунский М.А.* Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX веков // *Общественные науки и современность.* 1994. № 2; *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX век) // *Вопросы истории.* 1995. № 9; *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; *Исхаков Р.Р.* Миссионерская деятельность православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв. (1800–1917): Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. Казань, 2008; *Каттелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000; *Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления.* М., 1998; *Of Religion and Empire: Mission, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia* /Ed. By R.R. Gerasi and M. Khodarkovsky. Ithaca: Cornell University Press, 2001; *R. Gerasi.* Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London, 2001.
- ² *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М., 1992. С. 133.
- ³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 14. С. 8.
- ⁴ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 3; См. также: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 197.
- ⁵ ПСПР-4. Царствование Павла I. Т. № 472. С. 578–579; ПСЗ-1. Т. 24. № 17910. С. 586; Т. 26. № 19600. С. 341.
- ⁶ Цит. по: *Знаменский П.* Духовные школы России до реформы 1808 года. Казань, 1886. С. 163.
- ⁷ ПСЗ-1. Т. 9. № 6695. С. 483; Т. 11. № 8236. С. 255.
- ⁸ ПСЗ-1. Т. 11. № 8236. С. 255.
- ⁹ *Макаров Д.М.* Заметки о новокрещенских школах в Поволжье в XVIII в. // *Вопросы истории и культуры народов Среднего Поволжья.* Межвузовский сборник науч. трудов. Чебоксары, 1991. С. 26.
- ¹⁰ ПСПР-4. Т. 1. № 472. С. 578–579.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Ильминский Н.И.* Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1885. С. 191.
- ¹³ ПСПР-4. Т. 1. № 472. С. 582.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 11, оп. 1, д. 57. Л. 101; д. 194. Л. 31 об.-32.
- ¹⁵ *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. С. 262; *Егоров В.Г.* Введение в изучение чувашского языка. М., 1930. С. 183; *Иванов И.Г.* Из истории марийской письменности. Йошкар-Ола, 1996. С. 29.
- ¹⁶ *Никольский Н.В.* Конспект по истории христианского просвещения чуваш. Казань, 1909. С. 22; Его же. История мари. Казань, 1920. С. 11–13.
- ¹⁷ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 11, оп. 1, д. 194. Л. 56–79.
- ¹⁸ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 8.
- ¹⁹ ПСПР-6. Царствование имп. Николая I. Т. 1. № 169. С. 224–228.
- ²⁰ *Гаяз Исхаки.* Идель-Урал. Набережные Челны, 1993. С. 36.
- ²¹ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 5.
- ²² Там же. С. 5.
- ²³ *Дионисий.* Идеалы православно-русского инородческого миссионерства. Казань, 1901. С. 32–33.
- ²⁴ Там же. С. 17.
- ²⁵ Протоколы заседаний Совета Каз. дух. ак. за 1911. Казань, 1912. С. 45–46.
- ²⁶ НА РТ. Ф. 10, оп. 1, д. 994. Л. 75–76.
- ²⁷ Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву (1882–1891). Казань, 1898. С. 195.
- ²⁸ Третий международный конгресс ориенталистов в Санкт-Петербурге // *ЖМНП.* 1876. Ноябрь. С. 52–53.
- ²⁹ *Смирнов В.* Несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ // *ЖМНП.* 1878. Январь. С. 2.

³⁰ Бобровников Н.А. Калмыцкие издания православного миссионерского общества. (По поводу рецензии А.М. Позднеева). СПб., 1895. С. 7.

³¹ Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву (1882–1891). Казань, 1898. С. 200.

О. Земцова

**МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ НЕРУССКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ
ДО 1806 ГОДА**

O. Zemtsova

**MISSIONARY ACTIVITIES AMONG THE MIDDLE VOLGA NON-RUSSIANS
BEFORE 1860S**

Although the authorities in the 19th century continued to follow the policy of toleration introduced by Catherine II, Orthodoxy enjoyed the status of state-supported and state-protected religion. Once you became Orthodox you were supposed to remain one; apostasy was a crime and apostates were severely punished. Yet, the cases when Middle Volga Orthodox non-Russians apostatized into Islam were numerous in the 19th century. In the present study I will first present the region, then I will give an overview of missionary activities before the 19th century and finally, I will discuss the issues that favoured apostasy and Muslim proselytism, especially in the village.

The non-Russian population of the region consisted of various ethnic groups-Tatars, Chuvash (Turkic language group), Mari, Udmurt, Mordva (Finno-Ugric language group). Besides, what is even more important for the 19th century discourse, the region was a virtual crossroads of religions and beliefs, for there lived Orthodox, Muslims, Old Believers, pagans, and in smaller numbers Jews, Catholics and Lutherans. For almost the whole 'long 19th century' religion, not ethnicity, defined a person's identity and these two factors often got mixed. In the popular consciousness Orthodoxy was certainly connected with Russianness, but Islam was blended with Tatars, to a degree that the notions 'Muslim' and 'Tatar' seemed interchangeable. Still, it was a person's religious affiliation that made him 'visible' to the state. One was 'born into' a religion, and in certain cases it was possible to change one's religion from a non-Christian to a Christian one and from Catholicism or Protestantism to Orthodoxy.

The Kazan diocese was considered to be one of the largest and most powerful ones in the infrastructure of the Russian Orthodox Church. Although the process of conversion of animists and Muslims into Orthodoxy was underway ever since Kazan was taken under Russian control, and many animists and some Muslims converted, baptism hardly changed their convictions and religious worldview. By the 1860s, the majority of the population of the Kazan province was formally Orthodox (71.5 %), the second largest confession were Muslims (27.1 %), and the other religious minorities constituted 1.4 %.¹

Many non-Russians were either converted by force, and therefore refused to accept what they perceived as an alien faith, or got baptized for purely pragmatic reasons — to escape conscription, to get tax concessions or money. Although according to the imperial legislation, a person once baptized or converted from another religion to Orthodoxy, could not change his confessional belonging, apostasies were common, reaching their peak in 1866, as we will see further.

The process of historical migration contributed to the increase of contacts among Turkic, Finno-Ugric and Russian peoples. Missionary work in the region began as soon as Kazan became part of the Russian empire, after the territory was taken in 1552, although more consistent and straightforward measures were introduced in the 18th century. In 1731, a special committee for the Newly-baptized was established in Sviazhsk for the dioceses of Kazan and Nizhnii Novgorod. Already in 1740, it was replaced by the Bureau for the Newly Baptized at Bogoroditskii monastery in Sviazhsk. The Synodal decree of 1740, signed by the Empress Anna Ivanovna and later confirmed by Elizabeth I, affirmed the need to institutionalize missionary work in the region and made the Bureau its main agent. The Bureau was supposed to supervise religious and everyday life of the baptized non-Russians, protecting them from abuse of power from Russian officials and also protecting the neophytes from their former religious community.

However, as it turned out in practice, both the head of the Bureau Sechenov and especially Kazan archbishop Luca (Kanashevich) were infamous for making non-Russians get baptized often by use of direct force, cruelly separating families (taking children from non-baptized parents and baptizing them, proclaiming non-Christian marriages illegal and thus separating husbands and wives).

In 1764, under the reign of Catherine II, the Bureau was closed and transferred to civil authorities. All Orthodox missionary activity was suspended for some time. Catherine allowed the construction of mosques in Muslim villages and cities and in every mosque Muslims prayed for the rulers of Russia just as they did since Elizabethan times. Since then missionary activity remained relatively passive and was aimed at Orthodox Russians and baptized non-Russians. The duty of maintaining, rather than spreading Christianity was shifted to three special preachers under the lead of Kazan archbishop. It was only in 1830s that the mission received an official status when Filaret (Amfiteatrov) became the new archbishop of Kazan and Mari and Udmurt anti-pagan missions appeared. In theory, the missionary work consisted in going from village to village, helping the local clergy to strengthen the baptized in Orthodox faith and to make them denounce their pagan beliefs, and proposing baptism to the unconverted.

Missionary trips to pagan villages were considered successful if the parishioners signed written statements of denouncing paganism for good, yet the missionaries themselves hardly believed in the sincerity of such statements. As the priests' reports showed, as soon as a missionary left, non-Russians turned to their animistic practices, remaining Orthodox only on paper.

Given that the religious worldview of the baptized but previously pagan peoples remained unstable, under favourable conditions it could become inclined into Islam just as well as into Orthodoxy. Thus, these two plausible alternatives came to terms with each other, both being religions of the book, having long history, certain religious hierarchy, centuries-long tradition of confessional schools. Islam contributed to cultural distinctiveness of its numerous followers, who besides a common language had very close ties and relative self-sufficiency of the community. Given the ability of Muslims to proselytize, downright incapability of the Russian peasants to serve as agents of the Russian Orthodox mission and the fact that the generations of baptized non-Russians still remained unstable in their faith and therefore liable to apostasy, it is evident that missionaries could not ignore the activities of Muslims, especially in villages with mixed population.

Why would non-Muslim non-Russians, especially of non-Tatar origin, be attracted to Islam? The cases of conversion to Islam mostly took place in the villages where Chuvash, Mari, Votyak peoples lived together with Muslim Tatars. The split of the Tatar ethnos in two parts — Orthodox and Muslim — was a lengthy and painful process when the stronger Muslim part was re-assimilating the indecisive Orthodox one and all imperial measures would be useless until deeper spiritual bond to Orthodoxy and understanding of their own particularism appeared within the baptized Tatar milieu.

Cases of apostasies into Islam and paganism occurred throughout the 19th century, but it was the Great apostasy of 1866 that caused more concern and drew more attention of the authorities and missionaries. The phenomenon was striking because of the quantity of apostates — thousands of baptized Tatars as well as Orthodox non-Russians of animistic background openly declared their wish to profess Islam. According to the data provided by a missionary E. Malov, the number of apostates among Tatars reached 12000 by the mid-1870s.

Why did the apostasy break out at this point, after almost three hundred years of missionary work in the region? There were several factors that triggered it. The research conducted by Michael Johnson convincingly suggests that the increase of number of petitions requesting the permission to leave Orthodoxy for Islam in the 19th century fell on the periods of accession and coronation of each new emperor, since “Tatar leaders believed that at the beginning of his reign, the new emperor would follow the tradition of issuing a series of manifestos and granting the formal requests of his subjects in an effort to gain their support.” Johnson has demonstrated that the increase of petitions occurred in 1802 (Alexander I), 1826–27 (Nicholas I), 1856 (Alexander II), 1882–1883 (Alexander III) and 1896 (Nicholas II), which supports his point.² The period under Alexander II is specific since it bred a lot of liberal ideas. The emancipation of serfs in 1861 and state peasants in 1866 brought enough confusion since for many Middle Volga people it was a step towards getting other freedoms, freedom of religion among them, which as Paul Werth claims, set off the Great apostasy of 1866. Literate people in the local communities quickly grasped the news of any of the advances and were writing numerous petitions for their co-religionists, making money and often becoming leaders of apostasy movements.

Almost all pre-revolutionary missionary writers (Il'minskii, Koblov, Malov, Mashanov) remark on the almost ‘fanatical’ devotion of the Muslim Tatars to their faith, and their ability to defend its truth and divinity. The proselytism manifested itself in daily activities, such as family life, schooling, work, markets and festivals and we will further look at these practices.

Throughout the 19th century the descendants of converted Tatars apostatized en masse and tried to re-embrace Islam. They sent petitions to St. Petersburg asking for permission to profess Orthodoxy, but in vain. As shown in the tables below, there was a significant increase in the number of apostates in Kazan province between 1864 and 1901.

	Baptized	Apostates	Muslims
1864	45377	7266	399204
1901	45377	31737	653654 ³

Agnes Kefeli, in her article on the role of Tatar and Kriashen women in the apostasy matters, draws a conclusion that one of the missionaries’ drawbacks was that they

overlooked the importance of Sufism (which is defined by its adherents as the inner, mystical dimension of Islam) which the baptism to Orthodoxy could not oust, especially in the milieu of Old Baptized Tatars (baptized in the 16th century)⁴ Sufi traditions were passed from generation to generation in the form of popular religious knowledge. Islamic folk stories were told by visiting Sufis or male seasonal workers who would go to trade in places where Islam was better-spread and were later passed down from parents to children.

Sometimes there were more practical issues in mind, like marriage, for instance. It is hard to say to what extent conversion became a personal choice here, for it was first of all submission to the rules of the new family. In what way could one proselytize more effectively than that? In order to avoid punishment for the prospective relatives (and according to Punishment code of 1845 when “a Muslim, a Jew or a pagan who, taking advantage of the ignorance and simplicity of the Russian inorodets, will bring him from one non-Christian faith to another non-Christian one by means of seduction, instigation or suggestion,” was to be punished), wrote explanatory notes like this twenty-year-old Votyak girl who married a Muslim Tatar:

“ I was a simple non-baptized Votyak girl when, at the age of twelve, I sincerely began to love Islam. Without being forced or seduced, or promised money, or being scared but out of my sheer will, I later became a Muslim, accepted the religion of Islam and the duties that come with it. . . . I denounced all the beliefs contrary to Islam in order to, hoping for God’s mercy and grace, avoid the tortures of Hell and resurrect with other Muslims. . . . Now, at the presence of witnesses, I pronounce the words of confession in which I sincerely believe and become a real Muslim.⁵”

The cases of such mixed marriages were quite frequent. But even living in the same village with Muslim Tatars or coming to work for them, non-Muslims sometimes found their lifestyle more agreeable, and together with clothing and dietary habits gradually started to follow their religious rituals. Many converted for economic reasons, in order to gain more money when working for a Muslim family, since Muslims in such cases were often more highly-paid than their pagan counterparts. In Kazan province there were whole villages inhabited by the Kriashen, almost all the male population of which for a greater part of the year remained in Muslim villages for work. Naturally, major part of the apostates who troubled the rest of the population were these male workers.

In the light of the impressive dimensions of the 19th century apostasy movement, it is impossible to overlook the importance of women in the reproduction of Islamic knowledge inside the family, inside a given community and between communities. Much like Muslim Tatars, Kriashens practiced exogamy in their family connections, which meant that the bride rarely remained in her own village and became a connecting element between her home village and her husband’s village. It was usually parents themselves who chose the prospective spouses for their children. When making such a choice, the following factors were taken into consideration: the potential spouse’s village of origin, the family and the degree of Islamization of the village that will receive the bride. The last point was sometimes even more important than the well-being or social position of the prospective family.

Another important factor that worked against the actions of Orthodox missionaries was the spread of Muslim education in the Kazan region. In almost every village mul-

lahs taught the local children the basics of Muslim faith for some parental donation. In cities and towns there were madrassahs, where young people got further education, the quality of which was not very high, but still the quantity of educational institutions among Muslim Tatars was greater than among all other peoples of the Middle Volga regions, including Russian peasants. Not infrequent were the cases when, for lack of any alternative of education, non-Muslim non-Russians would send their children to a mekteb thus making the first step towards conversion to Islam.

Cases of apostasy of former pagans, with no Muslim background, to Islam became especially pronounced in the areas where there were no parish schools, except the mektebs, for the non-Russians would send their children to a Muslim school in order to get at least some education. In fact, Antonii, archbishop of Kazan noted in 1867 in his letter to public prosecutor of the Holy Synod Tolstoi, among conditions, paralyzing the influence of the church and Orthodox priests, was the great number of mosques and mullahs. Using the privilege to have a mosque for every two hundreds of male population, the Muslims built more and more mosques as soon as the population figures reached the number required.

As Antonii reported further, there was hardly a village with even a small number of Tatars without a mosque and a mullah, while the same could not be said about Orthodox villages, which stood far from each other, were composed of mixed baptized and non-baptized population, and by diocesan statute, introduced in 1846, there was supposed to be one priest for 1500 parishioners. Building new churches and organization of new parishes was complicated by formalities and poverty of the local population. At the same time, small number of Muslim population per mullah gave the latter the freedom and convenience to perform rituals and teach children, so at every mosque there were mektebs and madrasah, where mullah gave lessons to boys and his wife taught girls. This is the reason for the fact that the level of literacy of Muslim Tatars is much higher than that of Russians, and Orthodox altogether. "What makes things worse, is that this literacy is non-Russian, which makes them (non-Russians-O.Z.) more alienated from the Russian people and they become less prone to the influence of the church and Orthodox priests.

The representatives of the Russian Orthodox Church complained that more and more threat was coming from the Muslims. They believed that the aim of the missionary activities—to promote Orthodoxy and to fight the apostasy among the indigenous population — was hard to achieve because of counter projects led by Muslims, the resistance of the apostates and the evident deficit of qualified missionaries. However, Muslims with their proselytism were not to be the only scapegoats in the failure of Orthodox missionary activities. When analyzing the reasons for the apostasies of baptized Tatars into Islam, the representatives of a missionary St. Gurii brotherhood established in 1867 in the Kazan province in order to establish schools and churches for inorodtsy population and assist in the spread of Christian faith in the region, mentioned the fact that the baptized Tatars had not got used to Orthodox Christian rituals. Some priests refused to talk to their Tatar parish since they did not know the language. The missionaries, who, in contrast, knew the languages, and came to the villages in order to talk to the parish, did not have a good idea of the Muslim faith and spoke about it in an insulting way while giving no sound arguments against it.

However, one soon understood that by admonitions alone the mission got nowhere since the parishes and apostates were many and the missionaries were few. A speech given by a missionary once in a while did not have a great impact on the population, and did not make them leave their beliefs—once he left the people would turn to their earlier practices. When a missionary arrived at a village, it was the priest's duty to gather the parishioners to listen to him, and theoretically also his duty to continue admonitions in order to maintain the missionary effect if such had been produced. In reality, however, priests in the majority of parishes did not speak indigenous languages and had no desire to learn them.

It was clear that, in order to avoid collisions similar to the apostasy of 1866, the mission should have clearly defined methods and strategies which would persuade the non-Russians of the region to consciously embrace Orthodoxy. Thus, schools, books and church sermons in the non-Russian languages were chosen as means of bringing Orthodoxy to pagans, but it took a long time to obtain success in any of the three. Moreover, Great apostasy of 1866 proved not only inefficiency of missionary work among the Middle Volga non-Russians in order to block Muslim proselytism, but also the failure of the state to incorporate these subjects into the imperial system so far.

Резюме

В данной работе рассматриваются аспекты деятельности православных миссионеров в отношении нерусских народов Среднего Поволжья в первой половине XIX века. Православие, несмотря на то, что представители царской администрации в этот период продолжали политику толерантности, провозглашенную императрицей Екатериной II, оставалось религией, которую государство поддерживало и защищало. Будучи однажды обращенным в православие, российский подданный официально не мог сменить свой конфессиональный статус, отступничество преследовалось законом, и отступники подвергались достаточно жестоким наказаниям. Тем не менее, случаи отступничества или «возвращения» в ислам и язычество среди нерусских народов Поволжья были нередки на протяжении всего XIX века. Целью работы, наряду с изучением деятельности миссионеров, является анализ факторов, которые способствовали отступничеству и мусульманскому прозелитизму, особенно в деревне.

Примечания

¹ Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901. С 5–9. (Division of the population of the empire according to the main confessions. Saint Petersburg, 1901. P. 5–9).

² *Michael W. Johnson*. Imperial Commission or Orthodox Mission: Nikolai Il'minskii Work among the Tatars of Kazan, 1862–1891. PhD diss. (University of Chicago, 2005). P. 78.

³ *Малов Е.* Статистические сведения о крещеных татарах в Казанской и некоторых других епархиях в Волжском бассейне // Миссионерство среди магомедан и крещеных татар. Казань, 1892. С. 400; Памятная книжка Казанской губернии на 1901 г. Казань, 1901, С. 18–23 (E. Malov. Statisticheskie svedeniia o kreschenuh tatarakh v kazanskoii i nekotorykh drugikh eparkhiiah v volzhskom basseine // Missionerstvo sredi mukhammedan i kreschenukh Tatar. Kazan, 1892. 400 (Pamyatnaia knizhka kazanskoii gubernii na 1901 g. Kazan, 1901. P. 18–23.)

⁴ *Kefeli Agnes*. The Role of Tatar and Kriashen Women in the Transmission of Islamic Knowledge // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / R. Geraci and M. Khodarkovsky eds. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. P 250–273.

⁵ Казанская крещено-татарская школа: материалы для просвещения крещенных татар. Казань, 1887. С. 5 (Kazanskaia krescheno-tatarskaia shkola: materialu dlya prosvescheniia kreschenukh tatar (Kazan: Kliuchnikov publishing house, 1887. P. 5).

**Поляки и польские граждане в Марийской АССР
в 1930–1940-х годах**

Среди жертв сталинских репрессий 1930–1940-х годов большой удельный вес заняли поляки и польские граждане различных национальностей. До начала Второй войны (1939 год) Советское правительство рассматривало Польшу как потенциальный плацдарм Запада для интервенции против СССР, а лиц польской национальности в качестве враждебной силы.

В 1934–1936 годы по очистке приграничной с Польшей зоны на восток было переселено 36 тысяч поляков¹, в том числе несколько десятков семей в Марийскую автономную область (АССР).

11 августа 1937 года нарком НКВД Н.И. Ежов подписал приказ № 00485, утвержденный 9 августа на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), и секретное сопроводительное письмо к нему «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР»². В письме отмечалось, что «вскрыта и ликвидируется крупнейшая ... диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде так называемой «Польской организации войсковой» (далее ПОВ-К.С.), ставилась задача «полной ликвидации незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР». Контингент лиц, подлежащих репрессированию, в этих документах был обозначен такой обширный, что охватывал практически всех поляков, лиц других национальностей, родившихся в Польше или каким-то образом связанных с Польшей, с поляками. Эти документы были направлены во все местные органы НКВД. По всей стране началась массовая «польская» операция. На местах приказ и письмо были восприняты как указание выявить и ликвидировать всех поляков.

В конце 1937 и в начале 1938 года в Йошкар-Оле было сфабриковано несколько «дел», в которых утверждалось: «3-м отделом УГБ НКВД МАССР на территории Марийской АССР вскрыт и ликвидирован филиал польской контрреволюционной националистической организации, именуемой Польша Организация Войскова»³. Члены этой организации якобы вели шпионско-диверсионную работу, занимались подготовкой вооруженного восстания, террористических и диверсионных актов, приуроченных к моменту нападения зарубежных стран, в том числе Польши, на Советский Союз.

По подобным обвинениям в Марийской АССР было репрессировано около 150 человек. Это, в первую очередь, жившие на территории Марийской республики поляки, оказавшиеся здесь в качестве эвакуированных, беженцев, военнопленных периода первой мировой войны, или даже жившие здесь до того, и их дети.

Так, были репрессированы Мартин Апполинарьевич Контский, уроженец Варшавы, еще в конце XIX века начавший работать лесничим в Царевококшайском уезде, и его сыновья: лесничий Бронислав и врач Фаддей (Гадеуш). При этом по доносам соседей выяснилось, что на квартире Контских часто встречались жившие в городе и поблизости поляки, разговаривали и пели на родном языке. Это дало основание выдвинуть обвинение, что квартира эта была явкой членов ПОВ.

Кость Мартин (Константин Мартынович) Колодий был «гражданским пленным» периода первой мировой войны, женился на местной женщине из пригородной деревни и переехал туда, занялся крестьянским трудом. В 1921 году уехал в Польшу, но жизнь у него там не сложилась: батрачил, бедствовал; поэтому в 1927 году вернулся к своей семье. В 1938 году, будучи сторожем Горводстроя в Йошкар-Оле, был арестован и расстрелян по обвинению в том, что он, пройдя в Польшу шпионско-диверсионную подготовку, был заброшен в СССР и в случае войны должен был взорвать водопровод в Йошкар-Оле.

Подобная судьба постигла беженков периода первой мировой войны Иру Юа-дар, Марию Ярошенко, Эмилию Солончину, Шнут-Пайгачкину, Акульскую-Сибатрову и других, вышедших замуж за местных жителей, эвакуированную семью Матвеев, военнопленного Виктора Литвиновича, взявшего в деревне по жене фамилию Крапивин, и многих других.

Другую группу репрессированных поляков составили ссыльные, выселенные из западных приграничных районов. В 1934 году в Йошкар-Олу из Белоруссии были высланы Адольф Матвеевич Адуцкевич, его жена Станислава Антоновна Янчевская, дети Вацлав и Евгения. В 1938 году они были расстреляны. Их обвинили в контрреволюционной пропаганде, выражавшейся в «восхвалении жизни в капиталистической Польше», о чем они знали по письмам родственников, и в шпионаже. Высланный в 1935 году «за антисоветские разговоры» Станислав Ксаверьевич Бучинский сумел устроиться по специальности — мастером в железнодорожное депо на лесовозной дороге. Его репрессировали за подготовку диверсии на железной дороге.

Уникальна история с Петром Ивановичем Остапенским. Уроженец Одесской области, он в 1931 году был выслан из Винницы на Север, в 1933 году — из Ленинграда, в 1937 году был арестован в Казани и посажен на один год. Отбыв заключение в Свияжске, освобожден 20 мая 1938 года с 3 рублями в кармане. Оказавшись совершенно без средств существования, он в течение нескольких дней нищенствовал на железнодорожной станции Зеленый Дол. Работники вокзала прогоняли его, грозилась передать милиции. Как затем он рассказывал следователю: «Меня сонного разбудил дежурный по станции, сказал, что поезд пришел, и я заспанный соскочил и вбежал в вагон». Так он 1 июня 1938 года приехал на тупиковую станцию Йошкар-Ола. Как и в Зеленом Доле, несколько дней собирал милостыню, дожидаясь, когда можно будет отсюда уехать. 6 июня его арестовали, присоединили к другим арестованным в это время полякам. В его «деле» указано: «без определенного места жительства и без определенных занятий». С совершенно незнакомыми людьми он составил одну компанию «шпионов» и был расстрелян. Обвинение: «Под видом нищего разъезжал по стране и собирал шпионские сведения».

Также тогда были отдельные случаи, которые не могут быть отнесены к какой-либо определенной категории. Это были люди, постоянно проживавшие где-то в другом городе, но оказавшиеся в Марийской АССР в командировке. Работница Ленинградского треста «Буммонтаж» Марта Клементьевна Бронюшец-Рецкая-Добриловская, уроженка г. Белосток, приехала в длительную командировку в поселок Лопатино на строительство Марийского целлюлозно-бумажного комбината. Ее арестовали 23 марта 1938 года в ходе «польской операции», умерла в тюремной больнице 9 сентября. В ее деле имеется донос сотрудника той же

конторы, где она работала: «Гр-ка Добриловская у себя хранила контрреволюционные книги, это мне пришлось лично изъять у нее одну книгу автора Есенина». Сохранился лишь один протокол допроса, заполненный на следующий день после ареста: «Вопрос: Вы хранили книгу Сергея Есенина «Стихи и поэмы» — с какой целью? Ответ: Да, это книга Есенина, я храню ее с 1933 года. Вопрос: Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности, проводимой Вами среди рабочих Марбумстроя. Признаете ли Вы это? Ответ: Виновной я себя в контрреволюционной деятельности не признаю»⁴.

Русский И.И. Корнилов, работавший недолго директором Маргостеатра, приговорен к высшей мере наказания «как агент польской разведки, занимавшийся сбором сведений шпионского характера о предприятиях оборонного значения и по заданию «ПОВ» готовивший диверсионные акты на этих предприятиях».

Мариец П.А. Кудрявцев из деревни Шеклянур в начале 1920-х годов работал в Казани, там познакомился с полькой, знакомство переросло в любовь, и молодые люди поженились. Как раз в это время правительство Польши разрешило вернуться на родину полякам, оказавшимся в Советской России. Жена уговорила мужа поехать в ее родную страну, к ее родителям. В семейной жизни всякое бывает. Через полтора года между супругами наступил разлад, и Кудрявцев решил вернуться домой. «Он, — как сказано в одном документе, — был доведен до границы и отпущен». Соответствующие советские органы тогда удовлетворились его объяснением, и полтора десятилетия он жил спокойно. Но в апреле 1938 года П.А. Кудрявцев, пожарник Йошкар-Олинского леспромхоза, был арестован как «польский шпион», затем расстрелян. Оказывается, он в 1921–1923 годах в Польше обучался шпионскому делу, а затем был заброшен в нашу страну польской разведкой, «Как участник Польской Организации Войсковой ... готовил террористические акты над партийным и советским руководством»⁵.

В книге «Репрессии против поляков и польских граждан» есть одно суждение, с которым нельзя в полной мере согласиться: в «национальных операциях» 1937–1938 годов «не национальность была критерием «преступности»..., а рождение или проживание в такой (соседней, потенциально враждебной — К.С.) стране или наличие любого вида связи с ней»⁶. Во всяком случае, материалы архива Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Республике Марий Эл показывают, что очень часто сама принадлежность человека к польской национальности служила криминалом. Во время допросов многих заставляли признаваться именно только в этом. В «деле» Иосифа Ботвича имеется единственный протокол с такой записью: «Вопрос: Вы в паспорте и военном билете значитесь русским. Верно это? Ответ: Это верно, что я значусь русским, но на самом деле я поляк». Свидетельство очевидца: «Витковского заставляли признаваться, что он поляк, но он настаивал, что он белорус». Признания в принадлежности к полякам, а не к белорусам, как значилось в личных документах, добивались от Адуцкевичей, и даже привлекали свидетелей, которые подтверждали, что они дома разговаривают по-польски. На стеклозаводе «Мариец» и в поселке этого завода арестовали более 30 человек с фамилиями на -ский и -ич и сделали из них членов ПОВ. Расстрельный приговор им был вынесен 19 июня 1938 года.

Другое крупное групповое «дело» было составлено из 42 человек, арестованных в разное время в разных местах. Многие из них друг с другом даже были

незнакомы. Среди них были не только поляки, но и евреи, и русские. Млошевский Казимир Владиславович, 1885 года рождения, уроженец города Радома, юрисконсульт Марторга, был объявлен руководителем организации ПОВ в Марийской АССР. Он был арестован 16 февраля 1938 года; не выдержав пыток, он умер 4 сентября, не дождавшись формального вынесения приговора. Остальные были приговорены к расстрелу 7 октября 1938 года⁷.

После реализации советско-германского плана разгрома и раздела Польши в сентябре 1939 года из занятой Красной Армией восточной части бывшего Польского государства в результате 4 массовых операций были насильственно выселены вглубь СССР 320 тысяч граждан Польши⁸. Жители присоединенных к Советскому Союзу территорий 29 ноября 1939 года были объявлены гражданами СССР, и на них были распространены действовавшие в Советском Союзе правовые акты, в том числе репрессивная политика, которая была основана не на законах, а на секретных инструкциях при полном правовом произволе.

В ходе третьей массовой депортации в июле 1940 года в шести районах Марийской АССР по решению Совнаркома СССР были размещены в 14 вновь организованных лесных спецпоселках НКВД около 6 тысяч спецпереселенцев — «беженцев» (бывших польских граждан, в основном еврейской национальности, бежавших с территорий, оккупированных германской армией, в Западную Украину и Западную Белоруссию).

	Название района		Кол-во семей	Кол-во чел.
1	Оршанский район: Туршинский лесучасток		139	355
2	Йошкар-Олинский район: Суслонгерский лестранхоз	10-й км	145	406
3	Йошкар-Олинский район: Суслонгерский лестранхоз	19-й км	129	451
4	Звениговский район: Подучасток Липша		176	360
5	Моркинский район: Нурумбальский лесопункт	(«31-й квартал»)	100	243
6	Моркинский район. Березниковский лесопункт	(«Озеро»)	114	320
7	Горно-Марийский район: Трехруткинский лесопункт		176	564
8	Горно-Марийский район. Первомайский лесопункт		201	614
9	Горно-Марийский район. Карасъярский лесопункт		130	306
10	Горно-Марийский район. Мадарский лесопункт		146	569
11	Горно-Марийский район. Цинглокский лесопункт		102	347
12	Юринский район. Кумский лесопункт		173	450
13	Юринский район. Козиковский лесопункт	10-й км.	158	370
14	Юринский район. Подучасток Нужъяры		164	437
Всего			2053	5772 ⁹ .

В последующем численность спецпереселенцев несколько изменилась за счет новых пополнений, на 17 июля 1940 года в лесных поселках Маритранлеса было уже размещено 2078 семей, 6027 человек¹⁰. По своему правовому положению они считались гражданскими интернированными. Спецпоселки были строго режимными, изолированными, их обслуживали четыре спецкомендатуры НКВД: Моркинская, Горно-Марийская, Юринская, Йошкар-Олинская (к последней были отнесены и поселки Липша и Турша). Спецпереселенцы не имели свободы передвижения. Показательно, что спецпоселок в Нурумбальском прорабском пункте (квартал 31) Моркинского района в одном документе назван лагерем.

Действовала установка о максимальном использовании спецпереселенцев на основе договора между ГУЛАГом и Наркомлесом от 20 февраля 1940 года «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций». Но в первом контингенте, поступившем в трест Маритранлес, только 3811 человек числились трудоспособными, в январе 1941 года таковыми считались 3565 человек, остальные были престарелые и женщины с детьми.

Условия жизни и труда в спецпоселках были крайне неблагоприятные, что вынуждены были признавать органы НКВД и партийные органы. Например, после письма спецпереселенцев из поселка Турша председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову осенью 1940 года НКВД МАССР сообщал в обком партии и правительство республики, что во многих поселках бараки не были утеплены, в некоторых даже не имелось печей; в снабжении, кроме хлеба, ничего нет (1,5 кг на работающего, по 0,5 кг — на члена семьи). «Медико-санитарное обслуживание организовано крайне плохо. Медпункты в некоторых поселках организованы, но без медикаментов. Имелись случаи вспышки брюшного тифа, дизентерии. Среди спецпереселенцев есть медики, но не используются. Детей школьного возраста 900. Школьные помещения выделены не везде, а где есть — нет оборудования. Учеба детей с началом учебного года сорвана... Евреи в субботу отказываются от работы, организуют молебства. Коллективные сборы запрещены, также запрещено делать выходные дни по субботам. Значительная часть спецпереселенцев, не имея теплой одежды и обуви, на работу не выходит. Некоторые из них в шелковых чулках и носках. Портянки и лапти не заготовлены, мало ватных брюк и фуфаек... Среди спецпереселенцев-беженцев значительная часть в прошлом являлись жителями городов. Имеются лица из нетрудового элемента, служащие различных профессий и специальностей, которые ранее физическим трудом не занимались, и работа в лесу им кажется трудно усвояемой, а поэтому поступает ряд заявлений о переводе на легкую работу и использование по своей специальности. Имеются случаи и скрытого саботажа, который заключается в том, что на работу ходят только для вида, а поэтому у этой части спецпереселенцев дневной заработок незначительный и не обеспечивает их содержание. В числе спецпереселенцев есть и нетрудоспособные лица, или допущенные лишь только к легкой работе, у которых других трудоспособных членов семей нет; таким образом, часть спецпереселенцев не может заработать на свой прожиточный минимум»¹¹.

В другом политдонесении отмечалось, что «многие ходят на работу в лесу только потому, чтобы получить талон на хлеб и как бы не попасть под суд за отказ от работы»¹².

В августе 1940 года только 48,3 % трудоспособных работали в лесу. Производственные нормы они выполняли ниже 50 %. Во всей системе Маритранлеса

лишь несколько бригад из спецпереселенцев справлялись с плановыми нормами и заданиями.

Партком Волжского лестранхоза 27 августа 1940 года докладывал в обком партии: «План 3 квартала по вывозке выполняется исключительно плохо. Лесоучастки по линии железной дороги Дубовая — Мадары ни один план отгрузки не выполняет. Все линейные лесоучастки заселены спецпереселенцами, производительность труда по подвозке 40 %, идет сопротивление, не хотят работать, массовый невыход на работу под видом болезни... На Карасьярском лесоучастке часть переселенцев переломали пилы и побросали вместе с топорами в лесу. На Майском участке спецпереселенцы устроили митинг, требуя денег, масла, мяса, яиц и т. д. Решили не выходить на работу, если их требования не будут удовлетворены, но на утро все же вышли»¹³.

30 августа 1940 года на заседании Совнаркома Марийской АССР рассматривался вопрос «О размещении, обслуживании и использовании спецпереселенцев-беженцев на лесозаготовках»¹⁴. Отмечалось, что предыдущие решения выполняются слабо. В результате антисанитарных условий жизни в непригодных бараках возникли вспышки брюшного тифа и дизентерии. А в медпунктах, открытых в некоторых поселках, не имелось медикаментов.

В письме Марийского обкома партии в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова от 5 сентября 1940 года отмечалось:

«В Марийскую АССР было намечено дать 1000 семей спецпереселенцев западных областей... Произошло это с такой быстротой, что Маритранлес не сумел подготовиться к приему, и 2063 семей, присланные к нам почти без всякого предупреждения, оказались крайне скучены, в небольших бараках семей по 10 и больше. Правда, кое-где эти бараки приспособлены, но в большинстве своем эти помещения на зиму не совсем пригодны, к тому же в помещениях масса клопов и тараканов. Среди спецпереселенцев есть безнадзорные дети и старики. Кто их будет кормить? Среди переселенцев много есть легко одетых и совсем раздетых, в одних рубашках. Многие могут зимой замерзнуть... Большая часть спецпереселенцев не приспособлена к труду и в работу втягиваются с большим скрипом. В Волжском лестранхозе спецпереселенцы устроили митинг, требуя улучшить условия жизни, вернуть их на родину и т. д. Комендатура НКВД растерялась, а когда комендант хотел арестовать двух человек, спецпереселенцы не дали. Есть отказы от работы, есть случаи побегов»¹⁵.

11 декабря 1940 года Совнарком МАССР обсудил вопрос и принял новое постановление «О ходе выполнения постановлений Совнаркома Марийской АССР от 30/VIII и 4/IX 1940 г. по размещению, обслуживанию и использованию на лесных работах спецпереселенцев». Отметив неудовлетворительное выполнение намеченных мер, правительство республики обязало руководство треста «Маритранлес»: закончить ремонт жилых помещений, обеспечить спецпереселенцев теплой одеждой, организовать техническую учебу, разработать мероприятия по расширению жилой площади в спецпоселках, улучшить работу столовых, принять меры против инфекционных заболеваний¹⁶.

Озабоченность партийных и советских органов об улучшении быта и снабжения спецпоселенцев вполне объяснима. Для них важно было обеспечить рациональное использование труда, повышение его производительности, эффективности. А хозяйственные руководители чаще всего смотрели на спецпоселенцев, как на временную обузу, как на виновных, которых надо держать в строгом порядке.

В сообщении от 27 декабря 1940 года «О состоянии и недостатках в спецпоселках Марийской АССР» вновь отмечалось, что ситуация мало изменилась: недостаток жилого фонда, инвентаря и оборудования; отсутствие помещений под школы, медпункты и столовые; крайний недостаток учебных пособий и медикаментов¹⁷.

Наблюдалась большая разница между «гуманными» решениями партийно-советских органов и реальным положением спецпоселенцев. Постановления о создании им всех необходимых жилищно-бытовых и культурно-образовательных условий соблюдались очень плохо. Руководители леспромхозов игнорировали, да и не всегда могли выполнить пункты, обязывавшие их улучшить продовольственное снабжение, благоустроить жильё. Скученность в плохо приспособленных к жизни бараках, антисанитария в сочетании с тяжелым физическим трудом характеризовали жизнь спецпоселенцев.

Главную заботу для хозяйственных руководителей представляло максимальное трудоустройство предоставленного в их распоряжение контингента. Но подневольный труд был малоэффективным, особенно с учетом того, что спецпереселенцы в Марийской АССР были представителями интеллигентных профессий, никогда в жизни не державшими в руках пилу и топор. В связи с тем, что основную массу среди них составляли евреи, в документах зафиксированы многочисленные случаи антисемитизма. В одной из докладных записок в НКВД СССР «О трудовом использовании спецпереселенцев-беженцев, находящихся в Марийской АССР», сообщалось: «Начальник Волжского ЛТХ тов. Черевков на 85 квартале (с/п № 10) в присутствии коменданта тов. Смоленцева заявил, что «евреев вообще не научить работать»¹⁸. Спецпереселенцам выделяли худшие участки, часто выдавали неисправные инструменты.

Малопродуктивным был труд не только польских спецпереселенцев, но и других категорий людей, занятых на лесозаготовках: заключенных и пригнанных колхозников. Поэтому Маритранлес план 1940 года по заготовке древесины выполнил лишь на 56,1 %¹⁹.

В условиях Великой Отечественной войны на основе соглашений с эмигрантским правительством Польши произошло ослабление режима содержания «беженцев». 12 августа 1941 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии всех депортированных граждан Польши. Формально им было предоставлено право выбора места проживания, но фактически почти все они остались в местах спецпоселения. Небольшая их часть, представленная этническими поляками, получила право переехать в места формирования польской армии Андерса, затем — в её составе — в Иран.

В Марийской АССР было организовано представительство (делегатура) Польского посольства (доверенное лицо — Игнатий Бернардович Глаговский, его заместитель в Горномарийском районе — Майзельс). Сюда даже приезжали официальные представители посольства эмигрантского правительства Польши. В Марийской АССР также открылось отделение Союза польских патриотов и производился набор в подконтрольную советскому командованию дивизию имени Костюшко. В октябре 1943 года 30 инвалидов и престарелых польских граждан были определены в дом инвалидов в деревне Мишино Юринского района.

В Йошкар-Оле и поселке Карасьяр Горномарийского района были устроены склады благотворительных грузов, откуда через Комиссию содействия при уча-

стии представителей Наркомторга МАССР продовольствием и одеждой снабжались в первую очередь члены семей поляков и польских граждан, записавшихся в дивизию имени Костюшко, и престарелые, неспособные к труду. Некоторым семьям было разрешено в индивидуальном порядке выехать из Марийской АССР в южные области и республики. В то же время ходатайство посольства Австралии на выезд в эту страну спецпереселенцев, имевших там родственников (Барбара Габровская с матерью Юлией Ивановной Паке и дочерью Эльжбетой и Марией, супруги Гриншпан Михаил Иосифович и Антонина Якубовна, Ванда Ришардовна Ридль, Елена Феликсовна Чаш, Лидия Владиславовна Костка), не было удовлетворено.

Представителям Польского посольства не всегда удавалось положительно решать вопросы удовлетворения интересов своих граждан. Например, они ходатайствовали об освобождении польских граждан от работы в рождественские дни (католические) 24 и 25 декабря 1942 года. Но в этом было отказано, в связи с чем спецкомендатуры МАССР разъясняли спецпоселенцам, что «в случае невыхода на работу будут привлечены к уголовной ответственности»²⁰.

В 1943 году в отношении польских спецпереселенцев (по терминологии тогдашних документов — «бывших польских граждан») проводилась кампания по «паспортизации»; их пытались заставить получить советские паспорта. Кроме нескольких человек, все остальные отказались от этого, выражали патриотические настроения, надежду на восстановление Польского государства и возвращение на родину. Это расценивалось, как «антисоветская агитация», несколько человек даже было арестовано.

В архиве Управления ФСБ РФ по Республике Марий Эл сохранились сведения об агентурной разработке «Двойка» по обвинению заведующего складом благотворительных грузов в поселке Карасьяр Мишталского (бывшего полковника польского Генштаба) и доверенного лица в городе Козьмодемьянске Зигмонда Зайнчковского в том, что они «сгруппировали антисоветскую группу поляков» и проводили «профашистскую агитацию, восхваляли гитлеровскую армию». Также было заведено дело «Круг» по «польским шпионам», группировавшимся вокруг И.Б. Глаговского и его секретаря Розалии Юлиановны Мазуровой²¹.

5 апреля 1944 года было принято Постановление Советского правительства о разрешении польским гражданам переселиться в южные области, 11 июля это было распространено также на Украину. Большинство спецпоселенцев в Марийской АССР в течение последующих месяцев воспользовались этим разрешением, тем более что власти республики не противились этому, ибо лесные спецпоселки надо было освобождать для нового контингента — крымских татар.

Уже после окончания войны по советско-польскому соглашению от 6 июня 1945 года оставшихся спецпереселенцев-беженцев было разрешено репатриировать в Польшу.

Последние группы польских спецпереселенцев выехали из Марийской АССР в марте 1946 года²².

Для проведения этой работы в Марийской АССР была образована республиканская комиссия, которая действовала совместно с местным комитетом Союза польских патриотов. Эшелон из Йошкар-Олы был отправлен в ночь с 16 на 17 марта 1946 года. На какое-то время, впредь до оформления всей документации по репатриации, остались председатель местной организации Союза польских

граждан Понятовская и ее заместитель Минц²³. К 1 мая выехали из Марийской АССР все польские спецпереселенцы, кроме отказавшихся уехать, которых к этому времени стало 10 человек.

Отъезжающие по разному оценивали свое вынужденное пребывание в Марийской Республике. Учительница польской школы Фромер благодарил местных руководителей за проявленную заботу о спецпоселенцах, особенно о детях, которым была предоставлена возможность учиться. В то же время спецпоселенка Вальдман заявила: «Закончились наши мучения в России. Никто из поляков не забудет нанесенные нам обиды в 1941 году, когда без разбора всех, даже с высшим образованием, заставили работать на лесозаготовках»²⁴.

И еще одна «польская» страница в истории Марий Эл связана с нахождением на её территории лагерей военнопленных. В республике ко времени окончания войны располагались лагерь № 171 около поселка Усть-Шора в Суслонгерском леспромхозе и лагерь № 265 в городе Волжске²⁵.

В 1947 году лагерь № 171 пополнился интернированными поляками. После изгнания из Польши немецко-фашистских войск советскими военными и спецорганами были обезоружены и изолированы участники некоммунистического антигерманского Сопrotивления, в основном члены Армии Крайовой, подчиненной польскому правительству в эмиграции. Даже по советским законам оказалось невозможно юридически сформулировать обвинения для этой части населения Польши. Но для строительства «новой» Польши они могли оказаться серьезной помехой, поэтому их просто объявили интернированными, заключили в лагеря военнопленных и вывезли вглубь Советского Союза.

Летом 1947 года в Рязанском лагере военнопленных № 454 интернированные польские граждане устроили массовые акции протеста, голодовки, требуя прибытия в лагерь представителя польского посольства, смягчения режима и улучшения условий содержания. В связи с этим они были переведены в другие лагеря. В том числе 350 человек (в основном рядовых), 7 июля были направлены в лагерь № 171 (официальный адрес — посёлок Суслонгер Марийской АССР). Здесь они занимались лесоповалом. В докладной записке МВД Марийской АССР от 6 апреля 1949 года о лагере № 171 сообщалось: «До 1947 г. контингент работал только по самообслуживанию лагеря в связи с тем, что в основном содержался режимный старший офицерский состав. С прибытием в лагерь репатриированных поляков рабочая сила поставлялась Суслонгерскому военлесокombинату Министерства военных и военно-морских предприятий». Осенью 1947 года четыре интернированных поляка совершили групповой побег. До этого при попытке к побегу был смертельно ранен Иосиф Пепунко. Зигмунд Янович Ваверек за «антисоветскую агитацию» был осужден на 25 лет заключения (реабилитирован).

В октябре 1947 года большая часть поляков (303 человека) была репатриирована в Польшу, остальные в начале 1948 года переведены в лагерь военнопленных № 265 в городе Волжске и № 119 в городе Зеленодольске, откуда в следующем году, в июне 1949 года, тоже отпущены на родину²⁶.

Примечания

¹ Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Вып. 1. С. 4.

² Там же. С. 22.

³ Архив Управления ФСБ РФ по Республике Марий Эл.

⁴ Архив Управления ФСБ РФ по РМЭ. Арх. дело № 468.

⁵ Государственный архив РМЭ, ф. 1-п, оп. 4, д. 298, лл. 9, 77.

⁶ Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997. С. 34.

⁷ Архив УФСБ, арх. дело № 2183,

⁸ Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997. С. 6.

⁹ Архив УФСБ, арх. № 211, л. 1, 14.

¹⁰ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. 1 п., оп. 4, д. 557, л. 1.

¹¹ Архив УФСБ, арх. № 21-1, л. 12.

¹² Там же, л. 8.

¹³ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. 1 п., оп. 4, д. 561, л. 251-252.

¹⁴ Архив УФСБ, арх. № 21-1, л. 15.

¹⁵ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. 1 п., оп. 4, д. 526, л. 144-145.

¹⁶ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. р-542, оп. 3, д. 69, л. 6-7.

¹⁷ Архив УФСБ, арх. № 21-1, л. 72.

¹⁸ Репрессии против поляков и польских граждан. С. 132.

¹⁹ Архив УФСБ, арх. № 21-42, л. 23.

²⁰ Там же, арх. № 23-13, л. 38.

²¹ Там же, арх. № 23-11, лл. 36 об, 88-89.

²² Там же, арх. № 26-15, лл. 74, 89, 99.

²³ Там же, арх. № 26-24, л. 74 и др.

²⁴ Архив УФСБ, арх. № 34-9, л. 89 об.

²⁵ См.: Сануков К.Н., Белкина Н.Г. Лагерь военнопленных в Марийской АССР (1941-1948 гг.) // Марийский археографический вестник. № 20.

²⁶ Репрессии против поляков и польских граждан. С. 231-232.

В.М. Новик

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БЕЛОРУСОВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Бурные исторические события часто заставляли белорусов покидать родную землю. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года¹ в Республике Марий Эл, проживали 1406 жителей Беларуси², для которых она стала второй Родиной.

Белорусы прибывали сюда по разным причинам. Это были эвакуированные в годы Великой Отечественной войны и направленные по распределению после окончания учебных заведений в Беларусь специалисты для участия в подъеме народного хозяйства в послевоенный период. Чуть ли не добрую половину из них составляли военнослужащие. Все они оказались в МАССР до распада Советского Союза. Их настоящая белорусскость определялась, как правило, общим понятием — советский народ. Большинство прибывших идентифицировали себя белорусами скорее по географическому признаку, чем по этническому. Глубокое осознание своей национальности не могло произойти из-за приоритета русского языка, повсеместного использования трасянки³, отсутствия национальной государственности на своей этнической родине и т. д. Попав в русскую языковую среду и избрав Марийскую республику местом своего постоянного жительства, белорусы еще больше теряли свою белорусскость. В семьях, даже тех, в которых оба супруга были коренными выходцами из Беларуси, все реже стали разговаривать на белорусском языке, так как производственная необходимость требовала общения только на русском. Дети приехавших вырастали, но белорусский язык, в лучшем случае, они только понимали. Редкие поездки на этническую родину не позволяли им в короткий срок овладеть белорусским языком, который является все же одним из основных признаков нации. Родной язык постепенно стали

забывать и сами родители. Браки их детей стали носить смешанный характер: белорусско-русские, белорусско-марийские, белорусско-татарские и др. Под влиянием смешанных браков происходила смена этнического самосознания. В таких случаях и вовсе отпадала необходимость использования белорусского языка. Внуки, прибывших сюда в 1950–1980-е годы, не задумываясь идентифицировали себя русскими. Имели место и компромиссные варианты: один ребенок в семье определял для себя белорусскую национальность, а другой — русскую, татарскую или марийскую.

Поскольку белорусы прибывали в республику из разных областей Беларуси в разное время, с разными целями, это изначально не предполагало установления между нами тесных контактов. Они не могли найти «своих» белорусов по внешним признакам в среде преимущественно славянского населения Марийской республики.

И все же настоящая белорусскость, на наш взгляд, у этих людей всегда сохранялась. Несмотря на ассимиляцию находящихся здесь белорусов, их некоторые этнические, психологические, культурные особенности, которые нельзя ни стереть, ни изменить, продолжают сохраняться до сих пор.

Прежде всего это касается тех особенностей, которые имеют глубокие корни в истории белорусов как нации. Так, это находит свое выражение в белорусских фамилиях (прозвищах). Сейчас в Республике Марий Эл, и не только в ней, этническое происхождение часто определяют по фамилии человека. И хотя бывают исключения, однако такие фамилии, как Сяо Джоу, Мантейфель, Табидзе, Джолитти и другие обычно легко позволяют этнически идентифицировать их носителя. Практически любой житель Марийской республики без особых трудностей сможет определить, кто китаец или немец, грузин или итальянец. Что касается белорусов, то иногда приходится отвечать на вопрос, существуют ли типичные белорусские фамилии. Естественно, что они существуют: это Бусел (белоруск. аист), Струк, Пенько, Санько и т. д. Тем не менее, необходимо иметь особое чувство белорусскости, чтобы определить этническую принадлежность носителей этих фамилий. Бесспорно, что многие из таких фамилий или подобные им имеют общие славянские корни: русские, украинские или польские. Многие антропонимы у этих народов близки белорусским, особенно те, которые происходят от географических названий, такие как Минский, Лидский, Слонимский. Сложилось исторически, что белорусы, жившие на окраинах Беларуси, часто имеют фамилии, в которых можно обнаружить латышское, украинское, польское влияние. Бывает и наоборот: белорусское влияние прослеживается в фамилиях соседних народов. Так или иначе, но белорусские фамилии отражают историю этого народа и в Республике Марий Эл.

Никто не станет отрицать, что Шпиняк, Борисевич, Махнович, Купрацевич, Павлюкевич и многие другие — это белорусские фамилии. Правда, здесь они, как и полагается русифицируются, но только в письменном использовании и несут в себе вместо белорусских — русские фонетические и правописные особенности. Так, по белоруски Турскі, а в русском правописании — Турский, соответственно Дульскі — Дульский, Дземідовіч — Демидович, Алавянішнікаў — Оловянишников, Скорыкаў — Скориков и т. п.

Что касается белорусского языка, то он в республике не стал для белорусов ни средством повседневного общения, ни языком культуры, ни политики, ни литературы⁴.

Те, кому за 70, а порой и за 80 лет, уже забывают и белорусскую трясанку. Состояние здоровья не позволяет им бывать на родине, и они с упоением слушают, при случае, белорусскую речь и рады любой книге или газете на родном языке. Разговорная речь их детей, которые здесь родились и воспитывались, уже ничем не отличается от речи русскоязычного населения республики, разве только тем, что они используют иногда отдельные белорусские слова, как например: бульба (картошка), лустэрка (зеркало), цыбуля (лук), шкарпэткі (носки), и некоторые другие. Из четырех десятков опрошенных членов белорусской «диаспоры» РМЭ только один из них изъявил желание изучать белорусский язык.

И все же, несмотря на все перипетии жизни, для выходцев из Беларуси характерен особый белорусский акцент, который не способен преодолеть ни время, ни русскоязычная среда, в которой они живут.

Непрерывной чертой каждой национальности является стремление сохранить и передать наследникам свои этнические традиции, чтобы дать возможность развивать культурную память нации. Это находит свое выражение в одежде, кухне, ремеслах, песнях, календарных традициях и т. д. Белорусы в этом плане не являются исключением. Однако самоидентификация на фоне многоэтнического общества республики проявляется своеобразным способом и носит, можно сказать, закрытый, внутренний характер. Редко какая белорусская семья не имеет домотканый пояс, вышитую белорусским орнаментом блузку или другие отдельные элементы национальной одежды. Но, они скорее всего семейные реликвии, чем предметы праздничного или повседневного обихода. Аналогичное назначение имеют оригинальные изделия из керамики, порой уникальные — из соломки, домотканые покрывала, которые впитали в себя все краски белорусской природы. И это далеко не весь перечень изделий народных мастеров Беларуси, которые бережно хранят у себя белорусы Марийской республики.

Не забыты ими и белорусские песни как существенные средства этнического самовыражения и воспитания национальной эстетики. Они лучше всего подаются популяризации белорусской культуры в многонациональном обществе. Такие песни, как «Зорька Венера», «Косил Ясь конюшину», «А я лягу, прилягу» и др. часто включаются в репертуар любого дружеского застолья или торжества.

Что касается важнейших праздников белорусского церковного и народного календаря, таких как Коляды (Рождество), Вялікдзень (Пасха), Семуха (Троица), то они полностью адаптировались здесь местным традициям. Белорусы, как и все христиане, празднуют их по сложившимся церковным канонам, чаще всего в узком семейном кругу, не имея возможности порой соблюсти свои обычаи⁵.

Больше всего белорусы республики сохранили свою белорусскую кухню. Белорусская кулинария, несмотря на различные перипетии времени, сохраняет свои национальные традиции. Из глубины веков до наших дней дошли многие самобытные блюда. Особенно популярен у белорусов, картофель, который они называют вторым хлебом. Он является неизменным атрибутом белорусского национального стола. Из него готовят драники, клёцки, колдуны, картофельную бабу. Популярны у белорусов и затирка, мачанка, холодник и многие другие блюда, которые готовят белорусы, чтобы себя попотчевать и других удивить. Может быть, по этой причине удалось привлечь представителей трёх поколений белорусов проживающих в Йошкар-Оле, к участию в республиканском празднике этнокухонь, который проходил в 2010 году в кафе «Славянское».

Как долго сохранятся эти традиции, пусть даже в узких семейных кругах белорусов со сменой поколений, будет зависеть от них самих, насколько они осознают неповторимость и уникальность своих этнических корней.

Что касается социальной мобильности белорусов, то, оказавшись в Марийской республике, они с самого начала включались в производственный процесс и имели самое непосредственное отношение к развитию экономического потенциала края. Во многом это объяснялось тем, что в большинстве своём белорусы имели профессиональную квалификацию, приобретённую у себя на родине. В большинстве своём приезжие белорусы работали на заводах, строительных организациях, сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, медицинских, учебных учреждениях.

Спектр их занятости достаточно широк, но по преимуществу это педагоги, экономисты, военнослужащие, юристы, инженеры. По стопам своих родителей пошли и их дети, многие из которых получили образование в техникумах и вузах Йошкар-Олы. Уже сложилась и династическая профессиональная преемственность. Так, например, в Йошкар-Оле работает династия врачей-терапевтов Зеленко, врачей-офтальмологов Антоновых, военнослужащих Павлюкевичей, Турских и другие.

Занятость и успешная карьера благополучно отражалась на жилищных условиях. Одним государство предоставляло благоустроенные квартиры, другим удавалось приобрести кооперативное жильё, а кто-то сумел построить свой собственный дом.

Тем не менее, благополучие ценится белорусами по-разному. Одни сетуют на то, что в Марийской республике очень долгая, холодная зима (в Беларуси уже в начале марта набухают почки на деревьях), плохие дороги, а Йошкар-Ола — «тупиковый город». Они считают, что лучше вернуться обратно в Белоруссию. И возвращаются. Можно привести некоторые данные. По материалам Федеральной службы государственной статистики с 1990 года по 1999 год из республики выбыло 665 человек⁶, правда, и прибыло 1035⁷. Эта динамика заметно стала меняться с 2000 года. За восемь лет с 2000 по 2008 год прибыл только 121 человек⁸, выбыло — 175⁹. Те, кто остается здесь, радуются тому, что у них две Родины. А значит, они в два раза богаче. И нельзя не согласиться с главой национально-культурной автономии «Белорусы Москвы» Сергеем Кандыбовичем, который считает, что «белорусам Москвы, как и России в целом, жить весьма комфортно. Нет необходимости искать своих земляков, собираться вместе, искать поддержки и защиты, как это происходит с представителями других наций и народностей, которые попадают в чужую языковую и культурную среду. Белорусы очень близки по менталитету, духу и традициям россиянам которые нам симпатизируют»¹⁰.

Примечания

¹ Пока отсутствуют официальные данные по переписи 2010 года.

² Национальный состав населения Республики Марий Эл. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Йошкар-Ола, 2005. С. 7.

³ Трасянка — смесь русского, белорусского, украинского и польского языков, которую используют жители Беларуси как разговорную речь.

⁴ Известная поэтесса, член Союза писателей СССР с 1983 г. Н.И. Жибрик живет в Республике Марий Эл, в совершенстве владеет белорусским языком, пишет стихи, в том числе и о Беларуси, исключительно на русском языке. См.: Жибрик Н.И. Тропа к живой воде. Йошкар-Ола, 2008.

⁵ На Троицу, например, в деревнях Гродненской области было принято ставить у входа в дом зеленые березки, ветками лиственных деревьев украшать дом внутри, плести венки из цветов и веток деревьев, чтобы надевать на рога или шею домашним животным.

⁶ Республика Марий Эл. Статистический сборник. Йошкар-Ола, 1999. Ч. 1. С. 38–39.

⁷ Республика Марий Эл. Статистический ежегодник. Йошкар-Ола, 2002. Ч. 1. С. 61.

⁸ Статистический ежегодник. Республика Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 60.

⁹ Демографический ежегодник Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 66–67.

¹⁰ Саруханова О. Мы белорусы... // Аргументы и факты в Белоруссии. 2011. № 3.

О.Г. Левенштейн

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В МАРИЙ ЭЛ: СУДЬБА МОЕГО ОТЦА

2012 год объявлен годом Германии в России, стране, где жили и продолжают жить многие представители немецкой национальности. Для большого количества наших граждан присутствие значительной немецкой диаспоры вызывает искреннее удивление. Откуда же взялись немцы в России? «Вероятно, это потомки военнопленных Первой и Второй Мировых войн», — вывод многих людей, с кем мне приходилось встречаться разговаривать на тему истории российских немцев.

Первые немцы на Руси появились еще во времена княгини Ольги (945–964 гг.), которая в 959 году обратилась с просьбой к императору Священной Римской империи Оттону I Великому прислать на Русь миссионеров для проповеди христианства. В то время немцы часто служили русским князьям в качестве советников или занимались торговлей с Киевом. После распада Киевской Руси, товарообмен шел в основном между купцами Ганзы и Пскова, Полоцка и Новгорода, причем в последнем находился немецкий двор — место, где жили купцы и хранились товары.

Значительное число немцев переселились в Россию в период правления великих московских князей — Ивана III (1462–1505 гг.) и Василия III (1505–1533 гг.). Среди них было немало военных, мастеровых, врачей.

В период правления Ивана IV (1533–1584 гг.) доля немцев в населении городов стала несколько существенной, во многих появились кварталы компактного проживания немецкой диаспоры — немецкие слободы, одна из самых крупных находилась в Москве. В XVI веке из иностранцев (немцев) главную роль играли военные, принимавшие активное участие в модернизации русской армии и снабжении её европейским оружием. Они строили военные укрепления и крепости, готовили взрывников и минеров. Многие из них участвовали в походах против Казанского ханства (1552 г.). При осаде и взятии Казани большую роль сыграл немецкий военный Юрген Фаренсбах, руководивший артиллерией.

Говоря о немцах, поселившихся в России в XVI веке, следует заметить, что в основном это были выходцы из Ливонии, захваченные в плен во время многочисленных военных походов.

Начало организованного переселения немцев началось при Петре I (1696 – 1725 гг.) В начале XVIII века в Россию прибыли тысячи военных, учёных, ремесленников, художников, архитекторов, принявших активное участие в преобразовании российского государства. Часть из них позднее покинула страну, другие русифицировались, некоторые из прибывших сумели сохранить свою веру, язык, традиции и обычаи.

Время царствования императрицы Екатерины II (1762–1796 гг.) стало новым этапом в истории немецкого переселения в Россию. Манифест 4 декабря 1762 года позволил тысячам немцев обрести вторую Родину — Россию. Немцы активно переселялись на свободные земли Поволжья, позже — Северного Причерноморья, и многие из них оставались на местах своего компактного проживания на протяжении более полутора столетий, сохраняя свой язык, веру (как правило, лютеранскую или католическую), национальный менталитет.

Первые переселенцы были в основном из земель Рейнланд, Гессен, Пфальц. В период правления Александра I (1801–1825 гг.) в Россию приехали немцы из Швабии, Восточной и Западной Пруссии, Баварии, Мекленбурга, Саксонии, Эльзаса, Бадена, а также немцы из Польши.

Весьма интересно, что сама правящая династия Романовых, начиная с брака родителей Петра III — цесаревны Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха, активно роднилась с представителями немецких правящих династий. В результате все последующие правители дома Романовых имели большую долю «немецкой крови», многие из них, в силу династических обстоятельств, были рождены в Германии и говорили по-русски с заметным акцентом. А сама династия Романовых превратилась в ответвление Ольденбургской династии под наименованием Романовы-Гольштейн-Готторп, которое сохраняется в официальном титуле до сих пор.

Что касается истории переселения в Россию наших предков по линии отца, то мне известно об этом немного. Во второй половине XIX века, а возможно и раньше, мои предки покинули Германию и оказались на территории Лифляндии (сейчас Латвии) и стали прибалтийскими немцами. Генри Аппинг — отец моей бабушки (его предки были выходцами из Норвегии) окончил Рижский политехнический институт, получив диплом инженера-мостостроителя. В 1889 году в Риге родилась моя бабушка Катерина Аппинг (Левенштейн — фамилия неродного отца). За участие в дуэли, мой прадедушка был отправлен в ссылку в Сибирь. Оставшуюся часть жизни он провел в Иркутске, где принимал участие в строительстве транссибирской железной дороги. Моя прабабушка — Елизавета Аппинг, урождённая де Левис оф Менар, принадлежала к старинному балтийскому роду, предки которого были выходцами из Шотландии (первое упоминание о них датировано 1454 годом). В 1907 году моя бабушка окончила 8 классов Иркутской гимназии, а затем уехала в Дрезден, где училась в консерватории по классу фортепиано. В 1909 году здесь же вышла замуж за русского инженера-судостроителя Рудольфа Левенштейна. В 1911 году они вернулись в Россию, в г. Николаев, где Левенштейн был главным инженером судостроительного завода. После нескольких лет совместной жизни брак был расторгнут и в Николаеве моя бабушка познакомилась с Гаральдом Джонстоном — инженером-конструктором подводных лодок, работавшим по контракту на судостроительном заводе в Николаеве (Украина). Здесь 27.XII. 1918 года родился мой отец. В условиях начавшейся страшной Гражданской войны моим бабушке и дедушке не удалось обрести семейного счастья. Несколько раз их жизнь висела на волоске. Спасаясь от террора, бабушка с грудным младенцем на руках, рискуя жизнью, бежала за границу. Ещё раньше это сделал Джонстон. Страшные события в России и эмиграция расстроили личную жизнь Катерины Аппинг и Гарольда Джонстона: первая оказалась в Германии, второй — на своей Родине в США.

Детство и отрочество моего отца прошли в Берлине, бабушка устроилась на работу в Торгпредство СССР переводчицей, затем она была переведена в Данию, Норвегию, Швецию, где вышла замуж за ответственного работника торгового представительства Григория Раппорта. В тот период в советских учреждениях за границей отсутствовали детские сады и школы для детей. В силу этих причин мой отец жил и воспитывался у подруг моей бабушки в Берлине Беттины и Катерины фон Зейдлиц.

Годы, проведенные отцом в Берлине: учёба в народной школе, реформ – реальной гимназии им. Трейчке (известный немецкий историк XIX века), активные занятия спортом, забота и внимание приемных родителей, поездки в Норвегию, Данию, Швецию навсегда остались в памяти моего отца. Он всегда с огромной благодарностью вспоминал мать и дочь фрау Зейдлиц, ведь они заменили ему мать, с которой он виделся не так часто. Отчим моего отца Григорий Раппорт, работающий в торговом представительстве начальником отдела импорта, уже давно стремился возвратиться в СССР, несмотря на прекрасные условия жизни за границей и в апреле 1932 года ему было дано такое разрешение.

Для отца, 14-летнего мальчика, такое известие было неожиданным, ведь Германия стала для него Родиной, здесь были его приемные родители, многочисленные друзья, прекрасная библиотека, великолепная коллекция оловянных солдатиков, старинного оружия, монет и марок¹. Отец совершенно не знал русского языка и имел весьма смутное представление о России. И, тем не менее, он хотел познакомиться со страной, где он родился.

Отец уезжал из Германии, не зная, что это навсегда, ему об этом не говорили, чтобы не травмировать детскую психику. Мог ли предполагать он, что спустя почти 10 лет, годы, проведенные в Германии, будут иметь для него самые трагические последствия.

Приехав в Советскую Россию, мой отец был определен в немецкую школу им. К. Либкнехта, основанную в 1924 году в Москве. Школа была необычная и единственная в своем роде. Здесь за партами сидели дети из разных стран: Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, родителям которых пришлось эмигрировать из-за своих политических убеждений. Среди них были известные функционеры компартии, антифашистские писатели, поэты, художники, общественные деятели².

После окончания школы в 1937 г., отец поступает в Первый медицинский институт им. И. М. Сеченова, где учится до сентября 1941 года. Это было время не только овладения медицинской профессией, но и активное увлечение спортом, в частности, волейболом, горным туризмом и альпинизмом.

30-е годы XX века были очень сложным периодом для граждан СССР. В результате сталинских репрессий арестовывают и расстреливают миллионы безвинных. Не стала исключением и семья моего отца, которая была практически вся ликвидирована: отчима и двух дядей расстреляли в 1939 году. В 1941 году была выслана в Казахстан мать Генри — Катерина Левенштейн, где она вскоре умерла, так и не увидев больше своего единственного сына. Позднее они были полностью реабилитированы.

11 сентября 1941 года Генри был арестован и обвинен по трем статьям: по ст. 58, п. ч. 2 — за антисоветскую агитацию, по ст. 58, п. 6 — за шпионаж и по ст. 58, п. 1 — за измену родине. Ни о каком завершении учебы и получения

диплома врача не могло быть и речи. Он был заключен в Таганскую тюрьму, ему вначале дали один срок — 3 года, но затем снова осудили и добавили еще четыре. Он был переведен по этапу в тюрьмы Чистополя, Казани и находился там до 1945 года, откуда летом был переведен в ИТК Марийской АССР: сначала ИТК № 3 в Ошле, потом в ИТК № 2 в Шушерах, затем был переведен в ИТК № 1 в Кузьмино. После ареста и долгого заключения распалась первая семья моего отца, незадолго до этих событий он женился на Людмиле Константиновне Архангельской. Впереди были полная неизвестность и тяжелейшие испытания. Сложность положения Левенштейна состояла в том, что он обвинялся по статьям, предусматривающим смертную казнь. Не нужно забывать, что это было тяжелое военное время, кроме того, отец был другом и учителем немецкого языка легендарного разведчика Николая Кузнецова. Это обстоятельство имело для Генри самые страшные последствия: в течение 3-х лет он каждый день балансировал между жизнью и смертью: постоянные допросы, отсутствие сна, голод. Следователи НКВД пытались выяснить: догадывался ли он о причастности Рудольфа Шмидта (Николая Кузнецова) к разведывательной деятельности. В случае положительного результата отца бы сразу же расстреляли. За время заключения он получил 100 дней карцера, 40 дней следственного изолятора, 15 ножевых ран. Когда отец находился в Чистопольской тюрьме в 1942 году, был доходягой и угасал, весив при росте 180 см 45 кг, до смерти оставался шаг, но с Божьей помощью он выжил, несмотря ни на что! В Казлаге отец становится лагерным врачом и старается помогать людям разных национальностей, взглядов, религиозных верований. Гуманизм, обязательность, профессионализм снискали моему отцу широкую популярность в среде уголовников и политзаключенных. Они верили, что доктор Генри, так звали его в лагере, всегда придет к ним на помощь³.

Освободившись из колонии в 1948 году, он не обрел свободу, а снова попал в заключение почти на 8 лет. Как лицо немецкой национальности отец был отправлен на лесучасток Юркино на вечное спецпоселение, лишенный всяких прав. Здесь мой отец познакомился со своей будущей женой Александрой Григорьевной Князевой. Выходя замуж в 1949 году за моего отца — немца, «политического преступника», моя мама, несомненно, проявила большую любовь к моему отцу и, без преувеличения, очень сильно рисковала. Последующие события подтвердили это. Любовь матери к отцу вызвала резкую негативную реакцию не только со стороны ее коллег (она работала учительницей), но и родственников. Ее оскорбляли, унижали, неоднократно пытались уволить с работы. Все это продолжалось достаточно долгое время. Это были первые послевоенные годы, когда многие люди ставили знак равенства между немцем и фашистом. Отец был приговорен к вечной ссылке, и никто не знал, что будет 1956 год, и «потеплеет» внутривнутриполитическая обстановка в стране. В моей детской памяти остались многие драматические события того тяжелого времени, коснувшегося нашей семьи: брошенный кирпич в окно нашего дома и топор, едва не убивший отца, когда он пытался заступиться за товарища. Много переживаний выпало на долю моей мамы и в последующий период. Занимаясь альпинизмом, многие годы отец рисковал, ни один раз был на волоске от смерти.

Еще учась в Первом медицинском институте, по рассказам отца, он подавал большие надежды как будущий врач, о чем говорили работавшие в то время в этом учебном заведении профессора. Среди них были знаменитые светила

российской медицины М.П. Кончаловский, консультировавший в свое время английскую королеву, Д.Д.Плетнев, профессор биохимии Б.И.Збарский. Отец хотел посвятить себя хирургии, однако ему не суждено было заняться этой областью медицины, как и некоторыми другими, например, судебной медициной. «Политические преступники» рассматривались как злейшие враги советского государства и их деятельность была строго ограничена. Находясь на спецпоселении, отец увлекся спортивной медициной, но работать по этой специализации также не мог: проживать в городах ему было запрещено.

По-существу, окончив Первый медицинский институт в Москве (тогда был ускоренный выпуск), теперь, в условиях спецпоселения, он не имел права поехать и получить диплом, и должен был долго ходатайствовать о возможности окончить учебу в мединституте Ижевска. В 1951 году папа получает там диплом врача.

Работая доктором в Юркинской районной больнице, отец не знал ни одного дня покоя: его постоянно вызывали и ночью, и днем в отдаленные деревни для оказания медицинской помощи. Он был и стоматологом, и акушером, и терапевтом, и травматологом. Часто в пургу и дождь папа пешком шел к больным, преодолевая многие километры. Мой отец посвятил медицине около сорока лет. Сначала сельский врач, затем врач-рентгенолог, он немало сделал для выявления туберкулезных заболеваний и их профилактики среди населения республики.

И здесь находились люди, которые видели в Левенштейне шпиона, антисоветчика: они писали доносы, неоднократно его пытались снова упрятать за решетку. Сколько же ему пришлось пережить и испытать, но он по натуре был очень гуманным человеком и никогда на зло не отвечал злом. Многие люди всегда удивлялись и поражались тому, что Генри, получив столько несправедливого, жестокого, потеряв всех родственников, не озлобился. Более того, он везде пытался сделать что-то полезное, доброе, приобщить людей к занятию спортом, художественной самодеятельности, искусству. Годы Юркинской ссылки были наполнены многими интересными мероприятиями, инициатором которых был мой отец: строительство стадиона, создание футбольной и волейбольной команд, сборной команды леспромхоза по легкой атлетике. Примечательно, что отец ни одного дня своего отпуска не сидел дома. Он часто говорил: «Чтобы много знать, надо много видеть», и этому девизу он был верен до конца.

Жизнь отца богата многочисленными поездками по зарубежным странам. С 1967 года он побывал в более 30 разных странах Европы и Азии. Он всегда стремился планировать свои поездки, к ним он относился очень серьезно, перед любым путешествием всегда знакомился с литературой: исторической, этнографической, политической. Со всеми своими впечатлениями он щедро делился с читателями в своих очерках, всегда иллюстрированных его фотоснимками.

Особенно часто отец бывал в Германии, где у него было много друзей. Его очень уважали и любили там. Книги его были широко известны многим немцам, а вклад его в укрепление германо-советской дружбы, защите природы Германии был отмечен высокими наградами. Генри Левенштейн был частым гостем в Институте восточно-европейской истории, где у него сложились очень теплые и дружеские отношения с доктором Бернхардом Шальгореом. Там он часто выступал с лекциями по самым различным темам: истории российских немцев, флоре и фауне Марийского края, православных храмах Золотого кольца, участвовал в презентации своих книг. География немецких городов, где выступал отец, была обширна: Берлин, Дрезден, Люнебург, Бохум, Кассель, Кельн, Магдебург и др.

Выступая с лекциями в Германии, папа, что очень важно, знакомил западных слушателей с историей, достопримечательностями нашей страны. Его прекрасные слайды, интересные и содержательные рассказы побудили многих немцев совершать поездки по России и Марийскому краю. Будучи большим знатоком и любителем изобразительного искусства, отец познакомил своих друзей из Германии, Австрии, Финляндии с творчеством самобытного горномарийского художника Н. Алманова, с которым у него были дружеские отношения.

Отец любил Германию и всегда с большой охотой ехал туда: там прошли его детские и отроческие годы, там было много друзей, с которыми он мог говорить на своем родном языке. Последний раз Генри был в Германии в 2002 году в возрасте 84 лет. У него уже были очень серьезные проблемы с ногами, при ходьбе он испытывал сильные боли. Все родственники волновались и переживали за него, т. к. было очень рискованно отправляться одному в длительное путешествие, но отец знал, что уже никогда больше не увидит родных мест и друзей. Он ехал туда, чтобы попрощаться.

В последние годы, несмотря на серьезные проблемы с ногами, отец не собирался сдаваться. Превозмогая боли, он ежегодно ездил по республике, снимая старые дома, пейзажи, людей. Много сил и времени он отдал одному из самых любимых занятий — фотосъемке православных храмов. На это ушло несколько лет. Были моменты, когда нам приходилось идти по бездорожью, а ему было уже за 80. Отец останавливался и уже, казалось, не в состоянии был сделать ни одного шага, но воля и решимость его довести дело до конца были настолько сильны, что он преодолевал свой тяжелый недуг.

Многие, знавшие отца, всегда поражались его трудолюбию и работоспособности.

Не успела выйти из печати в 2003 году его книга «Красота рядом с нами», а он уже работал над новой книгой воспоминаний о жизни на лесозащитке Юркино в 1950 – начале 1960-х гг., которую папа практически дописал за несколько дней до смерти, но не успел издать при жизни. Умер отец 2 октября 2004 года.

Мой отец был человеком скромным в быту, довольствовался тем, что имел, не думая о материальных благах. Все деньги, которые он зарабатывал, тратил на путешествия. Все книги, вышедшие с 1998 года, он издал на собственные деньги. Генри Левенштейн был очень доступен: к нему шли люди разных возрастов, разных профессий за советом и помощью. Небольшая квартира отца часто напоминала гостиницу, т. к. у нас постоянно кто-то жил на протяжении многих лет.

Отец не любил лести, громких слов, он не стремился к наградам и почету. Получив страшные жизненные удары, лишившись всех родственников, он не покинул России. В одном из ранних дневников, написанных на немецком языке в начале 1930-х годов, я прочитал следующие строки: «Россия удивительно интересная страна, и мне кажется, что я буду здесь до конца». У отца были две родины — Германия и Россия, которые он очень любил, а в последние двадцать лет своей жизни он жил между ними.

Примечания

¹ *Левенштейн Г.Р.* Эти тяжёлые 30-е годы: хроника жизни // Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, 2000. С. 5–10.

² *Levenstejn, Genri-Ralf.* Die Karl-Liebkecht-Schule in Moskau 1932–1937: Erinnerungen eines Schülers / Henry-Ralf Lewenstein (Johnston). Nordostdeutsches Kulturwerk, Lüneburg. — Als Ms.gebr. — Lüneburg: Nordost. Kulturwerk, 1991. S. 6–10.

³ Генри-Ральф Левенштейн (Джонстон). За решеткой и колючей проволокой. Йошкар-Ола, 1998. С. 272; Генри-Ральф Левенштейн (Джонстон). Марийский лесоповал: врачом за колючей проволокой. Йошкар-Ола, 1999. С. 292.

А. Г. Туманов

ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Российское государство исторически формировалось как многонациональное и многоконфессиональное. На протяжении веков в состав Российской империи входили территории, заселенные различными народами с самобытной культурой, историей и традициями. В нашей стране сложился уникальный многовековой опыт мирного сосуществования различных народов и взаимообогащения культур.

Значительный вклад в создание неповторимой палитры многонациональной культуры России внесли кавказские народы, в том числе и грузины. В начале XIX века согласно Манифесту от 12 сентября 1801 года произошло окончательное присоединение Грузии к Российской империи, с тех пор почти на два века судьба Грузии была неразрывно связана с Россией. Царское правительство в тексте Манифеста подчеркивало, что присоединение Грузии было добровольное, связанное с необходимостью ее защиты от внешних угроз: «Глас Грузинского народа преклонил Нас не оставить и не предать на жертву бедствия язык единовременный, вручивший жребий свой великодушной защите России»¹. Отношение к Грузии в русском обществе всегда отражалось доброжелательностью: многие представители грузинской аристократии влились в состав русского дворянства; например, княжеские роды Шервашидзе, Андроникашвили (Андрониковы), Асатиани, Орбелиани и другие. Известные русские поэты, деятели культуры, побывавшие в Грузии, такие как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, черпали вдохновение в ее природе и культуре для своих произведений. Славные сыны грузинского народа стали героями России, например князь, герой Отечественной войны 1812 года П.И. Багратион или сержант М.В. Кантария, который вместе с сержантом Г.И. Егоровым, старшим сержантом А.И. Исмаиловым и лейтенантом А.П. Берестом, водрузили Знамя Победы на крыше немецкого рейхстага рано утром 1 мая 1945 года. Огромен вклад представителей грузинского народа в развитие культуры Российской империи, СССР и современной России. Широко известны имена князя и поэта И.Г. Чавчавадзе, оперного певца З.Л. Соткилавы, талантливого советского режиссера и сценариста Г.Н. Данелия, артиста балета Н.М. Цискаридзе и многих других.

Наша Республика Марий Эл стала домом для представителей различных национальностей. Здесь наряду с русскими, марийцами, татарами проживают и многие другие народы, одним из которых является — грузины. По данным переписи 2002 года на территории Республики Марий Эл проживают 358 грузин, около 100 семей². Основная масса живет и работает в столице республики — г. Йошкар-Ола, но есть грузинские семьи и в Волжском, Килемарском, Юринском и других районах республики.

Грузинская община в Марий Эл начала складываться в 1970–1980 годах. Многие из приехавших грузин учились в вузах и других учебных заведениях республики, а после их окончания оставались здесь работать. Часть грузин приезжала в Марий Эл по распределению, бытовавшему в советские годы. На момент

последней советской переписи 1989 года в Марийской АССР проживало 294 грузин³. То есть, если сравнивать данные переписи 1989 и 2002 года, становится очевидным, что большинство грузин приехало в Республику Марий Эл в советский период. Следующим этапом грузинской миграции стали 1990-е годы, когда после развала Советского Союза резко ухудшилось экономическое положение не только в России, но и в бывших союзных республиках. Покидавшие Грузию люди ехали в Россию к своим родственникам, друзьям, знакомым, которые могли бы помочь с трудоустройством, проживанием. В настоящее время грузинской иммиграции в Республику Марий Эл практически нет, единичны случаи даже простых туристических и деловых визитов. Это связано, прежде всего, со сложными взаимоотношениями между Грузией и Россией. Что касается внутри — российской миграции представителей грузинской диаспоры Марий Эл, то современные миграции более характерны для молодежи. Чаще всего переезды вызваны поиском работы, поступлением в учебные заведения в других регионах РФ или по семейным обстоятельствам. Эти же причины являются поводом для миграции всей молодежи республики в целом.

Представители грузинской диаспоры поддерживают связи со своими земляками и в других регионах. Так, например, на открытие 19 декабря 2009 года общероссийской общественной организацией «Союзом грузин в России» регионального отделения в столице Республики Чувашии — Чебоксарах были приглашены руководители грузинской диаспоры Нижегородской области и Республики Марий Эл.

Грузины Республики Марий Эл стараются поддерживать связь с земляками и родственниками на Родине. Благодаря современным средствам коммуникации, таким как Internet, Skype, мобильный телефон делать это стало не так сложно. В связи с событиями в Южной Осетии и напряженными отношениями между Россией и Грузией, осложнились возможности поездок в Грузию как для граждан РФ, так и граждан Грузии в Россию. Но учитывая длительные тесные межличностные контакты, традиционно связывающие Грузию и Россию, правительства двух стран постоянно работают над данной проблемой и определенного прогресса им достичь удалось. Как заверил глава грузинской диаспоры Марий Эл З.Л. Дихаминджия, события в Осетии не вызвали всплеска отрицательного отношения к грузинам в нашей республике. К тому же грузины Марий Эл поддерживают хорошие отношения с осетинской и другими диаспорами республики. Большинство людей считает, что в данной проблеме виноваты не народы, а политики.

В ходе интервью, проводимых с представителями грузинской диаспоры в Йошкар-Оле, стало очевидно, что ее приоритетными задачами является оказание помощи землякам, особенно пенсионерам и инвалидам. В диаспоре собираются средства на проведения дорогостоящих операций, лечение и уход за больными. В случае смерти представителя диаспоры, его тело помогают отправить для захоронения в Грузию, с этой целью решаются вопросы с властями, транспортировкой и сопровождением. Если в Грузии родственников не осталось или по желанию покойного, диаспора организует похороны и поминки на территории Марий Эл.

В нашей республике не редкость межнациональные браки. Распространены межнациональные браки и среди грузин, при этом, как говорят члены диаспоры, не имеет значения национальность и вероисповедание второй половины. В таких семьях говорят не только на русском, но и на грузинском языке. Дети, рожден-

ные в межнациональных браках, знают о своих корнях, часто они владеют не только грузинским языком, но знают еще языки субэтнических групп, такие как сванский, мегрельский и др. Не бывает проблем и с национальной самоидентификацией детей, рожденных в межнациональных браках: этот вопрос остается личным делом каждого человека. Грузины, имеющие гражданство РФ и долгое время живущие в России, считают себя россиянами по гражданству, а грузинами по национальности.

Что касается поддержания традиций и культуры, то представители грузинской диаспоры сохраняют не только свой родной язык, но и национальные традиции и обычаи. Являясь православным народом, грузины чтут и соблюдают все православные праздники, такие как Рождество, Пасха и другие, многие соблюдают посты. Молиться грузины ходят в основном в церкви, близкие к месту жительства; большой популярностью среди грузин Марий Эл пользуется Семеновскую церковь. Глава грузинской диаспоры Марий Эл З. Л. Дихаминджия часто бывает в Раифском монастыре, в котором хранится чудотворная икона Грузинской Божией матери.

Грузины Марий Эл всегда помнят и о национальных праздниках, например День святого Георгия 23 ноября. Праздники проходят в домашнем кругу среди друзей и родственников, готовятся блюда национальной кухни. К сожалению, в республике нет специализированного заведения национальной грузинской кухни, но во время фестиваля «Этнокухни», проходившем в Йошкар-Оле в 2010 году в кафе «Винтаж», члены приглашенных диаспор Йошкар-Олы отведали грузинские национальные блюда, приготовленными шеф-поваром Маквалой Гамисония.

Для многих грузин марийская республика стала настоящим вторым домом. Одним из них является Роин Кэкуривич Кокушадзе. Роин Кэкуривич родился 4 марта 1964 года в городе Ткибули, который расположен на юго-западных склонах Рачинского хребта, в 42 км северо-восточнее Кутаиси. Отец Кокушадзе, Кэкури Леонтьевич, работал начальником арматурно — бетонного цеха, мать Мерико Константиновна (Готиашвили) — всю жизнь была домохозяйкой, так как все ее время было занято хозяйством и воспитанием Роина и его старших братьев — Александра и Левана. Семья жила в своем большом доме с отличным фруктовым садом. В детстве Роин был подвижным мальчишкой, настоящим озорником. Как и все ребята, он любил ходить в походы в горы, отдыхать с семьей на море, в Сочи. С возрастом появилось новое хобби — мотоциклы и машины. Как вспоминает Роин Кэкуривич: «Я впервые сел за руль, когда учился в 7-м классе». Но самым любимым увлечением стал спорт. «Я, как и все мальчишки любил играть в футбол и баскетбол, но самым главным видом спорта стал бокс», — говорит Роин Кокушадзе. К тому же именно в боксе ему удалось достичь успехов, стать мастером спорта по боксу. Видимо увлечение именно этим видом спорта стало не случайным, так как значение имени Роин — «сделанный из меди». После окончания школы была учеба в Политехническом институте города Ткибули на строительном факультете, а затем и служба в армии. Службу он проходил в Средней Азии в 1982–1984 годах, в городе Фрунзе. В армии Роин Кэкуривич продолжил занятия спортом, два года становился призером по боксу в среднеазиатском военном округе. После армии он вернулся домой и устроился работать на шахту вместе с братом Леваном. Но после трагедии на шахте, в которой Леван погиб, уволился.

В Йошкар-Олу Роин Кокушадзе приехал в 1993 году к своему двоюродному брату, давно жившему в нашем городе. Здесь он познакомился со своей женой Валентиной. Валентина Геннадьевна по национальности русская, но немного владеет грузинским языком. В семье, как говорит Роин Кэкурьевич, соблюдаются грузинские традиции. На семейные застолья готовятся блюда грузинской национальной кухни, которые научилась готовить и Валентина Геннадьевна. Хотя, как признается сам глава семьи, он все-таки готовит грузинские блюда лучше. В семье отмечаются основные православные праздники, например Рождество и Пасха. Как признает Роин Кэкуривич: «В церковь удаётся сходить редко, только по большим праздникам». Праздники в основном проходят в семейном кругу или с друзьями. Летом же часты выезды на природу на шашлыки или рыбалку к родителям жены, которые живут в Горномарийском районе республики. Роин Кокушадзе считает Республику Марий Эл своей второй Родиной. У него много друзей и знакомых русских и мари по национальности, с которыми частенько на выходные выбирается на рыбалку на Волгу или Ветлугу. С родственниками жены у него сложились отличные отношения. Старается Роин Кэкуривич поддерживать отношения с родней в Грузии. К тому же родня в Грузии осталась большая, только родных племянников трое, у старшего брата — сыновья Руслан и Кэкури, Иосиф — у среднего. Никто из них ни разу не был в Йошкар-Оле. Общение происходит только по телефону и через Internet, Skype. Сам Роин Кэкуривич уже много лет не был в Грузии, но планирует или сам съездить, или пригласить кого —нибудь из родни в гости.

Приехав в Йошкар-Олу, как вспоминает Роин Кокушадзе, первое время было тяжело, трудно найти работу. Вначале он работал в «Аксаматовоагропромхимии» грузчиком, затем водителем. В настоящее время работает в ООО «МДК» заместителем директора.

Роин Кэкуривич считает, что наша республика стала настоящим домом для многих грузин. Ему очень нравится Йошкар-Ола, особенно то, как она преобразилась в последнее время. Местные жители, на его взгляд, очень доброжелательны и гостеприимны.

Россия исторически складывалась как многонациональное государство. Мирное сосуществование взаимообогащает культуры народов, учит их быть терпимее, добрее друг к другу. В настоящее время, когда резко обострились национальные противоречия, необходимо особенное внимание уделяет знакомству граждан России с культурами различных народов, населяющих страну. Многие случаи нетерпимости и ненависти связаны с укоренившимися стереотипами и клеще, присущими для различных национальностей, избавиться от которых поможет лишь близкое знакомство с другой национальной культурой и ее носителями. В Республике Марий Эл накоплен огромный опыт мирного сосуществования представителей различных национальностей и религиозных конфессий. Активное участие в различных сферах деятельности проявляют представители различных народов проживающих в Марий Эл, в том числе и грузинского

Примечания

¹ Цит. по: *Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. М.: Вече, 2011. С. 281.

² Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 01. 02. 2012).

³ Всесоюзная перепись населения 1989 года. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=27 (дата обращения: 02. 02. 2012).

Рамила Газанфар кызы Зейналова

«РОДИНА-ЧУЖБИНА»

Электричка мчалась с большой скоростью в незнакомый мне город — Йошкар-Олу. За окном лето 1991-го года, июль месяц. Впервые в жизни я еду на север в глубинку России. Еще совсем недавно, сходя с трапа самолета рейса Тбилиси — Казань, я даже не могла представить себе ту картину, которую наблюдала из окна вагона: родных могущественных гор не было видно. Теперь мои глаза радовали красавицы сосны, стройные березы, вечнозеленые ели и могучие дубы. Иногда лес заканчивался, и перед моим взором появлялись маленькие деревушки. Меня восхищали искусно сделанные резные наличники на окнах домов, порой невозможно было оторвать глаза от этой красоты. Вереницей сменялись деревни и леса, как будто я попала в мир сказки. Для меня все было необычно. Я видела загадочные густые леса, о которых раньше я читала в произведениях русских классиков.

Вот и город Йошкар-Ола — маленькая и аккуратная столица. В моем представлении столицы должны были быть огромными, как Москва, Баку, Тбилиси. Тогда я еще не знала, что этот небольшой город станет мне родным, здесь родятся мои сыновья.

За годы проживания в Йошкар-Оле я поняла, что в ней дружно живут люди разной национальности. Мой супруг, Чобанов Сары служил в Советской армии в этом городе, в дальнейшем, он закончил Марийский государственный технический университет, факультет автомобильные дороги. Нас ждали трудности: смутные времена, путч. Но мы могли преодолеть все это и твердо встать на ноги.

Наша азербайджанская культура очень отличается от марийской, но несмотря на это, при всем уважении к марийским обычаям, я не забыла свои. В этом мне помогло веками сформированное и заложенное в характере моей нации качество — защищать и сохранять уникальные ценности народа.

Сегодня в самосознание любого азербайджанца присутствует единство трех компонентов: право принадлежности к своему этносу, любовь и уважение к своим национальным традициям и истории своего народа, стремление к изучению национального языка и национальной культуры; право принадлежности к многонациональному азербайджанскому обществу и, наконец, право принадлежности к мировому сообществу, чувство ответственности не только за судьбы своего народа и своей многонациональной страны, но и всего мира.

Поселение людей, принадлежащих к какому-либо этносу независимо от сферы деятельности, рода занятий и религиозной принадлежности, за пределами своей исторической родины, а также их общественная деятельность приводит в итоге к образованию диаспоры.

Несмотря на то, что первые представления о понятии «диаспора» в Азербайджане только начали формироваться, следует отметить, что процесс расселения наших соотечественников в различных странах имел место еще несколько веков назад. Вследствие большей по сравнению с другими народами привязанности азербайджанцев к родной земле, проживание за границей представляло для них сложность с моральной точки зрения. Неслучайно, в азербайджанском устном народном творчестве важное место занимает тема «Родина-чужбина». Сам по себе

данный моральный фактор подтверждает факт достаточно древней истории возникновения азербайджанской диаспоры.

В начале XX века поток азербайджанцев за границу принял широкий характер. Антимусульманская и антитюркская политика царской России на Кавказе была направлена на целенаправленное ослабление господствующего положения азербайджанского населения в регионе. Несмотря на значительное сокращение потока выезжающих за границу после образования в 1918 году Азербайджанской Демократической Республики, падение Демократической Республики создало совершенно иную ситуацию. Строители и «сторонники» Демократической Республики подверглись сильному давлению и преследованиям со стороны большевиков, что вынудило их покинуть страну. Неслучайно, этот период является одним из этапов наиболее массового потока азербайджанцев за границу.

Миграция населения Азербайджана в Россию существовала еще в 1950–1960-е годы. Но тогда выезжали в основном студенты, а также нефтяники, большинство из которых оставалось на новом месте жительства, образовав первую миграционную волну азербайджанцев в России. В последние годы советской власти жители Азербайджана начали оседать в Москве и других городах России, официально числясь у себя на родине; некоторые приезжали в российские города на 3–5 месяцев на заработки, главным образом, торгуя фруктами, овощами, цветами.

В 1987 году в СССР разрешили частную предпринимательскую деятельность и повсеместно стали создаваться кооперативы, среди кооператоров более всего были заметны именно кавказцы, в первую очередь — азербайджанцы. В тот период произошли изменения и в характере трудовой деятельности азербайджанских мигрантов: наряду с традиционной торговлей продуктами сельского хозяйства и цветами, азербайджанцы быстро занимали ведущие позиции в сфере общественного питания, открывая шашлычные, рестораны, кафе.

Покидая родину в поисках средств к существованию, азербайджанцы из всех стран мира, в том числе республик СНГ, отдают предпочтение России. Этот феномен легко объясним: большая, хорошо знакомая соседняя страна, бывший партнер по СССР, отсутствие языкового барьера, легкость заключения смешанных браков.

После распада СССР его бывшие республики, в том числе и Азербайджан, обрели политическую самостоятельность и стали независимыми государствами. Дипломатические отношения между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией были установлены 4 апреля 1992 года. основополагающим документом договорно-правовой базы двусторонних отношений является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой.

В России, по разным данным, живет около четверти населения Азербайджана — почти два миллиона человек. Миграция азербайджанцев также усилилась после развала Советского Союза в 1991 году. По результатам всероссийской переписи населения 2002 года в России проживало 621 840 азербайджанцев, однако существует мнение, что настоящее количество намного выше из-за временной иммиграции населения в поисках работы из Азербайджана. По оценкам некоторых источников, количество азербайджанцев в России достигает до 3 000 000 человек. Большинство азербайджанских иммигрантов переехали в Россию из Азербайджана, Грузии и Армении.

Азербайджанцы создали несколько национально-культурных автономий, самой большой из которых является «Всероссийский Азербайджанский конгресс», который включает местные организации по всей России. В наше время практически во всех российских областях проживают азербайджанцы.

Азербайджанская диаспора в городе Йошкар-Оле была создана в 2001 году Аллахвердиевым Элханом. В 2005 году она стала называться Азербайджанская национально-культурная общественная организация Республики Марий Эл «Азербайджан». В данное время председателем организации является Агамалиев Иса Будаг оглы, работающем коммерческим директором производственного объединения «Барко».

Азербайджанская диаспора — не самая многочисленная в Марий Эл, но она очень сплоченная, активная, авторитетная. С учетом поддержки Конгресса у нее есть все возможности поднять свою деятельность на качественно новый уровень.

Численность азербайджанцев в Марий Эл точно не установлено, где-то десятки тысяч. Они оставались получать высшее образование после службы в Советской Армии. Большинство сюда приехали работать и зарабатывать деньги на жизнь. Некоторые азербайджанцы направились сюда из Армении после Карабахской войны, как беженцы.

В отличие от других областей России в Марий Эл нет межнациональных конфликтов между азербайджанцами и местными жителями. Это дало возможность азербайджанцам с удовольствием остаться работать и жить в этом крае. Азербайджанцы себя здесь не чувствуют чужими. Они с марийцами слились и живут в дружбе и согласии.

Среди азербайджанцев есть межнациональные браки. В основном азербайджанские парни создают с местными девушками семью. Рожденные дети в этих браках считают себя по национальности азербайджанцами. Почти во всех семьях говорят на азербайджанском языке. Азербайджанский народ испокон веков считаются одним из самых музыкальных народов. Как говорится, в Азербайджане нет семьи, где не поют или не пишут стихов. Далеко от родины, здесь слушают, поют, играют на различных инструментах азербайджанскую музыку. Мой младший сын, Эмиль в прошлом году закончил музыкальную школу им. П.И. Чайковского в городе Йошкар-Ола по классу синтезатор. Его первая азербайджанская песня была знаменитая песня про Цыплят. Сейчас он очень часто с удовольствием играет азербайджанскую народную песню «Сары гелин».

Связь с исторической родиной больше всего осуществляется через интернет, Skype и мобильный телефон. Почти во всех азербайджанских семьях в Марий Эл с помощью спутникового телевидения смотрят все каналы вещания Азербайджана. И это дает нам возможность еще ближе быть к Родине.

Совсем не давно смотрела видеоролик, снятый одним из азербайджанских телевидений про азербайджанцев, живущих в Марий Эл. Я хочу написать про тех азербайджанцев, которые не вошли в эту официальную версию видеоролика. Кроме азербайджанцев, живущих, занимающихся торговлей в Марий Эл, есть еще другие соотечественники, которые вносят большой вклад в экономику и науку республики.

Одним из них руководитель аптечной сети Интерфарм и исполнительный директор Ассоциации Фармацевтических предприятий Республики Марий Эл — Гусейнов Салман Авазович. В 1992 году окончив МарГТУ Салман Авазович

успешно начал заниматься предпринимательской деятельностью. Он внес значительную долю своего вклада в экономику Марий Эл. Род его руководством Азербайджанские дети не раз получали финансовую премию за отличную учебу. В 2006 году мой сын лично получил денежную премию за отличную учебу от его рук. Еще он отец пятерых детей и счастливый семьянин.

Еще один азербайджанец Эльдар Аликрамович Курбанов — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, руководитель Центра международного сотрудничества Поволжского государственного технологического университета вложил свой ценный вклад в развитие науки России. Проводя презентации учебных специальностей марийского вуза среди потенциальных абитуриентов в городе Баку, Эльдар Аликрамович помогает азербайджанской молодежи найти вузы для получения достойного образования.

В Йошкар-Оле я познакомилась с самым старшим азербайджанцем. Это Абасов Теймур Мойсумович, он родился в 1921 году в городе Губа Азербайджанской республики. В ноябре 1941 года был призван в Красную Армию Губинским Райсоветом. Будучи младшим командиром, проходил службу в 683 строевом полку, участвовал в боевых действиях. С 1958 года живет в городе Йошкар-Ола. Теймур Мойсумович заслуженный Ветеран войны и труда. Кроме своих детей и внуков, он окружен заботой государства.

9 мая помимо дня Победы близкие и родные отмечают его день рождения. В этом году ему исполнится 91 год. Сейчас полученные раны во время войны дают о себе знать, здоровье не позволяет ему ехать в Азербайджан. Но у него дома всегда слышны песни Рашида Бейбутова, Муслума Магамаева, и Мугам. Я тоже не забываю нашего ветерана и всегда посещаю Теймура Мойсумовича, каждый мой визит для него праздник — меня он называет частичкой родины. Общаюсь с ним, стараюсь наполнить его жизнь воспоминаниями о родине.

Азербайджанский народ исповедуют ислам. Верующие поддерживают все религиозные праздники, посещают мечети, которые находятся в Йошкар-Оле или в Медведевском районе.

У моего народа очень много вековых традиции и праздников. Один из них «Новруз». Новруз Байрамы — наряду с Новым годом и религиозным Рамазан Байрамом является одним из самых главных и самых любимых праздников азербайджанского народа. Хотя Новруз в основном отмечается в мусульманских странах, это не религиозный праздник, а, строго говоря, празднование весеннего равноденствия, символизирующее обновление природы.

Много внимания уделяем подготовке праздничного стола. Как правило, каждая семья, накрывает праздничный стол, украшая национальными сладостями -- шекербура, пахлава и т. д. Кроме этого на стол ставится крашенное яйцо и «семени» — ростки пшеницы, символизирующие благодать и жизнь.

Живя далеко от родины и соблюдая все национальные традиции и обычаи, азербайджанцы устраивают традиционную свадьбу своим детям: по обычаю на стола изобилие угощений из блюд национальной кухни. Играет живая музыка, передающая неповторимый колорит азербайджанских народных песен, звучавших под аккомпанемент национальных струнных инструментов.

Являясь азербайджанкой, я родилась в Грузии, высшее образование получила в Азербайджане и большую часть своей жизни живу в Марий Эл. Живя на чуж-

бине, я пережила немало трудностей и поняла, что для любого народа главное — это согласие и мир.

Прошел 21 год, как я приехала в Марий Эл. С супругом мы воспитываем двоих сыновей. Самиль — студент третьего курса Поволжского государственного технологического университета, а младший Эмиль еще учится в седьмом классе в национальной гимназии № 14 города Йошкар-Олы. Воспитывая своих детей, мы прививаем им любовь к дружбе народов, стараемся вырастить здоровых детей — и физически и морально, воспитывая в них доброе отношение ко всем народам, которые проживают не только в нашей марийской республике, но и на всей планете.

Э.В. Чемышев

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ЦЫГАН В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

Большинство цыганского населения Центральной России относится к субэтнической группе (северно)русских цыган. Группа сформировалась в тесном повседневном общении с местным, в основном, сельским населением. В первой половине XX в. русские цыгане вели оседлый и полуоседлый образ жизни. Большинство их жило в сельской местности в особых слободах или на особых улицах населенных преимущественно цыганами. Второй по численности распространенной субэтнической группой в областях Центральной России являются т. н. южнорусские-украинские цыгане-*сэрвы*. Следующей по численности и значению субэтнической группой цыган, проживающих в областях Центральной России, являются т. н. *кэлдэрары* (румынск. *caldara* «котельщик», «лудильщик»). Русскими цыганами и сэрвами они называются «котляры» (сформировались как отдельный цыганский субэтнос в Трансильванско-Карпатском регионе). До середины 50-х гг. XX в. большинство кэлдэраров вело полуоседлый образ жизни, передвигаясь по стране в основном на поездах и снимая на зимний период квартиры преимущественно в городах и в поселках городского типа.

26 октября 1956 года было опубликовано Постановление Совета Министров РСФСР № 658 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством»¹. Авторы указа предусмотрели для обустройства цыган определенные мероприятия, облегчающие «оседание»: местным властям предписывалось выделять им дома и землю, трудоустраивать их самих, помещать детей в школы и т. д. У непривыкших к массовой помощи и солидарности со стороны государства цыган эти шаги часто вызвали что-то вроде благодарности. В практической реализации постановления были, конечно, элементы насилия. Нередко цыган заставляли за бесценок продавать государству лошадей, арестовывали оказывающих сопротивление мужчин. Чаще всего их через несколько дней выпускали, сделав внушение об уголовной ответственности в случае повторного ареста. В целом репрессии за неподчинение указу были минимальными². Цыгане в основном занимались торговлей. «Торговля с рук в неполюженном месте» была самым распространенным обвинением против цыган и цыганок в 1970-е и 1980-е гг.

В Марий Эл цыгане традиционно селились на окраинах городов или близлежащих селах. Компактно они проживают в г. Йошкар-Оле и Медведевском районе.

Если по данным Всероссийской переписи населения 2002 года в Марий Эл проживало 291 цыган, то перепись населения 2010 г. на территории республики зафиксировала 161 цыган.

В Республике Марий Эл реализация прав граждан в сфере культуры, прав на получение жилья, медицинского обслуживания и трудоустройства, а также получения среднего образования детьми школьного возраста осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Марий Эл, федеральным, региональным законодательством и иными нормативными актами в независимости от национальной принадлежности.

По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Марий Эл цыганских национально-культурных организаций на территории Марий Эл не зарегистрировано. Соответственно цыганские объединения не участвуют в общественных совещательных органах, созданных при органах исполнительной власти в Республике Марий Эл, в реализации республиканских целевых программ, направленных на реализацию этнокультурных прав граждан.

По предоставленным Министерством социальной защиты населения и труда Республики Марий Эл данным на учете в учреждениях социального обслуживания Республики Марий Эл по состоянию на 14.09.2010 г. состояли 33 семьи цыган, в которых воспитывалось 70 детей, в том числе 6 многодетных семей. Данным семьям предоставлялись все предусмотренные законодательством меры государственной поддержки. В частности, многодетные семьи пользовались мерами социальной поддержки, предусмотренными Законом Республики Марий Эл от 2 декабря 2004 года № 50-З «О социальной поддержке и социальном обслуживании отдельных категорий граждан в Республике Марий Эл» в части предоставления бесплатной выдачи лекарств по рецептам врачей для детей в возрасте до 6 лет, ежемесячной денежной выплаты в размере 200 рублей в области транспортного обслуживания, бесплатного питания для учащихся общеобразовательных учреждений, ежемесячной денежной компенсации в размере 30 процентов расходов на оплату коммунальных услуг и твердого топлива в пределах нормативов потребления.

Малоимущим семьям оказывалась адресная материальная помощь. Специалистами учреждений по мере необходимости оказывалась социально-правовая помощь, в том числе помощь в оформлении документов, осуществлялось консультирование по вопросам, связанным с условиями и порядком социального обслуживания.

По данным Департамента государственной службы занятости населения Республики Марий Эл в центрах занятости населения в качестве безработных лиц цыганской национальности не было зарегистрировано.

По сведениям, представленным Министерством образования и науки Республики Марий Эл и органами местного самоуправления, осуществляющими управление в сфере образования, в общеобразовательных учреждениях Республики Марий Эл в 2010–2011 учебном году обучалось 24 ученика с национальностью «цыган» или 100 % от количества детей, подлежащих обучению.

Бесплатным питанием (завтраком) были обеспечены все дети-цыгане 1–4 классов. Дети из многодетных семей (цыган), посещающие группы продленного дня, были обеспечены бесплатным обедом. Дети-цыгане могли пользоваться библиотечным фондом школы, имели возможность посещать кружки.

**Сведения о количестве цыган, проходящих обучение
в общеобразовательных учреждениях Республики Марий Эл
(в 2010–2011 учебном году)**

	Муниципальные районы	Кол-во цыган, подлежащих обучению	Кол-во цыган, проходящих обучение
1	Волжский	1	1
2	Горномарийский	2	2
3	Звениговский	1	1
4	Килемарский		
5	Куженерский		
6	Мари-Турекский		
7	Медведевский	3	3
8	Моркинский		
9	Новоторъяльский		
10	Оршанский		
11	Параньгинский		
12	Сернурский		
13	Советский		
14	Юринский		
15	Йошкар-Ола	17	17
16	г.Волжск		
17	Козьмодемьянск		
	Итого:	24	24

Примечания

¹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. Т. 5, 1954–1956 гг., М., 1959. С. 616, 617.

² Некоторые сведения содержатся в: Друц Е.; Гесслер А. Цыгане. М., 1990. С. 328–331.

Г.В. Рокина, О.Н. Сутырина

**НОВЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Вызовы современного мира и демографическая ситуация в России диктуют необходимость постоянного мониторинга состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в обществе. Весной 2012 года в г. Йошкар-Оле было проведено социологическое исследование «Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи г. Йошкар-Олы», которое осуществлялось в рамках Программы «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл в 2009–2014 гг.». В этой программе, в частности, отмечено, что мониторинг ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений является одним из основных направлений деятельности в области государственной

национальной политики. Особое место в этом мониторинге должно занимать исследование настроения молодежи, в частности студенчества, которое, как известно, является «барометром состояния общества». От позиции молодежи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований.

Особенностью проводимого исследования было применение междисциплинарного подхода, использующего разработки различных научных психологических и социологических школ. Так, еще в 1925 году американский социолог Эмори Богардус разработал шкалу для измерения социальной дистанции, рассматриваемой им как степень близости или отчужденности между двумя группами людей. В 1933 году он модифицировал методику и создал вторую шкалу, также состоящую из семи суждений, отражающих различную степень социальной дистанции. Номер утверждения на шкале отражает величину социальной дистанции (1 — минимальная, 7 — максимальная). Социальная дистанция респондентов одной группы по отношению к другим группам (указанным в стимульном материале) вычисляется как среднее арифметическое. Соответственно, чем меньше этот показатель, тем короче социальная дистанция между двумя группами и тем сильнее выражены позитивные чувства одной группы по отношению к другой. В исследовании, проведенном в 1926 году, Богардус проанализировал ответы 1725 американцев о наиболее приемлемой для них дистанции по отношению к 40 расовым и этническим группам. В числе самых предпочитаемых американцами групп (средняя социальная дистанция от 1,06 до 1,83 балла) оказались англичане, белые американцы, канадцы и жители стран центральной и северной Европы. В наибольшей степени американцы дистанцировались от выходцев с Востока и чернокожих (2,69–3,91 балла)¹. В 1966 году было проведено аналогичное исследование².

По изменению места в списке можно судить о возрастании или снижении социальной дистанции. Результаты исследования показали, что социальная дистанция за 40 лет (с 1926 по 1966 гг.) в целом сократилась, что говорит о доминировании позитивной тенденции в отношениях между народами. Так, дистанция белых американцев уменьшилась по отношению к представителям 21 этнической группы в среднем на 0.45 и увеличилась по отношению к представителям 9 групп в среднем на 0.17. Отметим также, что в 1966 г. в число последних попали русские. Социальная дистанция между американцами и русскими заметно возросла, что, вероятно, объясняется периодом обострения недоверия и противостояния между двумя сверхдержавами — СССР и США.

В 1946 году Е. Хартли³ провел исследование установок студентов колледжа по отношению к 32 национальностям и расам. Он модифицировал шкалу Богардуса, добавив к списку 3 вымышленные этнические группы («методический прием Хартли»). Оказалось, что студенты, имеющие предубеждения против реальных групп, к вымышленным группам также относятся настороженно. Коэффициенты корреляции между предпочтительной социальной дистанцией в отношении 32 реальных и трех вымышленных групп оказались чрезвычайно высокими (0.80).

В современных социально-психологических и социологических исследованиях межэтнических отношений шкала Богардуса продолжает оставаться одним

из самых популярных методов. В частности, она была использована Л.Г. Почебут, Н.В. Паниной, Г.У. Солдатовой. При исследовании межэтнических установок у толерантных и интолерантных респондентов Г.У.Солдатовой было обнаружено, что плавное увеличение социальной дистанции от менее значимых к более значимым видам контакта у толерантных респондентов контрастирует с резким скачкообразным ростом социальной дистанции в сфере неформальных отношений у интолерантных. Например, в подгруппе толерантных татар 80 % опрошенных готовы принять человека другой национальности в качестве гражданина своей республики, 72 % — в качестве соседа, 35 % — в качестве супруга (супруги) их детей и 29 % — в качестве партнера в браке. Среди интолерантных татар готовы видеть гражданами своей республики представителей других этнических групп также не менее 80 % опрошенных, в качестве соседей — 64 %, но в роли супругов детей уже только 18 %, а в роли собственного супруга (супруги) — 17 %. Эта закономерность оказалась характерной и для других народов⁴.

Диагностический тест отношений (ДТО) (автор методики — Г.У. Солдато-ва) — оригинальная модификация метода семантического дифференциала, разработанная для исследования эмоционально-оценочного компонента социально-го стереотипа. Методика широко используется в исследованиях межэтнических и межличностных отношений, а также этнической толерантности. В основу методики положена идея о том, что одни и те же качества, приписываемые как себе, так и другим людям (группе), могут интерпретироваться по-разному: положительные качества своей группы (например, «мы — экономны, бережливы») могут восприниматься как отрицательные у другой («они — жадны, скупы»). По этому принципу были составлены пары качеств, полюса которых различаются по коннотативным (аффективным) параметрам, в то время как их смысловые значения могут расцениваться как достаточно близкие. Полный вариант ДТО (А) представляет набор 20 пар качеств, размещенных на одной карточке. Второй, сокращенный вариант (Б), чаще применяемый исследователями, включает 12 пар качеств⁵.

Направленность (выраженность), или диагностический коэффициент стереотипа (D) характеризует знак и величину общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к данному объекту. Коэффициент определяется по формуле:

$$D = \frac{(\sum a^+ - \sum a^-)}{\sum a_i},$$

где $\sum a^+$ — сумма оценок всех положительных качеств; $\sum a^-$ — сумма оценок всех отрицательных качеств; $\sum a_i$ — общая сумма всех оценок.

Чем больше D с отрицательным знаком (когда преобладают высокие баллы по негативным качествам), тем выше интенсивность негативного стереотипа. Наоборот, чем больше D с положительным знаком (когда преобладают высокие баллы по позитивным качествам), тем выше интенсивность позитивного стереотипа. При D, близком к нулю, высока неопределенность (амбивалентность) отношения, когда респондент не отдает четкого предпочтения позитивному или негативному полюсу оценки.

Некоторые методические разработки⁶ позволяют диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности. Один из показателей трансформации этнической идентичности — это рост

этнической нетерпимости (интолерантности). Степень этнической толерантности респондента оценивается на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении собственной и других этнических групп, порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, выраженности агрессивных и враждебных реакций в отношении к другим группам.

Типы идентичности с различным качеством и степенью выраженности этнической толерантности выделены на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма, начиная от «отрицания» идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, и заканчивая национальным фанатизмом — апофеозом нетерпимости и высшей степенью негативизма по отношению к другим этническим группам. Этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм представляют собой последние из шести ступеней гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений. В межэтническом взаимодействии гиперидентичность проявляется в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных и насильственных действий против другой группы и даже геноцида.

Другой интересной методикой является тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд) из двадцати утверждений⁷, где испытуемого просят в течение 12 минут дать 20 различных ответов на вопрос, обращенный к самому себе: «Кто я такой?». Как правило, человек с более развитым уровнем рефлексии быстрее и легче находит ответы, касающиеся его собственных индивидуальных особенностей. Человек же, не часто задумывающийся о себе и своей жизни, отвечает на вопрос теста с трудом, записывая каждый свой ответ после некоторого раздумья. О низком уровне рефлексии можно говорить, когда за 12 минут человек может дать только два-три ответа. О высоком уровне рефлексии свидетельствует 15 и более разных ответов. Отвечая на вопрос «Кто я?», человек указывает социальные роли и характеристики-определения, с которыми он себя соотносит, идентифицирует, то есть он описывает значимые для него социальные статусы и те черты, которые, по его мнению, связываются с ним. Таким образом, соотношение социальных ролей и индивидуальных характеристик говорит о том, насколько человек осознает и принимает свою уникальность, а также, насколько ему важна принадлежность к той или иной группе людей.

Принято считать, что характеристики самого себя, которые человек записывает в начале своего списка, в наибольшей мере актуализированы в его сознании, являются в большей мере осознаваемыми и значимыми для субъекта. Шкала анализа идентификационных характеристик включает в себя 24 показателя, которые, объединяясь, образуют семь обобщенных показателей-компонентов идентичности. «Социальное Я» включает 7 показателей, среди них — этническо-региональная идентичность (этническая идентичность, гражданство (русский, татарин, гражданин, россиянин и др.) и локальная, местная идентичность), и мировоззренческая идентичность: конфессиональная, политическая принадлежность (христианин, мусульманин, верующий). Диагностическое использование приема 20 утверждений показали, что в этнически однородном обществе ответы, касающиеся расы и национальности, будут встречаться реже, чем в этнически разнородном.

Вышеназванные методики были частично использованы в проекте «Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи г. Йошкар-Олы». От позиции молодежи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований. Именно молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам.

Тем не менее, несмотря на заявленную, столь значимую миссию молодежи, в последние годы именно в городской молодежной среде чаще всего возникают различного рода экстремистские настроения, которым придают национальную или религиозную окраску. Здесь крайне важно раннее выявление различных деформаций в национальных и религиозных настроениях молодежи.

Усилившиеся в последнее время миграционные процессы в Российской Федерации во многом меняют демографическую и национально-конфессиональную ситуацию в РМЭ и ее столице. Увеличивается число мигрантов, появляются новые религиозные организации, меняются источники информационных потоков (Интернет), возникают новые возможности общения и обмена информации у молодежи (блогосфера). Все эти явления не могут не повлиять на настроения молодежи, их ценностные ориентации, в том числе и в национальных и конфессиональных вопросах.

Республика Марий Эл, как показали исследования последних лет, относится к регионам с низким уровнем риска возникновения национальных конфликтов⁸. Проводимые сотрудниками МарНИИ им. В.М. Васильева исследования среди молодежи РМЭ показали, что, молодежь в своем большинстве интернациональна, однако предвидеть ее дальнейшее поведение в многонациональном и поликультурном регионе трудно⁹. Необходимо также менять задачи мониторинга, уходить от стереотипных социологических опросов, учитывая значение таких новых явлений как социальные сети, возникновение движений фэйсбук-сообществ и др.

Одним из механизмов мониторинга динамики национального самосознания и конфессиональных пристрастий в молодежной среде являются социологические исследования, проводимые по современным методикам. В данном проекте (руководитель проф. Н.И. Ларионова, участники — проф. Г.В. Рокина, доц. О.Н. Сутырина, доц. Л.М. Наумова, доц. А.А. Наумов), кроме классических методов социологического исследования, применялись проективные методы (методика Лонга и Хендерсона), а также элементы теста установок личности на себя (М. Кун и Т. Макпартлэнд).

Цель исследования — определить уровень, характер и тенденции национального самосознания и конфессиональных предпочтений студенческой молодежи города Йошкар-Олы.

Предметом исследования стали следующие аспекты:

1. Влияние этнического фактора (этнической самоидентификации) на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, факторов социального поведения, а также конфессиональные предпочтения.

2. Этническая самоидентификация («мы — они»).

3. Уровень и направленность межэтнических отношений.

4. Национальный характер на уровне системы авто- и гетеростереотипов.

Механизм реализации исследования — проведение социологического полевого исследования (май 2011 г.) с использованием методики организации выборочных исследований. Основа методики была разработана Санкт-Петербургскими социологами¹⁰, и в 2000 году адаптирована и апробирована среди группы экспертов Республики Марий Эл¹¹.

Для проведения этносоциального исследования требуются следующие специфические подходы:

– *этничность переживается* (это эмоционально–чувственная категория).

– *она относится к сокровенным проявлениям человеческой психологии*, отмечается «стыдливость» респондента при ответах, поэтому рекомендуется проводить анкетирование, а не интервью.

– *все этническое крайне мифологизировано*. Доказано, что среднестатистический респондент нередко стремится предугадать тот ответ, который предпочтет большинство других, то есть сделать «нормативный выбор». Поэтому при формулировке закрытых вопросов любому социологу вариант ответов, отражающие социальную норму, должны быть максимально «спрятаны» от респондента.

– *этничность чрезмерно идеологизируется*, поэтому ее изучение со стороны социолога требует абсолютной нейтральности и демонстрации даже некоторой отстраненности от предмета исследования.

– *анонимность обязательна* (исключение — псевдоним). Нельзя настаивать, если респондент отказался отвечать.

– *нежелательно применение прямых («лововых») вопросов*. Исключение, если изучают направленность этнических отношений, прямые вопросы должны дополняться несколькими контрольными вопросами.

– *продуктивно применение открытых вопросов и проективных ситуаций* (обработка методом контент–анализа), который пригоден при изучении символического сознания, этностереотипов, качеств национального характера и явлений, связанных с этнофобией и этноцентризмом.

Проектные ситуации могут носить как «открытый», так «закрытый» характер, относятся к типу косвенных вопросов. Это, во-первых, социологическая «игра», которую включают в опросный лист ближе к его концу, чтобы «подогреть» интерес респондента к продолжению работы. Во-вторых, они обнаруживают неосознанное — противоречивость массового (в частности, этнополитического) сознания — непредсказуемость коллективного поведения. В-третьих, иногда необходимо ввести живую ткань народного творчества и, прежде всего, фольклора (игровой характер), когда нежелателен прямой вопрос.

Итак, рассмотрение этничности в качестве объекта эмпирического исследования требует специфических подходов, методов и процедур.

Наиболее распространенный прием получения информации — опрос. Опрос позволяет моделировать множество ситуаций для того, чтобы выявить любое субъективное состояние как отдельных индивидов, так и социальных групп. Именно в этом состоянии его преимущество перед другими методами.

Искусство опроса заключается в том, насколько точно исследователь знает, как спрашивать, кого спрашивать, какие задавать вопросы и как убедиться в том, что полученная информация достоверная.

Кратко остановимся на *специфике организации этносоциального исследования*.

Влияние *национальности интервьюера*, как показывают результаты исследований, велико. Респондент раскрывается охотнее, если он и интервьюер принадлежат к одной национальности.

В идеале *язык анкеты* должен соответствовать языку респондента, особенно, если он свободнее владеет родным языком. Безусловно, этот вариант потребует дополнительных материальных и временных затрат, но качество исследования будет намного выше. Используемая в проекте анкета была составлена на русском языке, однако анкетерам было рекомендовано общаться с респондентами, по возможности, на более удобном для респондента языке.

Немаловажное значение имеют *общий план и верстка анкеты*. Рекомендации могут быть следующими.

1. *Анкета должна быть понятной, даже человеку с невысоким уровнем образования*, поэтому лучше использовать разговорный язык. Каждый вопрос и вариант ответа анкеты сужался до более краткой формы. В условиях дефицита студенческого времени (опрос проходил накануне и во время сессии) данная рекомендация была весьма актуальна.

2. *Анкета должна быть интересной*, следовательно, не стоит злоупотреблять количественными шкалами (в представленной анкете она содержится только в вопросе 31); следует чередовать открытые и закрытые вопросы, прямые с косвенными, альтернативные с многовариантными; использовать красочность (рисунки, иллюстрирующие отдельные сюжеты). По мнению социологов, иллюстрации играют существенную роль, поскольку могут выполнять психологические функции: снимают утомление, позволяют переключить внимание респондента на новую тему, поясняют содержание вопроса, снижают монотонность заполнения анкеты¹². В данном исследовании впервые в практике социологических опросов в Республике Марий Эл было учтено данное обстоятельство: в анкете имеется 9 иллюстраций.

3. *Анкета не должна быть длинной*: без социально-демографических сведений количество вопросов составляет от 20 до 40. Учитывая, что обычно на заполнение требуется приблизительно 1 час, большее число вопросов нежелательно, поскольку респондент утомляется. В исследовании было использовано всего 36 вопросов.

4. *Структура анкеты должна учитывать психологию респондента*, поэтому введение необходимо составлять так, чтобы вызвать заинтересованность; первые 2–3 вопроса должны быть легкими, а ближе к середине необходимо включить сложные. Со второй половины вновь перейти к легким вопросам и можно включить проективные игровые ситуации.

5. *При формулировке вопросов следует исключить двусмысленные толкования*: избегать слов «много» или «мало», «часто» или «редко», «лучше» или «хуже», так как они не несут полной информации; избегать слов «демократия», «национализм», «рынок», поскольку респонденты могут вложить в них разное смысловое содержание.

Таким образом, методика составления анкеты была полностью выдержана в соответствии с общепринятыми требованиями.

Наиболее распространенный прием получения информации — опрос. Опрос позволяет моделировать множество ситуаций для того, чтобы выявить любое

субъективное состояние как отдельных индивидов, так и социальных групп. Именно в этом состоянии его преимущество перед другими методами.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что для исследования данной проблемы наиболее подходящим является индивидуальный письменный опрос с ассистентом.

Проведенное исследование подтвердило правильность выбора типа (письменный) и вида (индивидуальный с ассистентом) опроса по проблеме национального и конфессионального самосознания студентов города Йошкар-Олы. Так, в ходе опроса ряду студентов потребовалось сопровождение ассистента.

По данным статистики в 2010 году общая численность городской молодежи от 15 до 24 лет по Республики Марий Эл составила 68235 человек, в том числе, в возрастной группе 15–19 лет — 25840 человек, 20–24 года — 42395 человек¹³.

В 2010–2011 учебном году общая численность студентов (объем генеральной совокупности респондентов), обучающихся в вузах составила 23266 человек, в учреждениях среднего профессионального образования — 11843 человек¹⁴.

Таким образом, при общей выборке — 813 анкет — объем квотной выборки составил 2,3 %, после выбраковки 749 анкет — 2,1 %. Исходя из общего количества 37 учреждений среднего и высшего профессионального образования на 2010 год, выборка исследования представлена восемью учебными заведениями города Йошкар-Олы республики Марий Эл (21,6 %): МарГТУ — 360 человек; МарГУ — 164 человека; МОСА — 23; МОСИ — 27; СПТУ № 9 — 50; Йошкар-Олинский Технологический колледж — 51; Радиомеханический техникум — 88; Кооперативный техникум — 50.

Представительность (репрезентативность) выборки определяется следующими факторами:

- наличием вузов (государственных и негосударственных), техникумов и училищ в структуре выборки;
- присутствием различных факультетов в разрезе каждого учебного заведения;
- гендерным балансом респондентов, отвечающим структуре обучающихся в учебных заведениях;
- присутствием различных курсов обучения студентов-респондентов;
- количественной разнородностью выборки в разрезе учебных заведений, отражающей масштаб конкретного учебного заведения.

После первичной обработки результатов и выбраковки для машинной обработки и последующего анализа были отобраны анкеты 749 респондентов (62 анкеты были отброшены как недостаточно полно и корректно заполненные).

По итогам проведенного исследования определены основные тенденции формирования этно-национальной и общегражданской идентичности, конфессиональной принадлежности у различных групп студенческой молодежи города Йошкар-Олы, уровень их толерантности, склонности к экстремизму в национальной и религиозной сфере, готовность к межкультурному и межконфессиональному диалогу, этнические стереотипы как индикатор национального характера, уровень развития этнической культуры в городской среде.

Результаты и опыт проекта станут основой для дальнейшего сотрудничества вузов Республики с Министерством культуры, печати и по делам национальностей РМЭ, прогнозирования национальных и межконфессиональных конфликтов в полиэтнической среде города Йошкар-Олы.

Примечания

- ¹ Сергеев В. Социальная дистанция и национальные установки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 57–61.
- ² Методики из «практикума по исследованию и диагностике толерантности личности» // Режим доступа: <http://www.c-psy.ru/index.php/specialists/socialnomu-pedagogu/metodikisocpedagog/6024>
- ³ Методики из «практикума по исследованию и диагностике толерантности личности» // Режим доступа: <http://www.c-psy.ru/index.php/specialists/socialnomu-pedagogu/metodikisocpedagog/6024>.
- ⁴ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 122.; Солдатов Г.У. Психодиагностика толерантности личности. Смысл, 2008. С. 172.
- ⁵ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- ⁶ Методики из «практикума по исследованию и диагностике толерантности личности» // Режим доступа: <http://www.c-psy.ru/index.php/specialists/socialnomu-pedagogu/metodikisocpedagog/6024>
- ⁷ Twenty statements self attitude Test — Kuhn M, Mc Partland T., 1966; Кун М., Макпартленд Т. Кто Я? Применение теста «20-ти высказываний» // Психология самосознания: хрестоматия. — Самара, 2003.
- ⁸ Сутырина О.Н. Национальная политика в Республике Марий Эл // Региональные аспекты экономики, управления и права: Межвузовский сборник статей. Вып. 3 / Под общ. ред. проф. А.Д. Арзамасцева. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. С. 319–332; Сутырина О.Н. Nationalitätenpolitik in der Republik Mari El // Mari und Mordwinen im heutigen Rußland: Sprache, Kultur, Identität. — Harrassowitz Verlag — Wiesbaden, 2005. P. 23–38.
- ⁹ Орлова О.В. Проблемы социализации студенческой молодежи Республики Марий Эл на рубеже веков // Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Вып. 1: сборник статей. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. С. 42.
- ¹⁰ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: учебное пособие. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1999. С. 203.
- ¹¹ Сутырина О.Н. Методика этносциологического исследования // Материалы Всероссийской школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность». 28–29 июня 2000 г. Йошкар-Ола, 2000. С. 19.
- ¹² Как провести социологическое исследование / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М: Политиздат, 1990. С. 83–84.
- ¹³ Рассчитано по: Республика Марий Эл: Статистический ежегодник «Республика Марий Эл» / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл — Йошкар-Ола, 2011. С. 464.
- ¹⁴ Республика Марий Эл: Статистический ежегодник «Республика Марий Эл» / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл Йошкар-Ола, 2011. С. 464.

О.В. Орлова

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ**

Активная миграция в России в 1990-е годы имела ряд особенностей. Основными причинами миграции в данный период послужили военные конфликты на территории бывшего Советского Союза, сложная экономическая и политическая ситуация в России, распад СССР. Миграция осуществлялась как внутри России, так и на международном уровне. Впервые появился такой феномен как «ближнее зарубежье». Россия стала своеобразным центром притяжения. Долгие годы Россия «отдавала» трудовые ресурсы, в исследуемый период она превратилась в «собирателя». Этому способствовали прозрачные границы с некоторыми государствами, что способствовало поддержанию довольно интенсивного обмена населением между ними.

По официальным данным, с начала 1990-х годов из бывших союзных республик Советского Союза на территорию современной России прибыло более 5 млн. человек, но лишь 1,3 млн. были зарегистрированы как вынужденные пере-

селенцы¹. Не менее 65 % среди этих мигрантов составляют русские, которых не устраивали состояние межнациональных отношений в тех странах, где они проживали, и политика этих государств в отношении русских и русскоязычных граждан, а так же кризисная социально-экономическая ситуация².

По статистическим данным, пик въезда-выезда на территорию республики из стран «ближнего зарубежья» пришелся на начало 1990-х годов. Больше число мигрантов прибыли из Украины, Казахстана, Узбекистана. Следует отметить, что число мигрантов, прибывших из Казахстана на протяжении 1990-х годов вплоть до начала 2000-х годов было стабильно высоким. Прибывали в республику, в основном, русские, марийцы, татары в возрастных группах 14–17 лет, 20–24 года, 25–29 лет, 30–39 лет, причем женщин больше прибывало в более молодых возрастных группах (от 14 до 24 лет), а мужчин в возрасте постарше (от 20 до 49 лет)³. Прибывшие в республику не изменили этнический состав населения, и тем самым не была заложена почва для возникновения межнациональных конфликтов в будущем.

Выезд в страны «ближнего зарубежья» из республики осуществлялся преимущественно в Украину. Численность прибывших более чем в два раза превышала в начале 90-х годов численность выбывших. Хотя к концу 1990-х годов начался спад численности прибывших, но по сравнению с выбывшими из республики, сохранялся достаточно высокий уровень, так в 1999 году прибыло почти в четыре раза больше, чем выбыло, в 2000 году — более чем в пять раз, в 2002 году — более чем в четыре раза (табл.)⁴.

Осуществлялась миграция и в страны «дальнего зарубежья», она не носила массовый и стихийный характер как в пределах территории бывшего Советского Союза. В основном, из Республики Марий Эл выезжали в Германию, Израиль, США. В эти страны выезжали в большей степени женщины, преимущественно в возрасте от 20 до 39 лет⁵. Данные государственной статистики не дают нам возможность проследить, куда и с какой целью выезжала данная категория населения. Средства массовой информации свидетельствуют, что в России процветала торговля людьми, главным образом это затрагивало молодых женщин детородного возраста. По их оценкам, за рубеж путем обмана вывезены сотни женщин для продажи в сексуальное рабство. В республике, по данным электронных средств массовой информации, действовало туристическое агентство «Пума», которое отправляло в страны «дальнего зарубежья» молодых женщин для публичных домов, как Европы, так и Азии. За время своей деятельности они отправили более 200 молодых женщин.

В 1990-е годы получили широкое распространение и «брачные агентства», через которые молодые женщины стремились познакомиться с женихами из экономически благополучных стран и выйти замуж. Возможно, это одна из причин миграции женщин детородного возраста.

Кроме того, необходимо отметить, что в исследуемый период на территорию республики прибывали беженцы и вынужденные переселенцы. В основном, они пребывали из зон военных конфликтов и мест с неблагополучной экономической и социальной ситуацией (Таджикистан, Грузия, Узбекистан, Казахстан, Чечня и Ингушетия). Так, если в 1993 году в республику прибыло 207 человек, то в 2000 году — 2060 человек⁶.

Внешняя миграция по РМЭ, человек

	1992 год	1999 год	2000 год	2001 год	2002 год
Число прибывших в Республику Марий Эл из государств СНГ и Балтии:	2009	929	965	458	527
Азербайджан	83	54	25	3	6
Армения	22	32	26	3	9
Белоруссия	101	40	21	16	19
Грузия	110	17	11	13	19
Казахстан	301	332	540	187	251
Киргизия	46	20	20	20	12
Молдавия	96	33	29	20	21
Таджикистан	159	40	18	19	12
Туркмения	40	22	13	9	3
Узбекистан	249	95	85	73	81
Украина	628	233	163	95	86
Латвия	93	5	6	-	4
Литва	39	1	4	-	2
Эстония	42	5	4	-	2
Число выбывших из Республики Марий Эл в государства СНГ и Балтии:	868	238	182	122	122
Азербайджан	27	4	7	2	2
Армения	18	3	3	1	2
Белоруссия	121	32	32	19	24
Грузия	42	1	6	1	1
Казахстан	112	41	29	17	22
Киргизия	14	4	3	3	1
Молдавия	22	12	4	2	4
Таджикистан	3	2	8	1	1
Туркмения	13	3	5	1	-
Узбекистан	60	17	7	2	7
Украина	385	111	78	70	54
Латвия	13	4	-	-	1
Литва	8	-	-	3	-
Эстония	29	4	-	-	1

Основная волна международной миграции пришлась на первую половину 1990–х годов. В начале 2000–х годов миграционные потоки истощились. В первую очередь это было связано со стабилизацией политических и экономических процессов, с прекращением вооруженных межнациональных конфликтов на территориях бывшего Советского Союза. Основные миграционные потоки в республику в 2002–2007 гг. были направлены из других регионов России: 12745 человек в 2002 году, 12808 человек в 2003 году, 12248 человек в 2004 году, 11384 человек в 2005 году, 10995 человек в 2006 году, 10983 человек в 2007 году⁷. Международная миграция осуществлялась в 2002–2007 году в основном из Казахстана (2002 г. — 251 человек, 2007 г. — 43 человека), Украины (2002 г. — 86 человек, 2007 г. — 70 человек), Узбекистана (2002 г. — 81 человек, 2007 г. — 93 человека). Росло число прибывших из Азербайджана (2002 г. — 6 человек, 2007 г. — 44 человека) Армении (2002 г. — 9 человек, 2007 г. — 34 человека)⁸.

В исследуемый период, так же как и в предыдущие и последующие исторические периоды, осуществлялась внутренняя миграция из сельской местности

в города. Привлекательность городской жизни, несмотря на трудности с трудоустройством и обеспеченностью жильем, все более возрастает среди молодежи.

Данные о численности населения республики от 0 до 14 лет свидетельствуют, что в ближайшем будущем республику ожидает снижение численности молодежи⁹. При подобной тенденции в следующие десятилетия республика может оказаться перед необходимостью решения сложнейших социальных и экономических проблем, связанных с резким уменьшением численности населения, смещением структуры в сторону лиц старших, пожилых возрастных групп.

В целом структура численности молодежи в республике претерпела изменения в сторону смещения относительно снижения численности молодежи в сельской местности и повышения численности молодежи в городах республики. Этот процесс всегда имел объективное объяснение. Молодежь всегда стремилась в город, так как в городах расположено большинство учебных заведений, больше возможности найти работу, которая бы соответствовала ценностным ориентирам и жизненным планам определенной части сельской молодежи. В условиях 1990-х годов отток молодежи из села сопровождался в первую очередь экономическими причинами, так как не все сельскохозяйственные предприятия выдержали «шоковую терапию» экономических преобразований 1990-х годов. Аграрный сектор не является привлекательной сферой в молодежной среде, кроме того нехватка рабочих мест, малая вероятность сделать карьеру — эти и другие причины сподвигали молодых людей на переезд в города, причем этот процесс, как свидетельствуют данные статистики, идет довольно давно. Так в 1979 году все население республики составляли 704207 человек, а молодежь в возрасте от 16 до 29 лет составляла 196329 человек от общей численности населения республики; численность городского населения составляла 373036 человек городская молодежь — 116540 человек; численность сельского населения составляла 331171 человек сельская молодежь — 79789 человек. В 1989 году все население республики составляли 749332 человека, а численность молодежи — 161520 человек; городское население — 457218 человек, из них молодежь — 101226 человек; сельское население — 292114 человек, из них молодежь — 60292 человека¹⁰. В 2001 году все население республики составляли 739,1 тысяча человек, а молодежь в возрасте от 15 до 29 лет составляла 164,9 тысяч человек; численность городского населения составляла 464,8 тысяч человек, а численность молодежи — 110,4 тысяч человек; сельское население — 274,3 тысячи человек, из них молодежь — 54,5 тысяч человек¹¹. Данные показывают нам, что в 1979 г. в 1,4 раза, в 1989 г. в 1,6 раза, а в 2001 г. в два раза городской молодежи было больше, чем сельской.

В последующие десятилетия, если процесс передвижения сельской молодежи в города по-прежнему будет активным, республика будет иметь неблагоприятную возрастную структуру населения. В сельской местности преобладающим будут старшие и пожилые возрастные группы со сниженной трудовой и предпринимательской активностью, не имеющие необходимого потенциала для быстрой адаптации к меняющимся условиям жизни. Возникнут не только экономические, социальные, но и политические проблемы. Кто будет работать в сельском хозяйстве? Кто будет кормить страну? Можно конечно закупать продовольствие и за пределами России, но это будет означать потерю продовольственной независимости страны. Подобная ситуация аналогична потере обороноспособности государства.

Кроме упомянутых возрастных различий в составе сельского населения существуют и проблемы по половому составу сельского населения. Сложилась такая ситуация, что в сельской местности республики, в отличие от городской, преобладает численность молодых мужчин над численностью молодых женщин¹². Так называемый «дефицит» невест порождает серьезные проблемы формирования семей и их стабильности, репродуктивной деятельности населения, сохранении традиционной семейной морали. Преобладание молодого мужского населения в сельской местности в условиях их низкой трудовой занятости и иной полезной деятельности, распространение девиантного поведения является одним из основных условий внесемейных сексуальных связей молодежи, что выступает в качестве одного из основных факторов увеличения интенсивности разводов, роста числа неполных семей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В основном выезжают из сел молодые женщины. Это связано с отсутствием рабочих мест для женщин и непривлекательностью тяжелого сельскохозяйственного труда. В городских условиях молодым людям легче реализовать свои способности в различных сферах бизнеса, удовлетворить потребности в получении профессионального образования. Возможность разнообразно провести досуг, развитая инфраструктура индустрии отдыха и развлечений — это тоже является привлекательным для молодежи и немаловажным фактором в решении переехать в город. Эти процессы объективны и сократить отток молодежи в города возможно при создании в сельской местности условий для творческого, содержательного труда и разнообразного отдыха.

Кроме того не следует забывать о внутренней трудовой миграции. Многие сельскохозяйственные предприятия республики в условиях экономических преобразований 90-х годов вынуждены были свернуть свое производство, поэтому трудоспособная часть сельского населения вынуждена была выезжать на заработки не только в города республики, но и за пределы республики (Север, Москва, Татарстан).

По прогнозу Федеральной службы статистики в 2007–2025 гг. сокращение населения России в трудоспособном возрасте составит 16,2 млн. человек. В пиковые 2009–2017 гг. численность населения России в трудоспособном возрасте будет ежегодно сокращаться более чем на 1 млн. человек¹³. Такое значительное сокращение трудоспособного населения создаст принципиально новую ситуацию на локальных рынках труда. Как считает В.И. Мукомель, дефицит рудовых ресурсов не может быть сглажен мерами демографической политики и нехватка рабочих мест не может сколько-нибудь существенно компенсирована повышением производительности труда, автоматизацией и механизацией производств в силу того, что в современной, обслуживающей экономике основная часть рабочих мест создается в третичном и четвертичном секторах, где сложно механизировать труд. Поэтому встает проблема привлечения труда иммигрантов и этому нет альтернативы¹⁴.

Привлечение иностранных рабочих породит социально-культурные проблемы, так как межэтническое взаимодействие, иные традиции и культура. Социальные последствия привлечения иммигрантов могут быть весьма серьезны: на локальные рынки труда выйдут новые когорты иностранных граждан. Прибывших, чаще всего, из традиционных, патриархальных обществ, с иной культурой, иными нормами и ценностями, иными правилами поведения. Это может соз-

дать предпосылки противостояния местного населения и мигрантов, что может породить в России серьезные проблемы.

Таким образом, мы можем констатировать, что одно из важнейших свойств миграционных процессов, происходящих не только в республике, но и в России в целом в исследуемый период, — их социально-экономическая обусловленность, а также политические факторы миграции. Особенно сильно это проявилось в 90-е годы XX века, когда ухудшение жизни основной части населения страны привело к изменению демографического поведения и в условиях экономического кризиса привело к демографическому кризису, последствия которого еще долго будут давать о себе знать. Но политические факторы миграции, которые доминировали в 1990-х годах, сошли на нет, и решающее значение приобрели экономические мотивы, которые доминируют в 2000-е годы. Приток иммигрантов, снизился в 2000-х годах, стабилизировавшись на относительно низком уровне, в то время как численность трудовых мигрантов возросла.

Примечания

- ¹ Назарова Е.А. Особенности современных процессов миграции // Социс. 2000. № 7. С. 106–111.
- ² Ионцев В.А. Международная миграция населения: Россия и современный мир // Социс. 1998. № 6. С. 38–47.
- ³ Демографический ежегодник Республики Марий Эл // Статистический сборник. Часть 1. Йошкар-Ола, 2003. С. 49–51, 53–54.
- ⁴ Республика Марий Эл в цифрах // Статистический сборник. Йошкар-Ола, 2003. С. 22–23.
- ⁵ Демографический ежегодник Республики Марий Эл // Статистический сборник. Часть 1. Йошкар-Ола, 2003. С. 46–47, 51–53.
- ⁶ Республика Марий Эл в цифрах // Статистический сборник. Йошкар-Ола, 2003. С. 24.
- ⁷ Республика Марий Эл // Статистический ежегодник «Республика Марий Эл» // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл — Йошкар-Ола, 2008. С. 41–42.
- ⁸ Республика Марий Эл // Статистический ежегодник «Республика Марий Эл» // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл — Йошкар-Ола, 2008. С. 339. С. 41–42.
- ⁹ Республика Марий Эл // Статистический ежегодник. Часть 1. Йошкар-Ола, 2001. С. 32.
- ¹⁰ Молодежь Марийской АССР // Статистический сборник. Йошкар-Ола, 1990. С. 12–13.
- ¹¹ Молодежь Республики Марий Эл // Статистический сборник. Йошкар-Ола, 2009. С. 14.
- ¹² Демографический ежегодник Республики Марий Эл // Статистический сборник. Часть 1. Йошкар-Ола, 2003. С. 7–8.
- ¹³ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики, 2006. С. 55.
- ¹⁴ Мукомель М.И. Вызовы иммиграции этносоциальные аспекты // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтничного общества: материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 июня 2008 г. / Отв. ред. Р.Н. Мусина. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 138.

Е.Н. Волкова, А.П. Суворова

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (на примере Республики Марий Эл)

В условиях глобализации и международной конкуренции устойчивое социально-экономическое развитие страны и ее регионов является как никогда актуальным. В России в силу высокой территориальной дифференциации регионали-

зация социально-экономического развития принимает формы, которые требуют применения особых подходов к управлению для достижения желаемых результатов. В настоящее время экономика регионов России нуждается в разработке эффективной социально-экономической политики, гарантирующей высокое качество жизни населения, с учетом особенностей, присущих конкретному региону.

В эти моменты власти обращаются не только к материальным, но и к вечным ценностям — духовно-нравственным, историческому наследию, всемирной помощи и поддержки культуры своей нации. Отсюда следует, что при изучении экономики, как страны, так и отдельного региона нельзя игнорировать национальные культурные факторы. Под термином «национальная культура» следует понимать совокупность достижений нации в производственном, общественном и умственном отношении. Нация, в свою очередь, трактуется нами как исторически сложившаяся форма общности людей. Ей свойственна общность территории и экономической жизни, общность языка, некоторые черты психического и духовного облика. Именно поэтому несмотря на наличие других факторов, влияющих на развитие экономики страны, национальная культура на уровне отдельного субъекта страны должна выступать как один из важных ресурсов его развития.

Это обстоятельство определило выбор темы исследования, постановку его цели и конкретных задач.

Цель исследования: обосновать роль национальной культуры в качестве одного из основных факторов социально-экономического развития региона.

Решаемые задачи: 1) определение роли и влияния национальной культуры как фактора социально-экономического развития региона; 2) оценка вклада национальной культуры в социально-экономическом развитии применительно к условиям Республики Марий Эл.

При изучении экономики, как страны, так и отдельного региона нельзя игнорировать национальные культурные факторы. Они выступают опосредованными факторами производства валового регионального продукта. В странах, где придерживаются подобной позиции, это приносит вполне ощутимые плоды, значимые с точки зрения общества. Они выражаются в виде увеличения объема, разнообразия и доступности культурных продуктов, роста занятости в отрасли культуры и в смежных отраслях, увеличения налоговых поступлений в бюджеты, ускорения экономического роста, укрепления социальной сплоченности населения, изменения жизненных ценностей, позитивного формирования личности и многих других.

Примеров положительного опыта других регионов в области национальной культурной политики множество. Назовем хотя бы некоторые. Французский городок Авиньон после второй мировой войны организовал у себя театральные фестивали, который сегодня является крупнейшим в Европе. Месяц фестиваля «кормит» полгода город и окрестности. То же самое с шотландским Эдинбургом, в котором проходит второй по значимости европейский театральные фестивали. Есть пример испанского города Бильбао, еще недавно вполне депрессивного, в котором построили музей современного искусства — и город преобразовался, став туристической меккой. Есть пример Барселоны, ставшей всемирным конгресс-центром. Есть города-музеи, вроде Венеции, целиком живущие за счет своего культурного наследия, дополненного крупнейшими форумами (кинофестивалем и биеннале). Из отечественных примеров можно отметить Пермь, Санкт-

Петербург. К примеру, в пермском крае два года продолжается небывалый для нашей страны эксперимент по насаждению культуры в регионе, не слишком к этому приспособленного. Были выбраны прорывные направления, в которых наиболее быстро и наглядно можно достичь результата, главное из них — современное искусство, фестивали в самых различных областях искусства (документальное кино, музыка, театр, поэзия и проч.) [1].

Для того, чтобы более успешно решать вопросы социально-экономического развития региона, необходимо разработать систему показателей, раскрывающих экономическую эффективность функционирования и развития сферы национальной культуры. Например, Британская библиотека подготовила доклад Правительству о роли Библиотеки в экономическом процветании Великобритании, где отмечено, что на каждый вложенный фунт стерлингов страна получает четыре.

В настоящее время основной целью развития большинства стран мира и их регионов является улучшение качества жизни населения. То, что национальная культура воздействует на качество жизни людей и отдельных сообществ, является залогом стабильного развития и потенциально приводит к увеличению экономических и социальных благ признано в докладах ЮНЕСКО («Наше творческое многообразие», 1997 г.) и Совета Европы («Стремление к целостности», 1997 г.) по результатам исследования в целом ряде стран, в том числе Франции и Великобритании [2].

Соответственно целям развития регионов строится система критериев (характеристик развития) и показателей, которые измеряют эти критерии. Несмотря на некоторые различия между странами и регионами в иерархии ценностей и в целях развития, международные организации оценивают степень развития стран и регионов по некоторым универсальным (традиционным) интегральным показателям, учитывая специфику страны.

В контексте настоящего исследования особенно значимым является изучение роли и места такого субъекта РФ как Республика Марий Эл, обладающая на сегодняшний день особыми уникальным национальным историко-культурным наследием и преимуществом. Несмотря на то, что уровень социально-экономического развития Республики Марий Эл сопоставим с наименее развитыми регионами страны, являясь дотационным регионом, он, в отличие от многих из них, обладает значительным конкурирующим национальным культурным потенциалом и соответствующей социальной инфраструктурой, что обеспечивает значительный экономический потенциал.

Используя электронный ресурс с результатами рейтинга развития регионов России, в котором участвует 79 регионов, где первое место занимает регион с наилучшим значением показателя, последнее — с наихудшим, отметив, что РМЭ занимающая 38 место в социальной сфере и 67 место в экономической сфере подтвердим, что уровень его развития сопоставим с наименее развитыми регионами. [3] Тем не менее, являясь дотационным регионом, он в отличии многих из них, обладает значительным конкурирующим национальным культурным потенциалом и соответствующей социальной инфраструктурой, что обеспечивает значительный экономический потенциал.

В состав национальной культуры Республики Марий-Эл входят более 50 национальностей, в т. ч.: марийцы — 42,9 %, русские — 47,5 %, татары — 6 %, чувашаи — 1 %, украинцы — 0,7 %, удмурты — 0,3 %, мордва — 0,2 %, другие национальности РФ.

Для исследования национальной культуры республики нам интересен вклад марийцев, как приоритетной исторической нации, которая представлена в основном составе республики, поэтому вклад ее окажет преемственное воздействие на экономику региона [4].

В качестве конкурирующего преимущества марийского народа следует отметить, что она впитала в себя богатое наследие. Сейчас во многих уголках России и за ее пределами известны Государственный ансамбль танца «Марий Эл», Государственная капелла им. А.И. Искандарова, оркестр народных инструментов «Марий кундем».

Основоположниками современного марийского искусства стали писатель Сергей Григорьевич Чавайн (Григорьев) (1888–1937) и композитор Иван Степанович Ключников-Палантай (1886–1926). Все их творчество пронизано фольклорными мотивами народа мари.

С именем Сергея Чавайна связаны лучшие, наиболее яркие страницы истории марийской литературы. Он является ее родоначальником, писателем-классиком, высоко поднявшим значение художественного слова в глазах соотечественников. Его произведения вошли в золотой фонд марийской художественной литературы.

Марийская народная песня — это единственное откровение народного духа среди мрачного многовекового гнета. Имена следующего поколения классиков национальной культуры стали известны далеко за пределами республики. Именно Марийский край подарил России творчество композитора Андрея Яковлевича Эшпая и поэта Николая Алексеевича Заболоцкого (1903–1958).

Большое внимание в республике уделяется подготовке достойной смены нынешним мастерам искусства. В Марий Эл работают 8 домов ремесел, студий, мастерских, 48 детских музыкальных учреждений, детских художественных школ, детских школ искусств. Настоящей кузницей профессиональных кадров для сцен театров не только республики, но и России, стал факультет «Актерское мастерство» Республиканского колледжа культуры и искусств им. И.С. Палантая.

В качестве конкурирующего преимущества марийского народа следует отметить, что оно входит в одно из древних братских содружеств родственных финно-угорских народов России, нация, которая имеет корни по всему миру, поэтому из года в год укрепляются культурные, общественные и научные связи народов финно-угорского мира. Республика приобретает широкую известность, мировая общественность получает возможность познакомиться с самобытной культурой народа мира.

В республике действует несколько общественных организаций, работающих в сфере финно-угорского сотрудничества: Фонд развития финно-угорских культур, Общества дружбы Марий Эл — Венгрия, Марий Эл — Финляндия, Марий Эл — Эстония.

Сотрудничество Республики Марий Эл с Финляндией является особенно активным и разносторонним. В качестве важного организационного инструмента удачных международных отношений с Финляндией необходимо отметить реализацию специальных целевых программ, направленных на поддержку культур финно-угорских народов.

С финской стороны координирующую роль в развитии марийско-финских культурных отношений выполняет Общество М.А. Кастрена, которое оказывает

значительную финансовую поддержку проектам в области языка, литературы (в основном переводческая деятельность), журналистики, СМИ, образования, книгоиздания (прежде всего, детской литературы), а также общество дружбы «Финляндия — Россия».

Работают научные организации: Институт финноугроведения МарГУ и др.

Образовалась молодежная ассоциация финно-угорских народов.

В отличие от других регионов, в регионе на постоянной регулярной основе действует наибольшее количество национальных театров: Марийский национальный театр драмы им. М. Шкетана, Академический русский театр драмы им. Г.В. Константинова, Марийский государственный театр оперы и балета им. Э. Сапаева, Республиканский театр кукол, Марийский театр юного зрителя, Горномарийский драматический театр.

Такое лидерство Марий Эл в области театрального искусства признается коллегами из других регионов России. Неспроста Йошкар-Ола стала местом постоянного проведения Международного финно-угорского театрального фестиваля.

Республика Марий Эл становится центром культуры мирового масштаба. Каждые два года в столице проходит Международный фестиваль театров финно-угорских народов, традиционным стало проведение Международного фестиваля русских театров национальных республик России и стран ближнего зарубежья. А в последние годы звезды мировой величины стали частыми гостями еще одного крупного международного фестиваля оперного и балетного искусства — «Зимние вечера».

По инициативе Национального театра драмы имени М.Шкетана 1 раз в два года проводится Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул». В рамках этого фестиваля российские и зарубежные артисты из Эстонии, Венгрии и Финляндии представляют свои спектакли на суд зрителей Марий Эл, встречаются с населением республики, знакомятся с культурой и бытом сельских жителей.

Используя национальную культуру РМЭ, мы поможем ей справиться с названием дотационного региона. Наглядно оценить вклад национальной культуры, представленной подведомственными организациями и учреждениями в социально-экономическом развитии, применительно к условиям Республики Марий Эл можно в таблице 1.

Финансирование национальной культуры в 2011 году осуществлялось в пределах бюджетной росписи в соответствии со сметными назначениями, на содержание которой всего направлено в 2011 году 181641,582 тыс. рублей, что превышает вложения за 2010 год.

Одним из крупнейших источников в общем объеме финансирования расходов учреждений являются средства от приносящий доход деятельности, их поступление за 2011 год по республиканским учреждениям составило 25760,18 тыс. рублей.

Следует отметить, что в настоящее время наибольший доход от приносящей доход деятельности получают несколько учреждений национальной культуры. Первое учреждение — ГУК РМЭ «Марийский государственный театр оперы и балета им. Эрика Сапаева», доход которого составляет 6483,60 тыс. рублей, что составляет 25 % от всей доходности учреждений.

**Сведения об объемах финансирования национальной культуры РМЭ
за 2011 год, тыс. руб. [5]**

Наименование показателя	Всего	Объем финансирования	
		Бюджет	Доходы
Национальная культура (марийская), тыс. руб.	207401,7	181641,5	25760,18
1. ГОУ ДОД РМЭ «Национальная президентская школа искусств»	10103,81	9887,07	216,74
2. ГОУ СПО РМЭ «Колледж культуры и искусств»	55745,40	52822,21	2923,19
3. ГУК «Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева»	7999,81	6812,03	1187,78
4. ГУК РМЭ «Горномарийский драматический театр»	4378,19	4021,43	356,76
5. ГУК РМЭ «Марийская государственная филармония им. Я.Эшпая»	13312,98	11082,98	2230,00
6. ГУК РМЭ «Марийский национальный театр драмы им. М. Шкетана»	30211,06	25384,73	4826,33
7. ГУК РМЭ «Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна»	17426,92	16774,95	651,97
8. ГУК РМЭ «Марийский государственный театр оперы и балета им. Эрика Сапаева»	32803,97	26320,37	6483,60
9. ГУК РМЭ «Республиканский театр кукол»	15469,25	10003,77	5465,48
10. ГУК РМЭ «РНМЦНТ и КДД»	8999,14	8253,48	745,66
11. ГУК РМЭ «Республиканский центр марийской культуры»	2571,74	1899,07	672,67

Наиболее значимые события и успехи года этого театра следующие: 6–15 февраля — XIV фестиваль оперного и балетного искусства «Зимние вечера», 5–9 апреля — VIII Международный фестиваль балетного искусства в честь 100-летия великой русской балерины Галины Улановой, 1–5 декабря — XV Международный фестиваль оперного и балетного искусства «Зимние вечера».

Второе учреждение — ГУК РМЭ «Республиканский театр кукол» с доходностью 5465,48 тыс. рублей, что занимает 21 % от всей доходности учреждений.

К наиболее значимым мероприятиям театра следует отнести: участие в Международном фестивале театров кукол «Муравейник» (г. Иваново) со спектаклем «Колыбельная» (март), участие в региональном фестивале театров кукол «Карусель сказок» (г. Чебоксары) со спектаклем «Каштанка» (апрель), участие в фестивале театров кукол «Рабочая лошадка» (г. Набережные Челны) со спектаклем «Лиса и медведь» (апрель);

Третье учреждение — ГУК РМЭ «Марийский национальный театр драмы им. Шкетана», доход которого составляет 4826,33 тыс. рублей, что составляет 19 % от всей доходности учреждений.

Настоящее исследование показывает, что учреждения национальной культуры РМЭ играют, кроме культурной, еще и существенную роль в социально-

экономическом развитии региона. Чтобы выполнять свои задачи, учреждения национальной культуры РМЭ пока еще не могут обойтись без государственных субсидий. Их деятельность, однако, вызывает обратные потоки средств в государственный бюджет и оказывает сильное оживляющее воздействие на социальную и экономическую сферу региона, что позволяет нам говорить о национальной культуре как о важном факторе прямо или косвенно влияющем на социально-экономическое развитие региона.

К наиболее значимым мероприятиям театра следует отнести: с 18 по 27 ноября был проведен VIII фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул», 22 ноября был организован «Круглый стол», послуживший созданию «Ассоциации театров финно-угорских народов». 26 ноября проведен семинар «Современная национальная драматургия XXI века» с участием драматургов Республик Карелия и Марий Эл.

Учитывая, что все учреждения национальной культуры приносят доход и имеют свои особенности в области национальной культуры, мы полагаем, что в отличие от других дотационных регионов страны, РМЭ обладает значительным конкурирующим национальным культурным потенциалом, что позволяет нам говорить о национальной культуре как о важном факторе прямо или косвенно влияющем на социально-экономическое развитие региона.

В заключении отметим вклад национальной культуры в социально-экономическое развитие РМЭ:

1. Прямой вклад национальной культуры в экономику:

- национальная культура предоставляет рабочие места;
- национальная культура обладает существенным инвестиционным потенциалом;
- национальная культура и искусство служат одним из источников развития образования, СМИ, туризма, индустрии развлечений.

2. Прямое социальное влияние:

- национальная культура и искусство обеспечивают социально значимые виды деятельности, организацию отдыха;
- позитивно влияют на сознание людей, отношения между ними;
- способствуют духовному развитию личности и общества в целом, раскрытию их творческого потенциала,
- предлагается разнообразие возможных образцов и моделей социального поведения в других культурах.

3. Косвенное экономическое влияние:

- взаимовыгодное, стимулирующее сотрудничество делового мира и сферы национальной культуры, коммерческой и некоммерческой, но социально значимой сфер, их социальное партнерство оказывается важнейшим механизмом и инструментом формирования гражданского общества, способного к саморазвитию;
- национальная культура и искусство социально выгодны, так как они аккумулируют и транслируют некие базовые ценности общества, образы, которые используются в коммерческой и некоммерческой деятельности;
- современные технологии бизнеса и менеджмента: реклама, public relations, работа с персоналом, реинжиниринг корпораций, формирование корпоративной культуры и фирменного стиля, невозможны без использования традиционных

форм социально-культурной деятельности, без сотрудничества с учреждениями и организациями сферы национальной культуры;

– национальная культура и искусство повышают ценность окружающей среды, например, украшая товары, помещения, здания, включаясь в оформление города, материальной среды производства и отдыха.

4. Косвенное социальное влияние:

– национальная культура и искусство обогащают социокультурную среду;

– выступает источником цивилизационного влияния, стимулируют творчество, повышая способность общества к восприятию и поиску нового, преодолению застарелых стереотипов сознания и поведения;

– национальная культура и искусство — коллективная память общества, неисчерпаемый источник культурно-исторического наследия и творческих идей для будущих поколений, они улучшают и разнообразят жизнь, повышают степень социализации личности, способствуя профилактике и сокращению девиантного и асоциального поведения;

– велика роль национальной культуры и искусства в образовании и воспитании подрастающего поколения, влиянии на интеллектуальное и эмоциональное развитие детей;

– возрастает роль национальной культуры и искусства в социальной коммуникации, в том числе с использованием современных технологий.

Приведенный перечень показывает реальное значение сферы культуры, степень и масштабы ее реальной востребованности. Осознание этого является важным моментом самосознания профессионалов, работающих в этой сфере. Национальная культура не «жалкая и убогая», просящая деньги «на факт бытия». Речь идет о глубоко укорененной в экономике и социальной жизни сфере деятельности, обеспечивающей многообразные формы социального партнерства, связей и отношений, развития общества в целом.

С учетом всех указанных связей между национальной культурой и социально-экономическим развитием можно сказать, что национальная культура является системообразующим фактором консолидации и развития общества в национальном и региональном масштабах.

Примечания

1. <http://www.gazetaprotestant.ru>
2. Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры: Сб. материалов. М.: Либерея, 2002. С. 9–11, 149.
3. <http://www.5-tv.ru/rating/method.html>
4. <http://www.maristat.mari.ru/>
5. <http://www.mincult12.ru/>

Г.С. Зеленева

Ценностные ориентации молодежи Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований 2005, 2010 гг.)

Основная задача современного общества состоит в том, чтобы вырастить и воспитать достойное поколение, которое придет на его смену в будущем. В условиях череды экономических, политических кризисов, социально-экономической

нестабильности, упадка морально-нравственного облика общества, а так же СМИ, которые нередко «сливают грязную», непроверенную информацию в общество, к сожалению, неизбежно меняет облик нашей молодежи. Зачастую бытует мнение о разобщенности молодежи, о полной оторванности ее от остального социума, о том, что она эгоистична, не желает ничего понимать. Особое беспокойство вызывает тот факт, что подросткам не чуждо такое чувство, как неприязнь, негатив к представителям других национальностей.

В Республике Марий Эл всегда уделялось и уделяется большое внимание молодежи. На республиканском административном уровне, а так же в научной среде идет работа по изучению современного состояния молодежи, и предпринимаются меры для улучшения качества жизни подрастающего поколения. Правительство республики ведет активное строительство спортивных сооружений, для оздоровления нации. Так же ведется активное благоустройство городов и поселков, парков, скверов и т. д. Помимо этого, министерства и ведомства республики проводят мероприятия для молодежи (спортивные, культурные, информационные, профилактические и т. д.).

Особое внимание изучению молодежи уделяет отдел социологии МарНИИ-ЯЛИ им. В.М. Васильева, который регулярно проводит социологические исследования на тему «Социальный портрет студенческой молодежи Республики Марий Эл». Помимо этого систематически отдел социологии выпускает сборник «Молодежь Республики Марий Эл», в настоящее время вышло пять выпусков. В сборнике рассматриваются вопросы образования, межнациональных отношений, политической культуры, религиозных взглядов, ценностных ориентаций молодежи республики. В республике по изучению проблем молодежи проводятся научно-практические конференции, круглые столы, семинары.

В 2005 году отделом социологии МарНИИЯЛИ проводился опрос «Социальный портрет студенческой молодежи Республики Марий Эл» [1]. Были опрошены 596 человек: студенты высших учебных заведений, учащиеся колледжей и ПТУ. В опросе приняло участие 66,6 % девушек и 33,4 % юношей. В национальном разрезе русские составили 48,7 %, мари 42,4 %, татары 7,0 % респонденты другой национальности 1,9 %. Возраст варьируется от 14 лет до 23 лет.

Основная масса респондентов в целом довольна своей жизнью (78,0 %). Проблемы, беспокоящие молодых людей можно разделить на два блока. Первый блок — это материальные проблемы, в него входят обеспокоенность материальным состоянием своей семьи (64,6 %), малой вероятностью заработать самому (55,9 %), плохие жилищные условия (36,4 %). Второй блок включает в себя проблемы связанные с психологическим состоянием молодежи, среди них; собственная психологическая неуравновешенность (17,8 %), возможность стать жертвой насилия (16,6 %), отсутствие социальных служб помощи молодежи (17,6 %), конфликты с родителями (11,1 %). При возникновении проблем в жизни, подростки, которые надеются на помощь родителей, составляют 46,6 %, только на себя 43,6 %, на друзей 26,7 %

В ближайшие жизненные планы молодежи входят: (по мере убывания) получить хорошее образование 71,8 %, добиться материального благополучия — 67,1 %, получить приличную работу 65,4 %, встретить любимого человека, создать прочную семью 60,9 %, заниматься любимым делом 44,8 %, решить проблему жилья 35,4 %.

В наибольшей степени молодежь ценит в людях такие качества, как доброта, ум, воспитанность, целеустремленность, юмор. Молодежи не нравятся такие качества как грубость, невоспитанность, зависть, скупость, лень.

В ходе исследования мы выявили, что основная масса молодых людей осуждает употребление алкоголя (60,6 %), употребление наркотиков (96,6 %), воровство (92,1 %), шантаж (90,1 %), самоубийство (84,7 %), беспорядочные половые связи (78,2 %), табакокурение (51,5 %). Основные мотивы, побуждающие молодежь совершать противозаконные действия кроются в материальном расчете (54,2 %), желание быть «крутым» (53,7 %), группировках (44,5 %). В качестве предложенных мер для снижения уровня преступности среди молодежи респонденты предлагают трудоустроить молодежь (78,9 %), поднять уровень жизни в стране (65,3 %), сделать бесплатным образование (44,0 %), сделать бесплатным спортивные секции и досуговые учреждения (41,9 %).

С приходом нового столетия заметно изменился досуг молодежи. На смену учреждений досуга ориентированных на занятость молодежи спортом, моделированием, конструированием пришли новые учреждения, деятельность которых ограничивается развлекательными мероприятиями. Если в социалистическом прошлом досуг молодежи был комплексным и включал в себя юношеские клубы, секции занимающиеся подготовкой в области спорта, моделирования, конструирования и т. д., то в современный период количество таких заведений из-за финансового кризиса 90-х годов значительно сократилось. На сегодняшний день к услугам молодежи предлагаются мероприятия развлекательно — увеселительного направления дискотеки, бары, игровые клубы, которые нередко негативно воздействуют на нашу молодежь.

При проведении социологического опроса, были выявлены следующие моменты: молодежь, проживающая в республике, мало читает, редко посещает театры и кинотеатры, практически не занимается спортом. Всё это возникает не по вине подростков, а вследствие нестабильного социально — экономического положения, а так же вследствие общероссийского нравственного кризиса. Не последнее место в причинах вышеизложенной ситуации занимает массовая западная культура, которая стремительно вытесняет, прежние моральные ценности российского общества.

На вопрос «Гордитесь ли Вы своей страной», 72,3 % ответили утвердительно, 8,9 % ответили на данный вопрос отрицательно, 18,6 % затрудняются ответить. Для половины респондентов участвовавших в опросе понятие «Родина» в первую очередь ассоциируется с местом рождения, 29,0 % ответили, что Родина — это Россия, 10,1 % выбрали вариант ответа «Родина там, где мне хорошо жить», никто из участвовавших в опросе не выбрал вариант «Родина — это для меня пустой звук».

Отношение к прохождению службы в армии у молодежи Республики Марий Эл в основном положительное. Против службы в армии высказалось не более четверти респондентов. Основная масса опрошенных респондентов считает, что служба в армии это гражданская обязанность, долг перед Родиной (43,5 %), армия — это место, где становятся настоящими мужчинами (22,7 %).

В 2008–2009 гг. отделом социологии МарНИИЯЛИ был проведен социологический опрос «Семейные ориентации студенческой молодежи Республики Марий Эл» среди студентов.

Исследованием было охвачено 572 респондента (МарГУ — 221 человек; МарГТУ — 217 человек; МОСИ — 134 человека.). Цель исследования определить семейные ориентации студенческой молодежи, прогнозировать ее репродуктивные функции, определить морально-психологические факторы, побуждающие молодое поколение вступать в брак, проследить религиозные нормы и традиционные устои при ориентации на семейную жизнь. Рассматривая социально-демографический портрет опрошенных студентов, мы можем сказать о них следующее. Опрошено 32,6 % юношей 66,9 % девушек. Возрастные границы варьируются от 18 лет до 22 года. В национальном разрезе русские составляют 57,6 %; мари составляют 31,6 %; татары соответственно 4,2 %.

Для 43,3 % респондентов в ближайшие планы входит создание семьи. Какие мотивы побуждают молодых людей создать семью, какие критерии они подбирают для своих будущих супругов? На первом месте у опрошенных стоит фактор «взаимная любовь», об этом высказались 80,0 % респондентов; взаимная симпатия, привязанность стоит на втором месте, об этом высказались 40,2 % ответивших. Не чужды современной молодежи и факторы материальной базы будущего супруга, а именно, наличие у избранника высокого материального положения (12,0 %), наличие у избранника квартиры (7,1 %), наличие у избранника богатых родственников (1,0 %).

Из всего массива опрошенных респондентов «Верят в большую любовь» 80,2 %,

В области прогнозирования будущего семьи, будет ли она существовать, или станет для молодежи республики пережитком прошлого, мы можем проследить по результатам опроса. На вопрос «Какая форма семьи Вам больше нравится?», 73,3 % ответили, что на основе зарегистрированного брака. Это на наш взгляд связано в первую очередь с прочным сохранением семейных традиций на территории республики, особенно в сельской местности. Желают жить с партнером на основе свободных, ничем не связанных отношений 3,1 %, в «гражданском браке» 12,1 %. Самая оптимальная форма организации семейных отношений для студенческой молодежи — это современная семья, в которой оба супруга работают и сообща занимаются домашними делами (87,6 %). За традиционный тип семьи, которую обеспечивает мужчина, а женщина занимается домашним хозяйством, высказались 10,5 % респондентов.

В целом отношение студенческой молодежи к институту семьи в Республике Марий Эл на наш взгляд оптимистичное. В большей степени этому способствует наглядный пример семейной жизни родителей респондентов. На вопрос «Является ли для Вас примером идеальной семьи семья Ваших родителей» более 60,0 % респондентов ответили утвердительно. По всей вероятности, у студентов довольно неплохие отношения с родителями и более половины их них живут в благополучных семьях. Мы можем предположить, что современная молодежь воспринимает родительскую семью как модель супружеских взаимоотношений и в будущем, возможно, продемонстрирует этот позитивный опыт в своей семейной жизни.

Имеется небольшая часть респондентов, которая не желает видеть в будущем взаимоотношения в своей семье похожие на семейные взаимоотношения своих родителей (19,5 %). Мы не можем конкретно объяснить, с чем связано убеждение не повторять семейную жизнь своих родителей, возможно, эти респонденты

воспитывались в семье одинокой матери, или пережили развод своих родителей, а возможно в семейной жизни их родителей имеют место насилие, агрессия, непонимание, алкоголизм обоих или одного из родителей и др.

О преемственности семейных ценностях и традиций в республике указывает тот факт, что 65,7 % респондентов считают необходимым получить благословление родителей на брак.

У молодежи республики достаточно высокие репродуктивные установки. В ходе опроса мы выяснили, что 92,9 % респондентов хотят в будущем иметь детей. Ориентация на детей в современном мире снижается, ориентация же на доход и материальные блага увеличивается, не исключением в этом вопросе является и Республика Марий Эл. У студентов республики ориентация на многодетные семьи, имеющих трех и более детей выражена незначительно (14,7 %). Основная часть ответивших респондентов хотели бы иметь двух детей (64,4 %). На однодетные браки настроены 17,6 % респондентов.

К сожалению, упор на двухдетные, однодетные семьи не приведут в ближайшее время к увеличению рождаемости в республике. На наш взгляд основными аргументами того, что подростки выбирают двухдетный вариант семьи, служат недостаточные материальные возможности для содержания многодетных семей.

Говоря о полиэтничности Республики Марий Эл, в качестве одного из основных доводов мы можем привести распространенность в республике национально смешанных браков (в городах они составляют более 30,0 %, в поселках городского типа более 50,0 %, а в селах более 25,0 %). В ходе нашего исследования выяснилось, что 53,9 % респондентов считают, что национальность в браке не имеет значения, такие респонденты в будущем могут быть потенциальными представителями межнациональных браков. Выборочный подход к национальности будущего супруга отметили 21,5 % респондентов. К мононациональному браку склоняется 7,9 % респондентов. Категорически отрицают свое вступление в межнациональный брак 3,7 % респондентов.

Таким образом, с одной стороны мы видим, что большинство студентов считают межнациональный брак определенной нормой, с другой стороны, большое количество положительных ответов на данный вопрос говорят о стабильной межнациональной ситуации в Республике Марий Эл.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что семейные традиции в республике сохраняются, об этом говорит внушительный процент респондентов желающих в будущем создать семью. Естественно, в современной жизни с экономической нестабильностью, политическими изменениями, некоторой пассивностью социальных институтов, распространенностью криминала, наркотиков молодое поколение испытывает некоторые трудности в определении своего статуса в жизни, поиска жизненных ориентиров. Но в основном молодежь смотрит в будущее с чувством надежды и оптимизма. На наш взгляд, молодое поколение РМЭ, учитывая некоторые его недостатки, в будущем проявит себя как полноценное общество Республики Марий Эл и Российской Федерации в целом.

Примечания

1. Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований): сборник статей. Йошкар-Ола, 2008. Вып. 3. С. 149–171.

**АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ
(по результатам социологического исследования)**

В настоящее время приглашение в Россию на обучение иностранных граждан является распространенной практикой, что подтверждает ее 9-е место в мире по числу иностранных студентов¹. Иностранные граждане, прибывшие в Россию с целью получения образования, представляют собой особую категорию. Марийский государственный технический университет (ФГБОУ «МарГТУ») (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола) в 2010–2011 учебном году впервые принял на обучение иностранных граждан. Первый набор иностранных студентов в МарГТУ составлял 55 человек. Сегодня как на программах бакалавриата, специалитета, магистратуры и в аспирантуре обучаются 183 студента из 9 стран ближнего и дальнего зарубежья. Для осуществления систематической оценки адаптации иностранных студентов и выявления проблем с ней связанных был выбран метод мониторинга. Актуальность проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах определяется в первую очередь задачами дальнейшего эффективного их обучения как будущих специалистов. Именно успешная адаптация способствует более быстрому включению студентов в учебный процесс.

По завершении первого учебного семестра, в декабре 2010 года социологической лабораторией Факультета социальных технологий МарГТУ было проведено исследование с применением метода анкетного опроса. В ходе проведения анкетирования анализировались различные формы адаптации иностранных студентов, а также было важно выявить проблемы, возникшие у иностранных студентов за первый семестр обучения в ВУЗе. Опрос проводился по месту жительства респондентов (Дом студента и аспиранта).

Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2010–2011 учебном году в Марийский государственный технический университет для получения высшего образования из стран бывшего СНГ прибыли иностранные студенты.

Характеристика выборочной совокупности. Методом анонимного анкетирования были опрошены 55 человек. Основная масса опрошенных иностранных студентов из Узбекистана — 41,7 %, Таджикистана — 25 %, Азербайджана — 19,4 %, студенты прибывшие из Туркменистана, Киргизии и Украины составляют 13,9 %.

Среди участников опроса 72,2 % — молодые люди и 27,8 % — девушки. Возрастные характеристики иностранных студентов первого курса представлены одной возрастной группой от 17 до 19 лет (80,6 %), а 19,4 % респондентов составляют возрастную категорию от 20–22 лет. По данным исследования основная часть иностранных студентов обучается на специальностях факультета социальных технологий, радиотехнического факультета, строительного факультета. Большинство студентов получили информацию о возможностях обучения в вузах РФ из официальных источников: от сотрудников Российских зарубежных центров — 25 %, из Министерства образования своей республики — 19,5 %, в Посольстве РФ — 2,8 %. Из СМИ (телевидение и газеты) — 13,9 %. Только 5,6 % указали неформальные каналы (информация от знакомых). На бюджетной основе

в МарГТУ обучаются 92 % респондентов. При этом половина (56 %) иностранных граждан имела возможность выбора ВУЗа, в котором они бы хотели обучаться. Многие респонденты даже не знали о существовании Республики Марий Эл, но их заинтересовали специальности МарГТУ, по которым они хотели бы получить образование. Два респондента указали, что они получили позитивные отзывы о ВУЗе от своих знакомых.

Данные опроса выявили определенные противоречия, касающиеся языковой компетентности иностранных студентов. Почти 2/3 иностранных студентов (61 %) полагают, что они достаточно хорошо владеют русским языком и еще 27,8 % считают, что их знания русского языка достаточны для общения и понимания. Только 28 % респондентов выразили желание заниматься на курсах по русскому языку. Хуже всего владеют русским языком студенты из Таджикистана. Половина из них хотели бы заниматься изучением русского языка. Около половины студентов из Азербайджана также нуждаются в таких занятиях. Из 15 человек, приехавших из Узбекистана, о своей готовности изучать русский язык заявил только 1 студент. По нашему мнению, студенты завышают свою оценку знания русского языка, о чем свидетельствуют их ответы на вопрос «Понятны ли вам объяснения преподавателей?». Подавляющее большинство респондентов выбрало ответ «кое-что успеваю понять и записать».

Абсолютное большинство иностранных студентов (80,5 %) считают себя верующими людьми. По конфессиональной принадлежности они распределяются следующим образом: ислам-61,1 %; христианство-25 %; буддизм — 13,9 %. Все респонденты, кто определил себя как верующего, отметили, что не испытывают проблем и трудностей, связанных с религиозной принадлежностью и удовлетворением религиозных потребностей.

Представлялось интересным выяснить, где в городе иностранные студенты предпочитают бывать, и в каких местах чувствуют себя комфортно, либо, наоборот стараются не бывать. Наиболее комфортными местами для их пребывания оказались ВУЗ и прилегающая к нему территория, где 64 % чувствуют себя в безопасности. Это связано и с тем, что работники близлежащих магазинов и учреждений привыкли к присутствию иностранных студентов, и воспринимают их адекватно. Большая часть опрошенных — 83,3 % заявили, что чаще всего окружающие относятся к ним доброжелательно, и конфликтных ситуаций не возникает. У 8 % иностранных студентов возникали конфликтные взаимодействия с населением города. При этом для проверки документов работники правоохранительных органов останавливали 16,7 % опрошенных. Таким образом, большинство студентов считают город Йошкар-Олу благоприятным для проживания и отмечают толерантное или доброжелательное отношение к ним со стороны других студентов и жителей города. Однако, при ответе на вопрос об актуальных проблемах, 28 % респондентов указали, что их волнует проблема личной безопасности. Условия опроса не позволили уточнить, чем обусловлена такая сравнительно высокая озабоченность личной безопасностью.

Респондентов попросили ответить на вопрос о проблемах бытового характера, с которыми они сталкиваются в общежитии и университете. Комфортабельное десятиэтажное общежитие, в котором проживают опрошенные респонденты, отвечает всем европейским стандартам. Практически все (97,3 %) удовлетворены

условиями проживания в общежитии. Однако студентами были выделены следующие проблемы:

- а) отсутствие условий для подготовки к занятиям — 36,1 %;
- б) частые поломки лифта — 28 %;
- в) загруженность комнат — 22 %.

Самый высокий процент неудовлетворенности студентов высказан по поводу отсутствия условий для подготовки к занятиям, в том числе отсутствия интернета. При этом 16 % студентов не довольны высокими ценами за проживание в общежитии.

В качестве проблем, которые волнуют иностранных студентов, были выделены следующие: высокие цены на продукты питания — 61 % и высокие цены в буфетах и столовых МарГТУ — 39 %. К этой же категории относится проблема организации общественного питания в МарГТУ («очереди большие, а времени мало», «во втором корпусе только буфет с пирожками», «в первом корпусе после трех часов (15.00) кушать нечего»). Каждый пятый респондент отметил недостаток контактов и связей с соотечественниками. Несколько опрошенных высказали пожелание расширить возможность доступа к интернету. Таким образом, 2/3 иностранных студентов оценивают стоимость жизни в Йошкар-Оле как высокую и видимо сталкиваются с финансовыми затруднениями.

Вопрос о посещаемости занятий у студентов затруднений не вызвал — почти 60 % ответили, что посещают все учебные занятия, 33 % пропускают некоторые занятия («по болезни», «либо если просыпают пары»). Это означает, что у иностранных студентов достаточно высокий уровень академической дисциплины.

Далее студенты ранжировали предметы, которые представляют для них наибольшую трудность в освоении. Предметы были выбраны из числа тех, которые преподают в 1 учебном семестре на различных специальностях (14 предметов). К разряду наиболее «трудных» для иностранных студентов можно отнести математику (47 %), математический анализ (31 %), физику и информатику (28 %). Чуть менее трудными они назвали начертательную геометрию и инженерную графику (22 %), концепцию современного естествознания (19 %) и историю (17 %). Иностранный язык, физическая культура и геодезия относятся к наименее проблемным предметам (менее 10 %).

В следующем вопросе мы попросили студентов оценить качество объяснения преподавателями своих предметов. Наиболее высоко были оценены объяснения по следующим предметам: иностранному языку (64 %), физической культуре (61 %), информатике (44 %) и истории (42 %). Наименее понятными для студентов оказались объяснения материала по математике, математическому анализу и концепциям современного анализа. Эти данные согласуются с ответами иностранных студентов на вопрос «Необходимы ли вам дополнительные занятия по школьным учебным предметам?». 36 % опрошенных выбрали дополнительные занятия по математике, 20 % занятия по физике и химии. Очевидно, что причинами низкой успеваемости являются как слабая школьная подготовка, так и недостаточное владение русским языком.

Уровень адаптации иностранных студентов зависит от таких факторов, как: академическая успеваемость, отношения с преподавателями и однокурсниками. По результатам опроса можно утверждать, что преподаватели стараются реализовать индивидуальный подход к каждому студенту. 69 % опрошенных сообщили, что преподаватели проводят для них дополнительные консультации.

Однокурсники также настроены доброжелательно к иностранным студентам. Две трети респондентов отметили, что они обращаются за помощью к однокурсникам в случае затруднений в учебе. Однако, каждый третий иностранный студент столкнулся с негативной реакцией и не получил поддержки.

Если сравнить результаты ответов студентов, прибывших из разных стран, то можно отметить, что лучше адаптировались представители Азербайджана. Они все отметили хорошее взаимопонимание с преподавателями и однокурсниками. Их меньше волнуют финансовые проблемы. Три человека хотели бы изучать русский язык. Из 15 человек, приехавших из Узбекистана, 10 человек хорошо адаптировались и наладили отношения с преподавателями и однокурсниками. По субъективным оценкам 14 человек хорошо владеют русским языком и не нуждаются в дополнительных занятиях. Значительные трудности в адаптации испытывают представители Таджикистана. Все опрошенные отметили наличие финансовых проблем, только половина из них отметили, что получают помощь от однокурсников и преподавателей. Также 5 человек нуждаются в занятиях по русскому языку.

Заметных различий в ответах студентов, обучающихся на различных факультетах, не выявлено. Только студенты, обучающиеся на факультете информатики и вычислительной техники, высказали больше отрицательных оценок по поводу своих отношений с преподавателями.

Последний вопрос анкеты был оставлен открытым, в котором студенты отразили свои пожелания по совершенствованию условий учебы и быта в университете. Недовольство студентов вызывает необходимость отработать на общественных работах 30 часов в год («мы приехали учиться, а не работать»), высокая плата за проживание в общежитии («очень дорого»). Например, в прошлом году стоимость общежития для иностранных студентов составляла 435 руб. в месяц, на данный момент стоимость общежития значительно уменьшилась и составляет для бюджетников 156 руб.

В ходе дополнительных вопросов в процессе анкетирования было выявлено наличие потенциального конфликта и скрытого напряжения между студентами, прибывшими из Узбекистана и Таджикистана с одной стороны и студентами, прибывшими из Азербайджана. Напряженность опрашиваемые пояснили тем, что студенты из Азербайджана проявляют грубость, неуважение и пытаются установить свои правила общения. Из проблем, связанных с учебой опрошенных высказали пожелания уменьшить требования к ним при изучении дисциплины «История Отечества» как представителям других государств. Многие студенты желают, чтобы больше поддержки и помощи им оказывалось со стороны преподавателей и кураторов студенческих групп. Очень приятно, что респонденты поблагодарили коменданта общежития, в котором они проживают за поддержку.

Кроме результатов анкетирования предлагаем интервью со студентами из стран ближнего и дальнего зарубежья. Своими впечатлениями о студенческой жизни делится **Кирилл Пак**, гражданин **Узбекистана**: «Признаться честно, не ожидал, что осень в Йошкар-Оле будет столь тёплой. Самым большим моим опасением были холода, которые, как меня пугают друзья-россияне, ещё настанут и будут беспощадны! Живём в новом общежитии, которое называется «Дом студента и аспиранта» и по своим условиям не уступает пятизвездочной гостинице! Я даже не ожидал, что всё будет настолько шикарно: электроплиты, новые холодильники,

отдельные санузлы на каждый жилой блок, т. е. на пять человек — не везде встретишь подобное. По рассказам моих родителей, которые жили в общежитиях в советское время, это просто Божий дар, что нас поселили в таких условиях! Есть в общежитии и прачечная, где можно недорого постирать и высушить вещи. К слову, постельное белье в общежитии меняется еженедельно. Мне нравится, что город уютный и небольшой — ведь это экономия денег на транспорт и неплохая зарядка для ног. Люди приятные, отзывчивые, не убегают от смуглого парня с узкими глазами, когда тот хочет спросить дорогу! Конечно, бывает и повышенное внимание: одни заинтересованы в том, чтобы пообщаться с иностранцем, так как моя внешность не предполагает никаких сомнений в ответе на вопрос «А ты местный?». Другие, к сожалению, испытывают лишь глупое желание посмотреть, чего стоит человек, а уж тем более иностранец...

В университете меня в первый же день окружили однокурсники и задавали настолько банальные и мелкие вопросы, что я ощутил себя экспонатом научной выставки. Но вскоре, когда ребята поняли, что я абсолютно такой же, как и все, летать не умею, толерантности стало ощущаться заметно больше. Сейчас я — такое же нормальное явление в городе, как пробка на дороге или пар изо рта. Меня многие знают и, если и не здороваются, то уже и не смотрят так пристально. Многие считают, что восточные люди очень горячие, темпераментные и импульсивные. Так, когда я пришел в свою группу, мне предложили проявлять свою активность в качестве старосты. Что ж, вроде получается, и неплохо!

Я не устаю восхищаться красотой, которую вижу из своего окна ежедневно! В отличие от Узбекистана, где основной достопримечательностью являются горы, в России я восхищаюсь бескрайними лесами. Я раньше и не видел таких красивых берёз, величественных стройных сосен. К сожалению, многие этого не замечают и не берегут... Повторюсь еще раз — я счастлив, что учусь в МарГТУ, являюсь старостой группы, стану востребованным специалистом в области строительства и получу российский диплом, котирующийся во многих странах мира. Я благодарен судьбе за такой подарок!»²

Девушки, обучающиеся на факультете социальных технологий, на специальности «Реклама» также поделились своими впечатлениями о жизни в Йошкар-Оле и учебе в МарГТУ.

Кристина Манякина, Узбекистан: «Какими неожиданностями полна жизнь! Радость нередко приходит тогда, когда у тебя опускаются руки, и ты попадаешь в полное отчаяние. Судьба как бы открывает свой главный козырь, чтобы одарить новыми впечатлениями! Именно так и произошло со мной. Зовут меня Кристина. Я приехала в Йошкар-Олу из солнечного Узбекистана, где всегда встречают гостей улыбкой, веселыми танцами и оригинальными угощениями. Живя в столице Узбекистана Ташкенте, я не предполагала, что окажусь здесь. Скажу честно, я даже не знала о существовании вашей республики. «Марий Эл» звучит очень поэтично и музыкально. Сразу же представляется образ тонкой высокой девы, гордой, но задорной. Именно такие ассоциации с республикой возникли у меня, когда я узнала, где буду учиться. Признаться, я не ожидала, что выиграю грант. Участников конкурса было много, все ребята очень способные, добросовестные, и казалось, что я недостаточно сильна, чтобы успешно сдать экзамены. Как велико было мое удивление, когда я узнала, что прошла конкурс и еду в Марий Эл. С огромным интересом и трепетом я стала собирать все необ-

ходимое. Настал день отлета, возросли волнение и страх перед совершенно новой жизнью вдали от родителей, двух замечательных подруг, от театра, где я работала и к которому привязалась. Слава Богу, ребят, прибывших в Йошкар-Олу из Узбекистана, много! Вместе не так страшно, вместе веселее и спокойнее. Самолет приземлился в Казани, где нас ожидала Светлана Александровна, методист центра международного сотрудничества. Она встретила нас приветливо, и это подбодрило нас. На новом месте необходимо было пройти ряд организационных процедур: собрать документы, пройти регистрацию, оформить медицинский полис. Но все эти моменты не мешали нам интересоваться Йошкар-Олой. Хотелось посетить все и сразу! За время проживания я успела посетить две выставки. Познакомиться с городом и адаптироваться к новой среде нам очень помогли волонтеры. Особенно мне понравилось гулять вдоль реки Кокшаги. У нас в Узбекистане не найдешь такого лиричного простора. Йошкар-Ола — небольшой город, и меня это радует. Он представляется мне теплым домиком, в котором живет большая семья. Здесь уютно, и люди такие же приветливые, как и в Ташкенте, как что порой ощущаешь себя дома.

Поразил меня и университет. Честно говоря, я до сих пор путаюсь в коридорах корпусов, но это меня не пугает. Это похоже на приключение, в котором ты ставишь себе цель — найти кабинет. Длинные коридоры, многочисленные студенты, спешащие преподаватели — как все это интересно! Конечно, студенческая жизнь сложна, я это ощущаю уже сейчас. Это естественно, поскольку мы вдали от дома, от старших должны стать самостоятельными, организованными, что не всем сразу дается.

Я довольна условиями проживания, по-моему, лучшего и быть не может. Надеюсь, что смогу учиться в МарГТУ до конца, и Йошкар-Ола каждый раз будет меня удивлять, но все зависит от меня самой. Самое главное — воля и желание учиться!»

Дарья Лебедева, Узбекистан: «Я живу в Республике Узбекистан, и теперь учусь в России, в Республике Марий Эл. «Ура! Я поступила!» — долго звучало у меня в голове. Этому радовалась не только я, но и близкие люди: родственники, друзья-однокурсники и просто знакомые. Об этом знала даже администрация моего колледжа! Перед отъездом я всю ночь не спала. Да и как тут уснешь? Надо со всеми попрощаться, ведь я еще не скоро всех увижу. Так грустно...

Нас встретил солнечный, красивый город и очень дружелюбные люди — работники 9-го общежития. Я даже представить не могла, что буду жить в таких условиях! Любой студент из Узбекистана может мне позавидовать! МарГТУ, наверное, лучший университет, в какой только можно поступить!»

Айтадж Мамедова, Азербайджан: «Я родом из Азербайджана. Всегда мечтала учиться в университете... и вот моя мечта сбылась! Когда я узнала, что поступила в МарГТУ, моему счастью не было границ. Родные и близкие, друзья и знакомые, все поздравляли и радовались, и это было безумно приятно! Я точно знаю, что мои родители гордятся мной. Гордятся тем, что я получаю образование в российском вузе. А то, что поступила в университет не одна, а вместе с братом, явилось еще большим счастьем для нашей семьи. Единственное, что огорчало, это расставание с моими близкими и друзьями, жаль было покидать свою родину.

Йошкар-Ола понравилась мне тем, что это маленький, красивый и уютный город, здесь живут добрые, приятные во всех отношениях люди. Мне очень

нравится учиться в МарГТУ: у нас прекрасные, высококвалифицированные преподаватели, и обучение проходит на высоком уровне. Жить здесь хорошо, студенты, проживающие в общежитии, общительны и приветливы. Я очень довольна и благодарна возможности получать образование в МарГТУ, поскольку знаю, что окончив его, стану хорошим и востребованным специалистом!³

Итак, анализ результатов анкетного опроса и интервью респондентов позволяет обратить внимание ректората, деканатов и студгородка на выявленные проблемы адаптации иностранных граждан в МарГТУ и попытаться найти варианты их решения. Адаптацию следует рассматривать как комплексную педагогическую программу, успешность которой определяется множественными критериями, позволяющими улучшить качество обучения иностранных студентов и достигнуть наилучших академических результатов.

Примечания

¹ См.: *Сергеева Л.* Россия занимает девятое место среди стран, любящих иностранных студентов // Деловой Петербург. 2010. 12 окт.

² Иностраный десант в МарГТУ // Инженер. 2010. № 32–41. 1 нояб.

³ Нам здесь нравится // Инженер. 2010. № 44–45. 1 дек.

А.Н. Тарасова

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

Состояние российской экономики поставило перед системой высшего образования ряд проблем, от решения которых зависит прогресс и развитие общества. Высшие учебные заведения больше не являются исключительно центрами передачи профессиональных знаний и навыков, на них возлагается новая функция — формирование человеческого капитала. Образовательные учреждения должны являться центрами развития территории, во многом предопределяя формирование внешней среды. Формирование экономики инновационного типа, т. е. экономики, основанной на достижениях науки, является приоритетным направлением территориального развития.

Современная экономика — экономика знаний, где на профессии с преобладанием интеллектуального труда приходится основной прирост занятости: 85% — в США, 89% — в Великобритании, 90% — в Японии. Экономика знаний стала главной характеристикой всех социально и экономически лидирующих стран¹. Рабочая сила превратилась из преимущественно промышленной в «информационную рабочую силу». В 1960-е годы США за 10 лет удвоили выпуск специалистов в области науки и техники, а в период с 1965 по 1985 годы увеличили выпуск специалистов в области вычислительной техники в 10 раз.

В Республике Марий Эл на сегодняшний день образовательные услуги предоставляют как государственные, так и негосударственные (коммерческие) учреждения высшего профессионального образования. Лишь немногие из них выстраивают свою стратегию таким образом, чтобы создать условия для интеграции в международную образовательную среду, а также для коммерциализации разработок и образовательных продуктов в различных секторах экономики.

Поволжский государственный технологический университет ставит задачей выполнение основных положений Болонской декларации и предусматривает профессиональную подготовку студентов в соответствии с требованиями единого образовательного пространства. В этой связи развитие международного сотрудничества в области образования заслуживает особого внимания.

На институциональном уровне ключевые задачи управления международного сотрудничества определяются следующим образом:

- разработка стратегии международной деятельности;
- определение совместно с учебными подразделениями приоритетных направлений развития международных связей с конкретными странами и международными образовательными учреждениями, формирование на их основе международных программ и проектов сотрудничества;
- обеспечение академической мобильности студентов и научно-педагогических кадров;
- координация деятельности подразделений университета по выполнению международных программ и соглашений;
- привлечение международных грантов и инвестиций;
- мониторинг реализации основных направлений международного сотрудничества;
- организация приема иностранных делегаций и содействие выезду за рубеж по служебным командировкам в рамках реализации международных академических и научных контактов сотрудников, аспирантов, студентов университета;
- приближение содержания учебного процесса в университете к принципам Болонских соглашений;
- взаимодействие с международными службами Министерства образования и науки РФ.

Многолетний опыт международного сотрудничества в области науки и образования в предопределил следующие основные формы: поддержка совместных проектов с участием ученых из Российской Федерации и стран-партнеров; содействие предоставлению научного оборудования, необходимого для совместных исследований; поддержка участия ученых, специалистов и другого персонала в семинарах, симпозиумах, рабочих совещаниях, конференциях, направления стипендиатов, осуществляемых в рамках академической мобильности; обмен информацией, относящейся к совместной деятельности.

Соответственно международное сотрудничество реализуется в таких видах деятельности как: 1) участие российских организаций в проектах мирового сообщества; 2) свободный доступ и совместное использование исследовательского оборудования; 3) визиты и обмен научными, техническими и другими имеющими отношение к данному направлению кадрами; 4) использование информации о практике, законах, правилах и программах, относящихся к международному сотрудничеству.

Международная деятельность, интенсивно развивающаяся в Поволжском государственном технологическом университете, легла в основу концепции программы стратегического развития вуза и включает следующие приоритетные направления:

- участие в программах двустороннего обмена студентами, аспирантами, педагогическими и научными работниками;

- проведение совместных фундаментальных и прикладных научных исследований;
- проведение и участие в международных совещаниях, семинарах, конгрессах, конференциях, симпозиумах.

За последние годы в области международного сотрудничества достигнуты определенные результаты, главными из которых являются международное признание деятельности университета, повышение научного потенциала профессорско-преподавательского состава и улучшение качества подготовки бакалавров, магистров. Начиная с 2007 по 2011 годы число сотрудников, выехавших на краткосрочную стажировку, либо участвовавших в научной работе и конференциях в зарубежных вузах и организациях выросло почти в два раза: с 23 до 55 человек.

Для реализации программ академического обмена были привлечены средства из различных источников, включая такие фонды как Германская служба академических обменов, программа образовательных грантов Фулбрайта, программа Европейского Союза «Темпус», Американский совет по международным исследованиям и обмену (АЙРЕКС), программа Эдмунда Маски; кроме того привлекались средства бизнес структур. Основным эффектом участия в программах академического обмена стал прирост научного знания ПГТУ.

Особого внимания заслуживает проведение совместных фундаментальных и прикладных научных исследований, что подтверждено участием ПГТУ в международном проекте «Тренинг, расширение международного сотрудничества и развитие потенциала для устойчивого лесопользования в Поволжье», реализованного при поддержке программы TEMPUS Европейской Комиссии по образованию и культуре. Расширенный консорциум насчитывал 6 ведущих европейских вузов, включая: университет Хельсинки (Финляндия), БОКУ (Австрия), Дрезденский технический университет (Германия), университет Падуа (Италия) и Салоники (Греция), а также консалтинговую компанию Woodscape (Дания). География российской стороны была гораздо обширнее и включала не только высшие учебные заведения региона, но и Министерство лесного хозяйства РМЭ, Национальный парк «Чуваш варнаме» (Республика Чувашия), ряд лесничеств Республики Марий Эл, Чуваши, Татарстан, Мордовия, Нижегородской, Кировской и Ярославской областей. За три года реализации проекта было проведено 7 международных конференция и образовательных семинаров на базе вуза с привлечением к участию иностранных специалистов. Всего за время существования проекта курсы переподготовки при институте дополнительного профессионального образования прошли более 250 человек.

Результатом проекта стало развитие институциональных изменений и возможностей в лесной отрасли Приволжского Федерального округа. Основные мероприятия проекта были сосредоточены на развитие условий, методического обеспечения, инфраструктуры и повышению квалификации сотрудников лесохозяйственных предприятий Республики Марий Эл и иных республик, областей региона в сотрудничестве и при экспертной поддержке организаций консорциума Европейского Союза. Значительная часть проекта была посвящена развитию сообщества лесных специалистов региона, для которого был разработан ряд новых курсов, класс видеоконференций, учебные пособия, электронные ресурсов и что позволило продолжить развивать идеи проекта после его окончания. Положительный опыт реализации программы Темпус позволил ПГТУ стать по итогам

конкурса ведущим исполнителем Совместного Европейского проекта «Рамка квалификации и непрерывное обучение для устойчивого лесопользования». В консорциум проекта входит 16 вузов и организаций из России и 6 стран ЕС. Содержание проекта — гармонизация российских и европейских образовательных стандартов в области подготовки бакалавров и магистров лесного дела. Участие в проектах принесло ПГТУ только за период с 2008 по 2011 годы прибыль на сумму 7 млн рублей. Таким образом, расширение международной деятельности ПГТУ в области науки и образования способствует повышению признания сотрудников и роли вуза, как объекта экономической деятельности.

Рост конкурентоспособности и качества образовательных услуг дают возможность реализации международных научных исследований и образовательных программ, обеспечивающих успешность процессов интеграции технического образования в европейское и мировое образовательное пространство и создания условий для формирования новой экономики Республики Марий Эл, где интеллект, информация, знания становятся важнейшим активом экономики.

Примечания

¹ Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: Учебное пособие / Под общей редакцией проф. В.П. Колесова (экономический факультет МГУ). 2-е издание, дополненное и переработанное. М.: Права человека, 2008; *Kefela G.T.* Knowledge-based economy and society has become a vital commodity to countries // *International NGO Journal*. 2010. Vol. 5(7). P. 160–166; *Weber A.S.* The role of education in knowledge economies in developing countries // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 15. P. 2589–2594.

С.И. Акжиева

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Значительные миграционные процессы отмечены в республиках Северного Кавказа в последние два десятилетия. Миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа (особенно существенный для Чечни — порядка 250 тыс. чел.) и его минусовой естественный прирост значительно сократили в рассматриваемый период численность русских в республиках региона: по официальным данным — на 364 тыс. человек или на 27 % — с 1360 тыс. до 996 тыс. чел. (см. табл. 1).

Следует отметить, что в миграционные процессы вовлечены все этнические группы Северного Кавказа, но у одних групп эти процессы происходят в количественно больших, у других меньших масштабах.

Удельный вес русских в численности населения республик региона сократился с 1989 по 2002 год с 26 до 12–15 %. За этот же период численность титульного населения северокавказских республик увеличилась на 51 %, или на 1784 тыс. чел. (с 3516 тыс. до почти 5300 тыс.), а их удельный вес в численности населения вырос с 66 до 80 %.

По данным переписей населения 1989 и 2002 годов, сокращение численности русских в городском населении Кабардино-Балкарии составило 10 %.

Говоря о сокращении численности русского городского населения в КБР необходимо отметить, что более всего оно происходит в столице.

Таблица 1

**Динамика численности населения республик Северного Кавказа
(1989–2002 гг.), тыс. чел.**

	1989 г., перепись	Прирост населения за 1989–2002 гг.			2002 г., перепись	2002 г. в % к 1989 г.	Доля населения, %	
		ОПН*	в том числе:				1989 г.	2002 г.
			ЕПН*	МПН*				
Все республики:	5 305	1340	750	590	6 645	125	100	100
титульное население	3516	1784	810	974	5 300	151	66	80
русские	1360	-364	-85	-279	996	73	26	15
др. нац-ти	429	-80	25	-105	349	81	8	5
Адыгея:	432	15	-17	32	447	103	100	100
адыгейцы	95	13	5	8	108	114	22	24
русские	294	-5	-19	14	289	98	68	65
др. нац-ти	43	7	-3	10	50,0	116	10	11
Дагестан:	1 802	774	415	359	2 576	143	100	100
титульное население	1 444	785	385	400	2 229	154	80	86
русские	166	-45	-10	-35	121	73	9	5
др. нац-ти	192	34	40	-6	226	118	11	9
Ингушетия:	187	281	83	198	468	250	100	100
ингуши	139	223	70	153	362	260	75	78
русские	25	-19	-2	-17	6	24	13	1
чеченцы	19	76	14	62	95	в 5 раз	10	20
др. нац-ти	4	1	1	0	5	125	2	1
Кабардино-Балкария:	753	148	51	97	901	120	100	100
титульное население	434	169	64	105	603	139	58	67
русские	241	-14	-12	-2	227	94	32	25
др. нац-ти	78	-7	-1	-6	71	91	10	8
Карачаево-Черкесия:	415	24	20	4,0	439	106	100	100
титульное население	170	49	24	25	219	129	41	50
русские	176	-28	-10	-18	148	84	42	34
др. нац-ти	69	3	6	-3	72	104	17	16
Сев. Осетия:	632	78	13	65	710	112	100	100
осетины	335	110	19	91	445	133	53	63
русские	189	-24	-12	-12	165	87	30	23
др. нац-ти	108	-8	6	-14	100	93	17	14
Чечня:	1 084	20	185	-165	1104	102	100	100
чеченцы	716	316	195	121	1032	144	66	93
русские	269	-229	-20	-209	40	15	25	4
др. нац-ти	99	-67	10	-77,0	32	32	9	3

* ОПН — общий прирост населения, ЕПН — естественный прирост населения, МПН — миграционный прирост населения.

Вместе с тем в указанные годы произошло некоторое увеличение численности русского сельского населения — в основном за счет миграционного притока.

Основная часть русских, уезжающих из северокавказских республик, выбирает новым местом жительства (иногда транзитной территорией) соседние «русские» субъекты Северного Кавказа — Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область. Так, например, миграционный отток населения из Кабардино-Балкарии в указанные субъекты региона, составил в период 1989–2002 годов соответственно 84 % численности всего миграционного оттока населения республики в другие субъекты России. Следующим по привлекательности регионом для уезжающего из северокавказских республик русского населения является Центральный федеральный округ (г. Москва и Московская область) и Северо-Западный округ (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область).

Миграционный отток населения из Северо-Кавказских республик в указанные субъекты страны составил в 1989–2002 годы порядка 25–28 % всего миграционного оттока населения из этих республик.

Несмотря на миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа, русские продолжают оставаться основной производительной силой в экономике этих республик, прежде всего в ее индустриальных отраслях.

В 2007 году Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН провел социологический опрос русского населения в гг. Нальчике, Прохладном и Майском, а также в селах Майского и Прохладненского районов. Всего было опрошено около 500 человек. Одной из целей исследования было выяснение миграционных установок опрашиваемого населения и причины их обуславливающие.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют, что удельный вес респондентов, собирающихся (желающих) уехать из КБР составляет от 20 до 24 %. Более всего настроена на отъезд молодежь в возрасте 18–24 года. За ними следуют молодые люди в возрасте 25–29 лет. В более старших возрастных группах доля желающих покинуть республику существенно снижается.

Результаты проведенных опросов свидетельствуют об отсутствии в миграционных установках опрошенного русского населения заметных гендерных различий. В то же время выявляются различия в миграционных настроениях жителей городов и сельских поселений. Так, среди жителей городов выше доля желающих уехать из республики. Среди опрошенных горожан их доля распределилась следующим образом: 24 % — в г. Нальчике, 24 % — в Прохладном и 20 % в Майском. В то же время среди сельчан доля тех, кто хочет выехать из республики составляет 27 % (Майский район) и 17 % (Прохладненский район). Следует подчеркнуть, что такие миграционные установки жителей КБР всего лишь демонстрация желаний, а не принятое и реализуемое решение. Доля тех, кто настроен

в ближайшие годы покинуть республику составляет среди опрошенных столичных жителей — 7 %, среди жителей г. Майского — 9 %, и всего — 4 % среди тех, кто живет в г. Прохладном. Между горожанами и селянами, кто намерен покинуть республику нет существенных различий, вместе с тем, на в скором времени собираются уехать из сел Майского района — 5 % опрошенных, а из Прохладненского района — 7 %.

Среди основных причин отъезда из Кабардино-Балкарии опрошенное население указало следующие (см. табл. 2):

Таблица 2

Причины миграции русского населения из республики*

№	Ответы	Городское население			Сельское население	
		Наль- чик	Про- хладный	Май- ский	Прохл.рай- он	Майский район
1	Экономические причины (низкая заработная плата, низкий уровень жизни)	38	39	76	50	65
2	Сложные межэтнические отношения, нет будущего для детей	20	13	20	13	5
3	Безработица (особенно для молодежи)	59	87	76	58	57
4	другое	4		2	1	2

* Несколько вариантов ответов — сумма более 100 %.

Экономические причины — низкий уровень жизни, низкая заработная плата — для значительной части населения (особенно сельского) являются основными факторами, побуждающими население искать лучшей доли и увеличивают долю желающих уехать из республики. Наиболее значительным в миграционных установках экономической фактор оказывается для жителей малых городов, что видим на примере г. Майского. Процессы трансформации наиболее болезненно проходят в малых городах, жители которых имеют меньше возможностей для адаптации, что наиболее четко проявляется на фоне столицы республики и промышленно развитого города — Прохладный. Вместе с тем факторы политического характера оказывают большее значение на столичных жителей и жителей г. Майского.

Невозможность в силу ряда причин конкурировать с титульными этносами в условиях новых, рыночных отношений, слабая представленность во властных структурах и престижных сферах занятости, отсутствие перспектив социального роста и улучшения материального благосостояния также является важным фактором, влияющим на миграционные настроения русских и на их желание покинуть республику. О неблагополучии в этой сфере свидетельствуют и данные опроса. Так, если среди сельских жителей доля тех, кто считает, что люди разных национальностей имеют равные возможности продвинуться по службе, составляют от 61 % (Майский район) до 52 % (Прохладненский район), то среди городских жителей доля таковых существенно ниже: 51 % — среди жителей г. Прохладного, 34 % среди столичных жителей, а среди майчан — 30 %. А среди тех респондентов, кто убежден, что все жители республики независимо от национальной принадлежности имеют равные возможности занять руководящую должность, меньше всего жителей столицы — 32 %, за ними следуют жители депрессивного города Майского — 35 %, тогда как в г. Прохладном доля с респондентов с таким мнением составляет около половины опрошенных (46 %). В сельской местности, где этническая однородность населения выше, уровень этнической конкуренции за должности ниже, соответственно выше доля убежденных на равные возможности. Так, среди опрошенных в Прохладненском районе доля таковых 52 %, а в Майском — 58 %.

Вопреки устоявшемуся мнению, что сферу предпринимательства русское население рассматривает как менее для них доступную, данные опроса свидетельствуют об обратном (см. табл. 3):

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, имеют ли люди разных национальностей
равные возможности заняться предпринимательством», %?**

	Ответ	Наль- чик	Про- хладный	Майский	Прохл. район	Майский район
		%	%	%	%	%
1	Возможности равны	45	51	46	62	65
2	У русских возможности выше	1	0	0	1	2
3	У кабардинцев возможности выше	18	22	6	11	13
4	У балкарцев возможности выше	3	0	0	1	0
5	Затрудняюсь ответить	33	27	48	25	21

Перестройка сознания человека происходит довольно медленно, но год за годом иждивенческие настроения в обществе постепенно уступают место активной деятельности его членов по переустройству собственной жизни и жизни общества. Как показали наши опросы, иждивенческие настроения среди русского населения еще довольно сильны, но перемены в этой сфере намечаются. И в этой связи значительный интерес представляют ответы на вопрос о том, что может быть важным для успешного развития русских в КБР (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы считаете, что может быть важным для успешного развития Вашего народа
в КБР?»**, %**

№	Ответ	Городское население			Сельское население	
		Нальчик	Прохладный	Майский	Прохладненский район	Майский район
1	Надо, чтобы в органах власти было больше людей моей национальности	15	20	11	15	26
2	Умение приспосабливаться к новым рыночным условиям	47	48	33	39	42
3	Умение приспосабливаться к современной межнациональной ситуации	16	7	35	17	10
4	Умение адаптироваться в новых политических условиях	8	11	17	17	8
5	Другое	7	6	0	8	3
6	Затрудняюсь ответить	10	12	19	7	13

** Несколько вариантов ответов — сумма более 100 %.

Большая часть населения осознает, что активная жизненная позиция может способствовать успешному развитию каждого человека и народов республики. Как показывают данные опроса, близкие позиции в данном вопросе занимают жители столицы и промышленно развитого г. Прохладного, высокая активность отмечается и у жителей сел. Вместе с тем, значительная часть жителей малого города (Майского) все еще остается на иждивенческих позициях. Высокая доля опрошенных полагает, что улучшение жизни зависит от внешних факторов, в том числе от властей, а потому для успешного развития русского населения КБР, необходимо большее присутствие «своих» представителей в органах власти.

Материалы исследования дают возможность показать отношение населения, как к федеральной, так и республиканской власти, ее социальной, экономической и социальной политике. Во многом мнения горожан и сельских жителей Кабардино-Балкарии на деятельность федеральных и региональных властей совпадают. Вместе с тем, опрошенное население не очень высоко оценивает роль властных структур республики и федерального центра в решении проблем русского населения (см. табл. 5).

Таблица 5

**Роль федерального центра, властных структур республик
в решении проблем русского населения**

№	Ответ	Роль в решении проблем русского населения, %					
		республиканской власти		Представительства полномочного Представителя Президента РФ в ЮФО		федерального центра	
		2007 г.		2007 г.		2007 г.	
		городское население*	сельское население**	городское население	сельское население.	городское население	сельское население
1	Очень значительна	20-24-24	25-32	7-15-17	12-19	20-28-20	14-26
2	Скорее значительна, чем нет	22-28-24	25-23	17-29-28	23-20	25-24-20	27-27
3	Скорее незначительна, чем значительна	26-13-4	17-19	27-15-7	13-13	26-11-11	11-13
4	Совсем незначительна	14-14-4	14-5	17-16-7	14-6	10-20-9	13-13
5	Затруднились ответить	19-21-44	30-21	32-24-41	38-32	20-18-39	35-21

Данные даны в разрезе: городов Нальчик – Прохладный – Майский, районов Прохладненский – Майский.

Роль властных структур в решении проблем русского населения, по мнению опрошенных, не эффективна из-за отсутствия комплексного, всестороннего анализа экономической, демографической, социальной ситуации, разобщенности деятельности различных структур при решении тех или иных вопросов, а также

отсутствия проработанных, долгосрочных и серьезных и программ по решению этнических проблем в республиках Северного Кавказа.

Основные факторы, определяющие миграционный отток русского населения из Кабардино-Балкарской республики:

1. Причины социально-экономического и этнополитического характера. К причинам социально-экономического характера необходимо отнести, в первую очередь то, что к концу 60-х-началу 70-х годов XX века была создана материально-техническая база Кабардино-Балкарской республики, для строительства и эксплуатации которой в довоенные и послевоенные годы (особенно в 50-ые и начале 60-х годов) привлекались специалисты и квалифицированные рабочие из «русских» регионов России. Одновременно шла подготовка квалифицированных рабочих и специалистов из числа титульных национальностей. С одной стороны, это сняло в определенной мере потребность Кабардино-Балкарской республики в привлечении квалифицированной рабочей силы из «русских» регионов страны, с другой — привело к конкуренции на рынке труда, особенно в престижных сферах занятости. Естественно, что в этой конкуренции повсеместно «стали выигрывать» национальные кадры получения высшего и среднего специального образования.

2. Изменение этнических пропорций в северокавказских республиках, особенно в городах, в пользу населения титульных этносов привело и ведет к дальнейшему изменению этнокультурного пространства, в котором представители нетитульных этносов начинают чувствовать определенный дискомфорт.

3. Отсутствие в КБР программ по сокращению миграционного оттока русскоязычного населения.

4. Проблемы получения русским населением республики высшего образования в вузах республики. Как свидетельствуют данные о национальном составе студентов высших учебных заведений КБР, представленность русских очень низка. Этот фактор также является важным показателем миграционных установок русской молодежи, которые не рассматривают учебу в вузах республики как приоритетную задачу в получении высшего образования и специальности.

Сразу же отметим, что причина слабой представленности русских в численности студентов в вузах КБР кроется не в национальной политике руководства высших учебных заведений республики, не в сознательной политике дискриминации русских в сфере получения высшего образования. Русская молодежь изначально делает ставку на получение высшего образования за пределами республики в вузах центральных городов России, а также в вузах Ростова, Ставрополя, Краснодар, чтобы иметь больше шансов для трудоустройства и конкуренции на рынке труда.

5. Отток русских и населения других (в том числе и титульных этносов) из КБР свидетельствует о целом ряде негативных процессов в сфере экономики, а также об уровне демократических реформ в КБР.

Как показали данные опроса русского населения КБР, факторы экономического характера (низкий уровень зарплат, низкий уровень жизни), безработица являются не единственной, а одной из основных причин миграционного оттока русского населения. Второй причиной миграционного оттока русских из республики является то, что определенная часть населения не видит перспектив в развитии региона Северного Кавказа в ближайшие годы, что связано с общей нестабильной ситуацией на Юге России (нерешенность Чеченской проблемы).

Необходимо особо отметить, что, несмотря на определенные успехи руководства Кабардино-Балкарии в оздоровлении социально-экономической и этнополитической ситуации, республика перестала быть привлекательной и для определенной части титульного населения, особенно ее молодежи. Уезжающая на учебу за пределы Кабардино-Балкарии молодежь, в большинстве случаев уже не возвращается в республику. На выезд из Кабардино-Балкарии в поисках наиболее приемлемых условий работы нацелена и наиболее перспективная часть молодежи, окончившей высшие учебные заведения в республике.

6. Низкий уровень самоорганизации и консолидированности русских является важной проблемой в жизни русского населения Кабардино-Балкарской республики.

Определение действенной миграционной политики, способной если не прекратить, то хотя бы уменьшить масштабы вынужденной миграции русских из Кабардино-Балкарии и тем самым устранить вероятность ее негативных последствий, невозможно без пристального внимания к ней всех органов власти — от федеральной до местной. Необходимы не декларативные заявления и разовые кампании, а разработка специальной комплексной программы, направленной на совершенствование межнациональных отношений, а через нее и стабилизацию этнополитической ситуации в регионе.

А.В. Маслихин

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Нации и национальные отношения являются объектом изучения многих гуманитарных наук. Социальная философия формирует методологию познания национальных отношений. Этнология фиксирует состояние многонациональной картины мира. Социология раскрывает национальные отношения на уровне социальной действительности. Конфликтология анализирует причины и последствия конфликтов на национальной почве. Отдельные аспекты национальных отношений являются объектом исследования исторических, юридических и других гуманитарных наук.

Предметом нашего исследования являются национальные отношения. Для всестороннего их изучения необходимо соблюсти два непереносимых условия, вытекающих из изучаемого объекта: 1) знание конкретных фактов из жизни наций и народностей и 2) знание роли методологических и теоретических положений, касающихся становления и развития наций и национальных отношений вообще.

Чтобы понять содержание и формы национальных отношений, необходимо выяснить, что является их основным субъектом. Таким субъектом, на наш взгляд, выступает нация.

Нация — это главная категория в структуре социально-этнических общностей, — от нее исходят все другие категории данного ряда — национальные отношения, социальное и этническое, национальные группы и т. д. В конечном итоге, именно она олицетворяет собой общие черты и общие законы становления и развития народов.

Зарождение наций было обусловлено такими социально-экономическими процессами, как концентрация собственности и углубление обмена, развитие экономических связей, возникновение общего рынка и промышленных центров. Нация возникла как результат политической и экономической централизации на базе буржуазных общественных отношений. Итак, нация — это продукт становления капитализма.

В современной литературе, посвященной нациям, в основном отмечается четыре признака нации: общность экономической жизни, территории, языка и культуры. Дадим следующее определение нации. Нация — это исторически сложившаяся социально-этническая общность людей, которая связана общей экономической

жизнью, общей территорией, общим языком, общей культурой. Только совокупность всех этих признаков (черт) дает нам понятие «нация».

Каждый из перечисленных признаков имеет громадное значение для жизни, функционирования и развития нации. Так, общность экономической жизни является одним из главных признаков, образующих нацию. Без него невозможно формирование и существование нации. Это и понятно. Ибо в данной сфере создаются, распределяются и потребляются все материальные блага, без которых ни люди, ни нации, ни общество в целом существовать и развиваться не могут.

В жизни и развитии нации важную роль играет территория. Каждая нация имеет свою территорию. В истории, как известно, велось множество несправедливых войн по захвату чужих территорий и справедливых войн по их защите. В то же время следует отметить, что территория сама по себе, вне экономических и языковых факторов, не может привести к возникновению нации. Дело не в территории, а в общественных отношениях, которые складываются на данной территории. Так, на одной и той же территории России развивались славянские племена, древнерусская народность; русская капиталистическая и социалистическая нации.

Некоторые специалисты советского времени считали необходимым дополнить нацию и другими признаками, например, наличием национальной государственности, характером, традициями и т. д. Некоторые из них имеют место в нации, но они не могут быть ее главными признаками.

Со своей стороны, мы хотели бы предложить свои дополнения к основным признакам нации. Первым предложением может быть следующее: человек, как главная «часть» нации, или, как главный ее признак. С введением данного признака понимание содержания нации будет более логичным и ясным. Раз общество состоит из двух главных частей: 1) людей и 2) общественных отношений, то аналогично происходит и на уровне нации — все ее признаки наполняются человеческим содержанием. Так, экономическая жизнь нации возможна только при наличии людей, ибо они создают и материальные блага, и от них исходят все экономические связи и отношения. Да и территория нации не может быть «пустой», — ее так или иначе обживают люди. Человек является носителем не только разговорного языка, но и литературного. Он же, человек, выступает создателем как материальной, так и духовной культуры. Отсюда вывод: без человека, без людей нет и нации.

По нашему мнению, определение нации нуждается в дополнении и таким существенным признаком, как социально-классовая структура. Для обоснования нашего предложения приведём соответствующие доводы. Во-первых, каждая нация имеет свою социально-классовую структуру. Во-вторых, включение в определение нации социально-классовой структуры даёт возможность рассматривать её как социально-этническую общность, состоящую из двух неразрывно связанных сторон: социальной и этнической. Социальная сторона нации имеет сложную структуру (в неё входят классы, социальные группы, коллективы людей и т. д., а также их отношения). К этнической стороне относятся: территория, язык, национальная психология, традиции, обычаи, обряды. Социальная сторона характеризует сущность нации, ее тип, а этническая — ее форму, национальность, ее «лицо». В обыденной жизни можно встретить факты, когда под нацией понимают только этническую сторону — язык, культуру, обычаи и т. д. Такое

понимание нации является односторонним, неполным, а, следовательно, неверным. В действительности же нация может существовать и развиваться только при наличии и социальной и этнической сторон. Обе стороны нации — социальная и этническая — вместе составляют национальное. Попутно отметим, национальное нельзя смешивать с национализмом — это не одно и то же. Национальное содержит каждая нация, оно объективно и необходимо.

На нашей планете проживает свыше 2 тыс. народов — начиная от небольших племен и вплоть до многомиллионных наций. Наций и народностей на Земле намного больше, чем государств. Организация Объединенных Наций признает наличие в современном мире 193 государств. Поэтому практически все государства являются многонациональными. Например, современная Россия — это многонациональное государство, объединяющее свыше 100 народов.

Научное управление национальными процессами предполагает необходимость всестороннего учета национальных особенностей, национальной специфики народов (культурных, языковых и т. д.). Ибо их игнорирование может приводить к различным конфликтным ситуациям, сепаратистским движениям — этому учит как прошлая история, так и современная. Правильная же, научно обоснованная национальная политика, способствует прогрессивному развитию народов, их сплочению, укреплению единства многонационального государства. Следует особо подчеркнуть: негативные национальные проблемы в общественной жизни возникают не по вине самих народов, а по вине националистов-экстремистов, или государственных руководителей, несвоевременно разрешающих национальные проблемы.

Субъектами национальных отношений являются прежде всего нации, затем народности, племена; национальные, этнические, этнографические группы, личности.

Современные национальные отношения подразделяют на три формы — межнациональные, внутринациональные и межличностные. Каждая из них имеет свои отличительные особенности, масштаб, уровни и значимость. «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение... Но не только отношение одной нации к другим, но и вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения»¹.

В отечественной философской литературе, посвященной нациям и национальным отношениям, следует выделить три исторических этапа исследований. В XIX веке преобладающий интерес вызывало изучение внутринациональных отношений, поскольку государствообразующим в Российской империи был русский народ и от процессов, происходящих в нем, зависела судьба Отечества. В XX веке ученые-гуманитарии обратились к изучению межнациональных отношений. Как известно, советская власть способствовала образованию СССР — союза равноправных народов. На научном уровне важно было не только осмыслить, но и предложить разнообразные решения для реализации социально-экономических, идейно-политических и духовных основ жизни народов, проживавших на одной шестой части земной суши. С конца XX века внимание исследователей привлекли межличностные отношения представителей различных наций. Важность их исследования была обусловлена распадом СССР, созданием СНГ, где ярко проявился личностный фактор (роль М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина

и их «окружения» в распаде СССР), активным участием в последующем федеративном строительстве государственных чиновников и местных элит.

В современном мире наиболее масштабны и значимы межнациональные отношения. Все народы живут и развиваются в межнациональных отношениях. Глобализация общественной жизни увеличивает взаимодействия народов по всем линиям. На одних и тех же муниципальных территориях селятся и проживают представители десятков наций и народностей.

Большое внимание межнациональным отношениям уделялось в СССР. Во второй половине XX века опубликованы ряд крупных исследований по теории наций и межнациональных отношений. Самыми значимыми из них являются труды Ю.В. Бромлея, Т.Ю. Бурмистровой, М.С. Джунусова, С.Т. Калтахяна, М.И. Куличенко, П.М. Рогачева, М.А. Свердлина, А.П. Серцовой, Э.В. Тадевосяна и многих других.

Главными субъектами межнациональных отношений, как сказано выше, являются нации; сферами же их проявления выступают — экономика, политика, социальная и духовная жизнь народов. Межнациональные отношения существуют на макроуровне — между нациями-государствами, в границах многонационального государства или региона. По своему содержанию межнациональные отношения бывают различными: нормальными, дружескими, антагонистическими.

Дружеские и нормальные межнациональные отношения способствуют взаимодействию и использованию всех достижений других наций и народностей. В условиях социальных и природных катаклизмов нормальные межнациональные отношения позволяют рассчитывать пострадавшим народам на всестороннюю помощь — материалами, кадрами, финансами, поддержкой общественного мнения.

Конфликтные межнациональные отношения обусловлены «правом» господствующих наций угнетать и подавлять национальные меньшинства. Начиная с эпохи рабства, вся история человечества связана с эксплуатацией и угнетением народов, ущемлением национального суверенитета, войнами и конфликтами на национальной почве. Например, в основе становления американской нации находился принцип подавления отсталых народов Северной Америки. Переселенцы из Западной Европы истребили миллионы индейцев, загнали их в резервации, лишают по сей день возможности полноценно развиваться. Противоречия в межнациональных отношениях в США определяются напряженными контактами белого населения с афроамериканцами, выходцами из Азии, латиноамериканцами. Подобные отношения таят в себе угрозу конфликтов на расовой, национальной и социальной почве.

В конце XX – начале XXI веков США и его союзники по НАТО развязали агрессивные войны против народов Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии. На уровне международных отношений подобные действия отражают империалистическую политику западных государств.

Российская Федерация на современном этапе переживает период сложных процессов на уровне межнациональных отношений. С одной стороны, объективно возникают противоречия, обусловленные стремлением каждого народа к самоорганизации, самоутверждению, этнической самобытности; наличием значительных различий в уровнях социально-экономического развития регионов, в подходах к преобразованиям (в том числе на национальном уровне); повышением самостоятельности субъектов Федерации. Некоторые национальные группы

установили тесные связи с иностранными государствами, предоставляющие им помощь, в том числе для выезда на историческую родину (Израиль, Германия, Венгрия, страны СНГ). С другой стороны, существует объективный процесс интеграции общества в целом; он обусловлен сложившейся исторической, общественной, духовной общностью народов страны, потребностью в сохранении и упрочении общероссийской государственности всех народов².

Антагонизмы на национальной почве имеют место в современном мире, в том числе на постсоветском пространстве. Социальной базой для разжигания национальной розни выступают деклассированные элементы, националисты, политики. Так, в период «парада суверенитетов» были лишены многих гражданских прав представители других наций (страны Балтии), во взрывоопасном состоянии находятся конфликты на Кавказе, в среднеазиатском регионе имеет место трайбализм — родо-племенная вражда. Межнациональные конфликты подогреваются военными и политическими действиями, идеологией национализма. Конфронтации на национальной почве реакционны. Подобное развитие событий отрицательно действует на народы.

Государственная власть в центре и на местах реагирует на межнациональные противоречия. Российское правительство принимает активное участие в урегулировании конфликтов на национальной почве, предпринимаются миротворческие акции, действует соответствующее законодательство. Однако убийств, кровной мести у народов могло и не быть, — будь государства социально ориентированы — проявляли ответственность в отношении всех людей, независимо от их национальной принадлежности. Условием прогресса народов всегда и везде является социально-экономическое развитие. Иначе успехи в развитии духовной сферы окажутся временными и иллюзорными.

В преодолении межнациональных конфликтов решающая роль принадлежит самим народам, трудящимся. Люди испытывают потребность жить в мире, счастье, совершенствовать своё благосостояние. Главное — чтобы народы не препятствовали развитию друг друга, что создает объективные основы для взаимного уважения и сотрудничества. При коллективных усилиях, прежде всего в аспекте решения глобальных проблем, результаты всегда выше, чем при индивидуальной деятельности каждой нации в отдельности.

Внутринациональные отношения — это взаимосвязи между людьми внутри наций и народностей, возникающие по поводу хозяйственных, территориальных, языковых, культурных и прочих проблем. Их значение состоит в том, что нации мобилизуют людей своей национальностью на создание материальных и духовных ценностей. Чем значимее свершения, тем больше авторитет нации, тем сильнее люди тянутся к ней, пытаясь постичь ее суть и перенять всё лучшее. Поэтому нации и сопутствующие им внутринациональные отношения являются одним из основных движущих сил общественного прогресса.

Внутринациональные отношения находились в центре внимания российских мыслителей и философов XIX века. Большой вклад в исследование внутринациональных процессов у русской нации и России в целом, внесли: В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, К.Н. Леонтьев, П.Н. Милюков, В.С. Соловьев, П.А. Сорокин. В научных, полемических и публицистических произведениях они систематически обращались к проблемам

единства русской нации, раскрывали ее патриотизм и трудности на пути ее развития. На примерах из новейшей истории подвергались анализу существенные признаки жизни русского народа.

Русская нация имеет славную историю. Русские утвердились как народ-труженик, народ-собиратель земель, народ-воин, народ, оказывающий бескорыстную материальную и культурную помощь другим народам, оказавшимся на грани исчезновения.

Внутринациональные отношения существуют в трех плоскостях: а) взаимоотношения классов внутри нации; б) экономические, социально-политические, духовные взаимодействия людей одной нации; в) отношения личностей внутри нации.

Внутринациональные отношения отражают основные признаки нации (народности) и действуют на уровне общности экономической жизни, общей территории, общего языка, духовной жизни. При этом сумма признаков нации вовсе не служит единственной основой для поступательного развития народа, поскольку его достижения проявляются в диалектическом взаимодействии с другими нациями.

Экономическая жизнь нации тесно связана с политической жизнью. Государство поддерживает общественный строй и обеспечивает организацию социально-экономических, национальных и иных отношений. Базисным фактором организации материального производства являются отношения в процессе производства. Они гарантируют материальные результаты. Даже при наличии социально-классовых различий, производственные отношения внутри нации могут быть по форме дружескими и вбирать в себя элементы взаимопомощи. Важной особенностью производственных отношений являются формы собственности. Как правило, господствуют такие формы собственности, которые способствуют организации эффективной хозяйственной деятельности.

Политические отношения внутри нации обусловлены оформлением общественного строя, при котором люди осуществляют материальную, либо духовную деятельность. Властные (подвластные) отношения являются существенными не только при обновлении социальных основ существующих этносов, но и способствуют возникновению новых типов общностей (народностей, наций). Так, возникновение капиталистических наций прежде всего связано с преобразованием социально-политических, а не этнических основ жизни народов.

Духовные процессы внутри нации, как правило, направлены на упрочение существующих этносов. Каждая нация воспринимает такие национальные идеи, которые обеспечивают материальное, духовное производство, воспроизводство человеческих жизней.

Язык и территория играют большую роль во внутринациональных отношениях. В них закрепляются этнические характеристики нации. Но они выполняют подчиненную роль по сравнению со своей социальной нагрузкой. Так, язык это не только «автобиография» сознания народа, но и средство коммуникативной деятельности, возникающей во всех сферах общественной жизни. Язык отражает уровень развития нации, характер общения, степень национального единства. Территория служит как основой организации жизни людей, так и местом определения гражданства населения.

Межличностные национальные отношения — это взаимодействия между людьми различных национальностей. Эти отношения проявляют себя на микроуровне:

в производственных коллективах, учебных заведениях, государственных учреждениях и т. д. Они принимают разные формы: от солидарно-дружеских до конфликтно-враждебных.

В отечественной социально-философской литературе межличностные национальные отношения стали изучаться с 60-х годов XX века. Крупными специалистами в этой области знания являются Р.Г. Абдулатипов, С.М. Арутюнян, Э.А. Баграмов, Л.М. Дробижина, П.Г. Евдокимов, А.Н. Мельников, В.Н. Мясичев, Б.Д. Парыгин, А.А. Сусоколов и др.

Межличностные отношения в многонациональном обществе соответствуют, с одной стороны, характеру межнациональных отношений, а с другой отражают духовный облик личности, его морально-нравственные качества, социальную позицию в обществе. Субъектами межличностных отношений являются личности, — представители определенных наций, народностей, национальных групп.

Актуальность изучения вопросов межличностных национальных отношений обусловлена наличием у каждой нации общественных и государственных деятелей, обладающих социальным статусом личности, последовательно отстаивающих интересы как крупных, так и малых этнических общностей. Межэтнические контакты в современном мире осуществляются не только на уровне обыденного общения, но и в связи с ведением деловых переговоров, имеющих экономическое, политическое, межкультурное и иное содержание. Межличностные отношения пронизывают всё мировое научное сообщество. Учёные-личности осуществляют взаимное общение как в связи с научной деятельностью в области всего спектра наук, так и в узкой сфере изучения национальных проблем.

Подлинная роль нации связана с реальными достижениями народных масс и ее выдающихся личностей. Специфика межличностных отношений обусловлена содержанием макро и микро среды. На уровне макросреды при социализме межличностные национальные отношения складывались на единых основаниях общественной собственности, неантагонистических классовых отношений, общей системе идеологических, морально-политических ценностей. В условиях современной России государство закладывает равнодействующую, согласно которой межличностные отношения должны соответствовать государственной политике, направленной на недопущение разжигания межнациональных конфликтов. К личностям адресован запрет на пропаганду войны, разжигание межнациональной розни. Основным «полем» межличностных контактов являются межкультурные взаимодействия, направленные на установление (восстановление) дружбы народов, укрепления духа уважения ко всем нациям, создание идеологических программ, отражающих объективную историю, настоящее и будущее народов. Важнейшей особенностью деятельности личностей является прямое или опосредованное участие в национально-освободительном движении, направленном на выражение интересов своего народа, защиту его интересов, борьбу с враждебными идеями.

Микросреда (этническая среда) межличностных национальных отношений обусловлена пространственными границами, связанными с территорией города, коллектива, семьи. На этом уровне содержание отношений обусловлено рядом постоянных и переменных зависимостей, к которым относятся принадлежность к этническим общностям, социальное положение, наличие религиозных, языковых особенностей и пр.

Условием дружеского характера отношений между личностями различных национальностей является наличие фактического равенства народов по социально-экономическим и культурным признакам. На уровне коллективов общность личностей различных национальностей, как правило, обусловлена единством образа жизни — социально-профессиональным положением, примерно равными доходами, наличием жилплощади, приобщенностью к образованию и культурным ценностям. Все вышеперечисленные признаки способствуют развитию человека и личностей в направлении межнационального мира и согласия.

В современной России личности находятся в условиях высокой горизонтальной и вертикальной мобильности. Национальные и интернациональные установки во-многом отражают характер поведения и общения. Важной особенностью межличностных национальных отношений в производственных коллективах является опора на интернациональные установки при наличии работы, профессионального роста. Наоборот, национальные установки обретают приоритет в случае производственных конфликтов и нисходящей мобильности.

Межличностные отношения требуют учитывать, кроме того, сферу приложения деятельности. Социальная психология работников госслужбы отличается от работников сферы науки, образования, материального производства. В межнациональных контактах на уровне госслужбы чиновник выполняет функции государства. От степени реализации этих функций у личности возникает удовлетворенность материальными, культурно-бытовыми условиями жизни. В сфере науки, образования, материального производства межличностные отношения во-многом отражают историческое наследие межнациональных отношений. Как правило, личность анализирует путь национальных общностей, изучает современные межнациональные взаимодействия. Традиции и обычаи добрых межнациональных отношений способствуют межличностному общению представителей различных национальностей. Идеологические и политические взгляды концентрируют как национальные предрассудки, так и корни взаимовыгодных контактов и сотрудничества между народами. Следовательно, опыт межнациональных отношений и внутринациональных отношений распространяется на межличностные контакты.

Вслед за распадом СССР произошло обострение не только межнациональных, но и межличностных контактов на постсоветском пространстве. В ситуации быстрого увеличивающегося разрыва в правах между представителями различных наций и народностей возникли существенные расхождения во взглядах на жизнь и перспективы ее улучшения. В начале XXI века среди личностей обнаружилась тенденции адаптации к существующим общественно-политическим реалиям. Формальный подход к интересам нации, предательство жизненных интересов способствует переходу некоторых личностей в статус безличностей. Во имя личных интересов, связанных исключительно с получением прибыли, человек утрачивает связь со своей нацией, проявляет нетерпимость к деятельности подлинных личностей. Одновременно реакция на имеющиеся проблемы и противоречия, в виде реадaptации (реакции на адаптацию), является новым источником для формирования личностей и распространения межличностных отношений.

Политика правительств, направленная на закрепление односторонних преимуществ за титульными нациями, вызывает естественное сопротивление у народов, оказавшихся в сложных жизненных условиях, в том числе и личностей, желающих кардинально изменить ситуацию к лучшему. В условиях межнациональных

конфликтов вся система межличностных отношений оказывается подчинённой решению доминирующей проблемы. Вплоть до ее решения, межличностные отношения могут выходить на более высокий уровень апелляции к своей правоте. «Весьма показательно в этой связи, что общество, голосуя за президента — сторонника реформ, одновременно — для сохранения противовеса и возможности альтернативы — удерживает коммунистов, ярых противников этих же реформ, в представительной власти в виде самой крупной (оппозиционной — добавлено нами. — А.М.) фракции»³.

Заинтересованность в сохранении национальной культуры, языка со стороны личностей входит в противоречие с нарастанием интенсивности межкультурного общения представителей народов. Межнациональные отношения на личностном уровне в условиях глобализации тяготеют как к сохранению национальной определенности своих этносов, так и к возможным перспективам, которые возникают в связи с появлением наднациональных общностей и объединений.

Каково будущее национальных отношений? Талантливый российский философ И.И. Кондрашин выделяет в современном мире «ноосферу» (по В.И. Вернадскому) и «негасферу» (сферу, концентрирующую все негативные явления человеческого общества). В зависимости от преобладания в человеческом обществе положительных или отрицательных действий, будут формироваться и соответствующие отношения в обществе⁴. В обозримой перспективе межнациональные отношения во все большей степени начнут определяться глобальными проблемами человечества: угрозой термоядерной катастрофы, угрозой экологической катастрофы, кризисом самого человека. Многие общественные и государственные деятели предрекают усиления борьбы народов за территории, благоприятствующие проживанию и ведению хозяйственной деятельности; за продукты питания, за пресную воду, за полезные ископаемые.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч. Т. 3. С. 19–20.

² См.: Торукало В.П. *Нация и национальные отношения* (Истоки, теория, современность). Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 1997. 272 л.

³ Нерсесянц В.С. *Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости*. М.: НОРМА, 2001. С. 57.

⁴ См.: Кондрашин И.И. *Общие представления о структуре мироздания, о месте человека в нем. Ноосфера и научный подход в вопросах миропонимания* // Свободомыслие на перекрестках истории. Йошкар-Ола: LANFORT, 2009. С. 76–107.

И.Р. Чикалова

АНГЛОВЕДЕНИЕ В РОССИИ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ТРУДЫ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОЙ КРИТИКИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.¹

Опубликование в России трудов крупнейших европейских историков, экономистов, социологов, политологов, правоведов стало важным и естественным ответом на общественный запрос в изучении западного, и прежде всего английского, опыта. Интерес к экономической и социальной истории мощно проявился на рубеже XIX и XX столетий. Обилие переводных работ подчас даже вызывало недоумение у литературных обозревателей. Один из них, оставшийся анонимным,

в журнале *Вестник Европы* сокрушался: «В последнее время появляется у нас такое множество переводных книг по экономической и культурной истории различных стран и особенно Англии, что поневоле приходится поставить себе вопрос: нет ли здесь избытка усердия со стороны переводчиков и издателей? Спрос на сочинения по экономическим вопросам и по истории культуры несомненно увеличился в нашем обществе; но это обстоятельство едва ли может служить достаточным объяснением того, что на русском издаются теперь переводы обширных английских трактатов, представляющих мало интереса для большинства читающей публики, между тем как более капитальные книги (например, Фюстель де Куланжа) или более доступные и поучительные (например, сочинения Арнольда Тойнби) остаются непереуведенными»². В общем-то, упрек отчасти обоснован, но только в отношении А. Тойнби, хотя и «этот недостаток» был исправлен.

Появившаяся в 1898 году в серии научно-образовательной библиотеки книга *Арнольда Тойнби «Промышленный переворот в Англии»*³ вызвала живой интерес российской общественности. Она представляла собой запись лекций, прочитанных автором в Оксфордском университете в 1881/1882 учебном году. Предисловие к ней написал профессор А.И. Чупров, его оценка труда чрезвычайно высока: «трудно найти в литературе другую книгу, в которой на немногих страницах был бы так ясно нарисован, не только в общих схемах, но и в полных жизни деталях, процесс исчезновения английских крестьян и деревенских кустарей, еще в начале XVIII века являвшихся главными фигурами среди тогдашнего общества»⁴. Вызывало одобрение стремление Тойнби определить в промышленной революции ее движущую силу, которую он усматривал во взаимодействии эволюции идей (больше всего экономической теории А. Смита) и эволюции жизни (в первую очередь, изобретения Дж. Уаттом паровой машины и перехода к фабричной системе). Но описание механизмов и содержания промышленной революции не было для Тойнби самоцелью. История прошлого была для него лишь средством понять настоящее, чтобы усовершенствовать жизнь в будущем. Предпосылки к этому Тойнби видел в улучшении положения рабочих. Вместо старых тред-юнионов, основанных на полной зависимости рабочих, возникают новые союзы и примирительные бюро, в которых рабочих и предпринимателей объединяют общие интересы. Усилилось разумное вмешательство государства в промышленную сферу: фабричные законы регулирует важнейшие стороны быта рабочих. Тойнби призывал к «социальному воспитанию капитала», пробуждению в предпринимателях желания улучшить участь рабочих на почве гражданских и духовных интересов. Завершая свое эссе, Чупров призывал быть благодарным Тойнби за то, что «работая для идеалов будущего, он дал нам превосходную картину минувшей промышленной истории своей страны, которая бросает яркий свет и на ее современное состояние»⁵.

«Выдающееся место» отвела книге Тойнби рецензия в *Русской мысли*⁶. С похвалой отозвался о труде Тойнби *Мир Божий*. Для журнала представлялись ценными взгляды Тойнби на необходимость «социального воспитания капитала», улаживания столкновений интересов рабочих и предпринимателей «при помощи нравственных идей, приуроченных к гражданской ступени развития. Развитие демократии, продолжал журнал, возвышая положение низших классов, наделяя их высшей культурой, равноправием и образованностью, ставит их вместо прежних

враждебных отношений к предпринимателям в отношении некоторого единения в общем деле». Журнал вместе с тем признавал, что оптимистические надежды Тойнби на примирительный исход противоречий «едва ли могут быть приняты в виду фактов экономической действительности как современной Англии, так и в особенности континента»⁷. *Русское богатство*, оценивая книгу как «интересную», нашло в ней существенные недостатки: процесс огораживаний в Англии «очерчен бледно, нет той яркости, какую мы встречаем у Маркса в главе “первоначальное накопление”». Мысль Тойнби о том, что демократия уравнила права рабочих и предпринимателей и начинает устанавливаться единение между ними на основе независимости тех и других как граждан свободного государства, вызвала неприятие журнала: «такой взгляд на эволюцию общественных отношений способствовал тому, что прошедшее у Тойнби приняло розоватый колорит. Этот взгляд не позволил Тойнби разобраться в современных экономических отношениях»⁸. В то же время *Северный вестник* в качестве позитивной стороны книги Тойнби отмечает критику автором «воззрений старинной английской теории по рабочему вопросу. <...> Тойнби присоединяется к рабочему движению, высказывается в пользу расширения хозяйственной деятельности государства и, как на источник средств для новых государственных предприятий, указывает на реформу обложения. Но особенно широкие надежды Тойнби возлагает на деятельность образованных классов, которым должно принадлежать руководство духовной жизнью народа». Эти взгляды, по мнению журнала, «интересны, как яркое проявление разрыва с традициями классической политической экономии, как признак новых веяний»⁹. Второе издание книги Тойнби вышло в 1912 г.¹⁰

Были опубликованы важнейшие работы известного экономиста либеральных взглядов *Джона Аткинсона Гобсона*. Так, в 1898 году одновременно в Ярославле и Петербурге вышла его книга «Эволюция современного капитализма»¹¹. *Северный вестник* проанонсировал выход ее петербургского издания: на примере Англии «перед читателем постепенно развертывается картина исчезновения прежних форм производства и развития современного капитализма, с его усовершенствованной техникой, с его господством неограниченной конкуренции и с его мировой организацией сбыта». <...> «Нужно отдать Гобсону справедливость: он весьма искусно группирует отдельные факты в цельную картину, и эта искусная группировка материала в значительной степени искупает чувствующийся местами <...> недостаток критической проницательности»¹². А Павел Беневоленский, подписавший рецензию в журнале *Образование*, добавляет: «...книга Гобсона представляет счастливую противоположность “Экономической истории” Гиббинса, где хозяйственные системы, чередовавшиеся в английской истории, представлены совсем в разорванном виде. Поэтому, политико-экономический трактат Гобсона и для исторической науки дает несравненно больше, чем история Гиббинса»¹³. Следом за «Эволюцией современного капитализма» Москве и Петербурге была издана работа Гобсона, посвященная Джону Рёскину¹⁴. В 1900 г. двумя издательствами в разных переводах и под разными заглавиями была опубликована еще одна книга Гобсона. В Петербурге ее название перевели как «Проблемы бедности и безработицы», в Киеве — Харькове как «Задачи бедности: Исследование промышленного положения бедных в Англии»¹⁵. Сам автор сообщает, что его исследование в значительной части посвящено разбору фактов, заимствованных из книги Бутса. Но Гобсон не ограничивает свою задачу пересказом

того, что сообщил Бутс, а пытается показать нравственную сторону бедности, определить причины и социальные последствия безработицы, возможность ее преодоления экономическими методами, путем фабричного законодательства, создания кооперативного производства и общественных мастерских, выявляет роль тред-юнионов в объединении рабочих. В специальной главе раскрыто положение женщин в промышленности. Гобсон стремится доказать, что безработица составляет одну из форм промышленного застоя <...> и установить, что непосредственной причиной этой промышленной болезни служит недостаточное потребление»¹⁶. Главный труд Дж. Гобсона «Империализм», появившийся в 1902 г. в Англии, тоже был издан в России, но только в 1918 г. и в сокращенном виде¹⁷, затем в 1927 г. был издан в полном объеме¹⁸. В нем Гобсон, оппонировав виднейшему кембриджскому профессору *Джону Роберту Сили*, знаменитая книга которого «Расширение Англии» в 1903 г. была издана в России¹⁹, доказывал, что колонии используются Англией прежде всего для вложения в них капитала и служат, главным образом, для извлечения материальных выгод высшими классами общества. Он подчеркивал, что современный ему империализм отличается стремлением ряда конкурирующих держав к политической и экономической экспансии, борьбой за колониальные владения. Эта идея была воспринята, в том числе В.И. Лениным, который, не отказываясь от предложенного Гобсоном понимания империализма как политики экспансионизма, рассматривал империализм в аспекте борьбы буржуазии за дележ мира и порабощение «мелких» наций. И хотя сам Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия империализма» (1916) критикует теорию империализма Дж. Гобсона, родовая связь с его концепцией несомненна. Именно Дж. Гобсон был первым, а за ним социал-демократы Р. Гильфердинг, К. Каутский, Г. Кунов, В.И. Ленин, кто предпринял попытку теоретически осмыслить специфические особенности империализма, перевел его из публицистического клише в научную категорию. В 2010–2011 гг. основные работы Дж. Гобсона были переизданы в России.

С изложением взглядов одного из наиболее крупных историков-экономистов, профессора политической экономии Оксфордского университета *Торольда Роджерса* российский читатель смог познакомиться благодаря появлению в 1896 г. в журнале *Русская мысль* статьи «Торольд Роджерс об экономической истории Англии», подписанной инициалами «И.Г.»²⁰. В Англии 8-ми томное исследование Роджерса «История сельского хозяйства и цен в Англии в 1259–1793 гг.» было опубликовано в 1866–1902 гг., в 1884 г. появилось краткое изложение его первых томов под названием «Шестьсот лет труда и заработной платы». Книга стала плодом сорокалетнего труда, в ней был собран огромный материал, раскрывающий развитие сельского хозяйства и изменения в положении крестьянства на протяжении шести столетий. В центре исследования Роджерса — движение цен на продукты питания и колебания заработной платы: путем сопоставления тех и других он стремился установить реальную заработную плату и материальный уровень жизни трудящихся. В 1899 г. в кратком виде под названием «История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в.»²¹ знаменитое исследование Роджерса было опубликовано в России. На его выход *Мир Божий* отозвался кратким, на 2-х страницах, пересказом содержания, завершившимся резюме: «Книга Роджерса пользуется слишком большой известностью, чтобы нуждаться в рекомендации; если она и не легко читается благодаря множеству

отступлений и отсутствию стройного плана, то с другой стороны она дает такую массу фактических данных, что является необходимым пособием для всякого, желающего изучать экономическую историю Англии»²².

В 1899 и 1907 гг. на русском языке вышли две книги профессора Боннского университета **Адольфа Гельда**, который в свое время задумал создать обширный труд по социальной истории Англии с середины XVIII в., но осуществить замысел помешала преждевременная смерть. В итоге свет увидели только две части предполагавшегося труда, впоследствии переведенные на русский язык: «Развитие крупной промышленности в Англии» и «Социальная история Англии»²³. В первой из названных книг Гельд показал переход от мелкого ремесленного к крупному капиталистическому производству. Российских издателей книги особенно привлекло изображение Гельдом ремесленного строя таким, каким он был во всех своих качествах, тогда как другие исследователи представляли исчезающий порядок «исключительно в своих отрицательных сторонах, а новый — в одних только положительных». Для Гельда основной причиной промышленной революции и создания крупного фабричного производства было расширение сбыта товаров и развитие денежного обращения, т. е. решающую роль сыграл торговый капитал. «Социальная история Англии» в первой своей части сконцентрирована на обзоре социального законодательства Англии с 1760 по 1832 г. по отношению к землевладельческому и земледельческому классам, торговле, ремесленникам и рабочим, а во второй — на анализе социально-политической литературы указанного периода. Гельд утверждает, что концепции деятелей этого периода, таких как Томас Спенс, Эдмунд Бёрк, оказывали существенное воздействие на социальное развитие.

Не остались незамеченными в России труды по экономической истории Англии **Генри Гиббинса**. Ему принадлежат «Очерк английской торговли и колоний» и «Промышленная история Англии»²⁴. Последняя в Англии была издана *Общественном распространении университетского образования в народе*, т. е. по содержанию и способу изложения относится к общедоступным изданиям. В России она также вышла в серии *Культурно-исторической библиотеки*. В небольшой по объему книге Гиббинс сообщил сведения из промышленной истории Англии от римской эпохи до последней трети XIX в. На примере Англии он стремится показать, что факты экономической жизни лежат в основе национальной истории и государственной политики. В развитие этой идеи представлена картина постепенного превращения земледельческой страны с преобладавшей домашней системой производства, какой оставалась Англия почти до половины XVIII в., в средоточие всемирной торговли и фабричного капитализма. Земледелие, бывшее прежде основой народного благосостояния, сделалось второстепенной отраслью, пришло в упадок, а продовольственный рынок почти полностью стал наполняться поставками из-за рубежа. Этот процесс превратил крестьянина либо в безземельного батрака, лишённого собственности и прав, либо, причём в большей части случаев — в фабричного рабочего. При общей положительной оценке эту работу упрекали в слабой связи с общеисторическим фоном, что делало необходимым обращение к трудам по политической истории страны.

В 1897 г. был издан в России известный труд профессора Гарвардского университета **Уильяма Эшли** «Введение в английскую экономическую историю и теорию»²⁵. В нем нашли отражение важнейшие события экономической жизни

Англии XI–XVI вв., начиная от организации поместья — манора и сельской общины до огораживаний и перехода от пахотного хозяйства к пастбищному в аграрной сфере, развития производства от купеческих и ремесленных гильдий до домашней промышленности в городах. По мнению *Русского богатства*, особенный интерес книге «придает стремление автора не отрывать экономических явлений от их социальной почвы и, изображая английские отношения, постоянно сравнивать их с аналогичными отношениями западноевропейского материка»²⁶.

Книгу *Вильяма Кеннингема* «Рост английской промышленности и торговли»²⁷ Н.В. Теплов, ее переводчик и автор предисловия, оценил как «компилятивный труд, попытку дать общую картину хода промышленной жизни Англии на основании того, что уже добыто другими исследователями, хотя и с критической проверкой их выводов». В то же время труд заслужил похвалу «в смысле обилия фактического материала, заимствованного в большинстве случаев прямо из первоисточников, Кеннингем незаменим, и это делает его книгу очень ценным пособием даже для специалиста»²⁸. Информативность издания отметил и *Мир Божий*: «эта книга — одна из полезных справочных книг, которые любят иметь под рукой иногда даже и специалисты». Тем более, она «могла бы очень пригодиться студентам исторического отделения историко-филологического факультета»²⁹. Продолжением этого труда стала еще одна книга Кеннингема — «Западная цивилизация с экономической точки зрения»³⁰. Профессор Московского университета А.А. Мануилов предпослал в предисловии на ее русский перевод благожелательную рекомендацию: «сочинение отличается богатством фактического материала, но факты не дают читателя; автор сумел удачно сгруппировать их и осветить мыслью, придающей изложению цельность и живой интерес»³¹. Отзывы же в печати, наоборот, были уничтожающими: «поверхностна, ненаучна, не нужна никому кеннингемовская «Западная цивилизация», тоже для чего-то недавно переведенная на русский язык»³².

Следует отметить и еще одну работу экономического плана — книгу *Генри Джорджа* «Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли»³³. По отзывам, «книга эта обладает всеми качествами хорошей популярной книги, кроме одного. Она проникнута прекрасными, благородными намерениями, написана блестяще, пленяет талантом, остроумием и воодушевленностью автора, способна вызывать добрые чувства, тревожить общественную совесть и пробуждать ленивые умы к творческой работе. Единственный ее недостаток в том, что доказательства, составляющие ее содержание, ложны с начала до конца. Цель книги — доказать, что политика свободной торговли есть единственная политика, возможная и обязательная для христианина и честного человека. Но так как политика свободной торговли, как и всякая политика, есть занимается вопросами, которые не предусмотрены и не могли быть предусмотрены христианской моралью, то все рассуждения автора сводятся к ряду софизмов»³⁴.

В ряду книг социальной ориентации заметное место занимает шеститомное издание «Общественная жизнь Англии»³⁵, написанное большой группой авторов во главе с *Г.Д. Трайлем*. Оно появилось в России в 1896–1899 гг. Предметом исследования здесь является развитие нации как социального организма. Как декларировал Трайль, «мы можем излагать по возможности настолько кратко, насколько это допустимо без ущерба для ясности изложения, события войн, завоеваний, договоров и союзов, борьбы конституционных учреждений и борьбы

династий; но зато мы будем излагать во всех мелких подробностях те различные ступени нашей английской цивилизации, которые отмечены эпохами нравственного и интеллектуального прогресса или которые можно проследить косвенно в том росте богатства, который, увеличивая комфорт и расширяя досуг, так сильно способствует интеллектуальному развитию, а в некоторой степени и нравственному усовершенствованию народов»³⁶. Такой подход определил и структуру издания. Каждый из томов состоит из разделов, раскрывающих своеобразие социального развития в каждую из рассматриваемых эпох начиная от норманнского завоевания до парламентских выборов 1885 г. Главы о политической истории раскрывают идею однородного и непрерывного развития, которое «идет постоянно и течение его при всех политических колебаниях и превратностях совершается в определенном порядке. В какой бы период мы от смутного подчас течения политической жизни не переходили к обозрению хода общественного прогресса, мы всюду видим ту же правильность безостановочного движения вперед»³⁷. Широко показано развитие науки от времени, когда она являлась монополией монашеских орденов, до успехов естествознания в XIX в. Разделы о религии исходят из того, что католическая и протестантская формы христианской веры «существенно отличны одна от другой, что каждая из них способствует развитию совершенно отличных нравственных и интеллектуальных качеств и что тот народ, который окончательно избирает для себя одну из этих форм, совершает свой путь прогресса совершенно иным образом и по иной дороге, чем народ, избравший другую из этих форм»³⁸. Обстоятельно рассмотрен литературный процесс, за исходную точку которого взята древняя английская поэзия VII в. Пройдя через века развития, литература «дошла до наших дней без перерывов упадка и регресса и проявилась в высшем развитии и чистоте в творениях известных романистов, у Фильдинга и Ричардсона, даже у небрежного Скотта, и от Скотта перешла к Диккенсу, Теккерею и Джорж Элиот»³⁹. Во всех томах прослеживается прогресс промышленности и торговли и «неудачная судьба нашего земледелия». Трайль подчеркивает, что «нам придется ... иногда следить период за периодом за физическим благосостоянием массы английского народа, указать на воздействие естественных и искусственных причин, на веление Господа или повеления человека, на законы, в прямом значении этого слова и в фигуральном его значении, употребленном экономистами, на влияние войны, чумы, голода, уменьшавших население, останавливавших производство и изменявших промышленность, и наконец, указать на самые важные и влиятельные причины, — на применение к производству изобретательной способности человека, направлявшей промышленность по новому пути и оставлявшей в застое и приостанавливавшей другие пути, на новое направление, которое через несколько десятилетий может видоизменить работу веков и не только внешним образом пересоздать общество, но даже создать новый тип национального характера»⁴⁰. Сколь обширен по объему и разноплановости этот труд, столь и сокрушительна критика его в российской печати.

Появление каждого тома издания Трайля сопровождалось рецензиями и откликами в журналах. Так, в многостраничной рецензии *Мир Божий* совершенно не согласен с методологическими подходами Трайля и его соавторов. Журнал пишет: «Вопрос, как можно изложить историю культуры одной из передовых цивилизованных наций, сам по себе представляет тему для серьезнейшей работы

философского и исторического характера. Трайль решил ее очень просто: разделить общий культурный поток, всю историческую многовековую сцену на несколько течений или полос и дать специалистам изложить свои мнения по поводу каждого из установленных отделов. Один будет изображать литературу, другой искусство, третий религию, четвертый нравы. Именно такие рубрики стоят в проекте Трайля. Уже одно перечисление их показывает, что читатели книги рискуют попасть в безвыходное положение на каждом шагу *относительно общей картины* общественного развития в ту или иную эпоху, и испытать невыносимую скуку от *бесконечных повторений* одних и тех же фактов и мыслей в разных рубриках разными специалистами». Для рецензента первого тома все это издание — предприятие «мало полезное не только в английской исторической литературе, но даже и у нас»⁴¹. Не лучше оценка и второго тома: «предназначение сборника по-прежнему остается неопределенным — до такой степени разнохарактерны статьи, его составляющие. Одни — ничто иное, как конспекты, предполагающие у читателя обширные, общие и специальные сведения не только по истории, но и по искусству, военному делу. Другие, напротив, элементарны до умильности, заключаются в хронологическом свode главнейших фактов с наивными обобщениями и, по-видимому, совершенно случайной “философией”»⁴².

По истории и современному (для автора это XIX век) положению рабочего класса наиболее информативной представляется работа *Ганса Ностица* «Рабочий класс Англии в XIX столетии», в 1902 г. изданная на русском языке⁴³. Хотя Ностиц являлся немецким ученым, его труд в значительной части основан на оригинальных источниках, добытых в ходе шестимесячной поездки в Англию. В анализе рабочего класса как особой социальной группы Ностиц не замыкается в традиционной схеме — возникновение, количественный и профессиональный состав, организации, экономическая и политическая борьба. Все эти проблемы присутствуют, но они поданы в контексте общественно-политических процессов. В связи с этим Ностиц подробно рассказывает о политической системе Великобритании, в том числе о парламентских реформах, оказавшихся благоприятными для рабочих: «во-первых, землевладельческое дворянство не только утратило свое полномочие в нижней палате, но и должно было уступить свое преобладание владельческим и вообще образованным классам; а во-вторых, рабочий класс, масса, начали стремиться к самостоятельной политической деятельности начинают достигать этой цели»⁴⁴. Прогресс школьного и высшего образования, детально освещенный в книге, также имеет следствием важные социальные последствия: «Более широкая постановка дела начального образования немало способствовала появлению и развитию общей потребности к высшему образованию. К этому присоединяется и все более распространяющееся убеждение в значении образования для жизни промышленной и практической. Оба эти мотива руководят как мелкой буржуазией, так и рабочими»⁴⁵. Цели тред-юнионов, которым посвящен специальный раздел, состоят в защите профессиональных интересов рабочих в их трудовых отношениях с работодателями, материальное обеспечение в случае нужды, наконец, «цели общего характера»: гражданское, нравственное и умственное развитие рабочих, впрочем, констатирует Ностиц, «часто упомянутые в программах цели суть простые пожелания, осуществление которых откладывается до лучшего будущего и которым союз совсем не намерен стремиться в настоящем или путем переговоров, или путем революционным,

или посредством законодательства»⁴⁶. Улучшение положения рабочих Ностиц усматривает в развитии касс взаимопомощи и кооперативных обществ. Нашли отражение вопросы заработной платы и рабочего времени. Относительно стачек Ностиц полагает, что «прогресс в условиях труда никоим образом не может объясняться исключительно, или даже только преимущественно, одними стачками, или рабочими союзами; но вполне установлено, что они были существенными вспомогательными средствами не только для приобретения того или другого преимущества, но в особенности для предупреждения регресса»⁴⁷. При этом Ностиц высоко оценивает «непосредственные переговоры рабочих и работодателей по конфликтным вопросам при участии посредников или третьей стороны». В системе посредничества и третейского урегулирования споров Ностиц видит инструмент уничтожения или смягчения межклассовой вражды, а с другой стороны — существование этой системы способствует признанию предпринимателями равноправия рабочих.

В 1904 году перевели книгу «Фабричная жизнь в Англии» *Аллена Кларка*⁴⁸. Автор, выходец из рабочей семьи и сам рабочий, сумевший получить образование и стать учителем, написал ее на основе личных впечатлений и официальных парламентских материалов. Показав общие черты развития английской промышленности в XIX в., Кларк охарактеризовал развитие фабричной системы на примере крупнейших промышленных городов графства Ланкашир. Его выводы удручающи. Природа разрушена, вместо деревьев возвышаются одни высокие фабричные трубы, молодое поколение вырастает, не зная ни цветов, ни пения птиц, ни зелени лугов, ни красоты деревьев. Фабричная жизнь своей монотонностью превращает людей в машины, увеличивает болезни, сокращает жизнь человека. Особенно вредно воздействие фабрики на нравственность и здоровье женщин, поколение за поколением фабричное население вырождается и создает все худшее потомство. Законы об ограничении детского труда не достигают цели, так что дети и плохо работают, и плохо учатся. Кларк отрицает саму возможность смягчить пороки фабричного производства увеличением заработной платы. При ее росте продуктивность труда несоизмеримо увеличивается. Кларк сомневается в позитивном значении увеличения фабричной промышленности для развития страны. Поскольку фабричная система себя не окупает, пример Англии должен стать предостережением для других стран, которые не должны торопиться с форсированием развития промышленного производства. Высоко оценивая критический потенциал труда Кларка, академик Янжул, написавший предисловие к его русскому изданию, отметил, что Кларк «не везде прав в своем крайнем и последовательном пессимизме... Англия, создавшая современный Ланкашир с колоссальной промышленностью, не может — увы! — вернуться опять к земледельческой идиллии доброго старого времени!»⁴⁹. На утопичность социальных рецептов Кларка указал и рецензент журнала *Мир Божий* А. Рыкачев: «У автора очень хорошие намерения: он ненавидит современную фабричную жизнь, требует облегчения участи фабричных рабочих, особенно женщин и детей, а в качестве радикального средства против зол фабричной системы предлагает полное ее уничтожение и возвращение к патриархальному земледельческому быту. Книжке вредит не то, что автор ее предается несбыточным мечтам, а то, что он не умеет найти необходимых границ между правами мечтателя, обязанностями добросовестного исследователя и задачами учителя-реформатора»⁵⁰. В дальнейшем

развитии фабричного законодательства и самодеятельности рабочих союзов и обществ покоится надежда рабочего класса на лучшее будущее.

В 1904 году появилась на русском языке книга известного английского журналиста **Роберта Ширарда** «Белые рабы Англии»⁵¹, описывающая ужасающие условия труда и быта не вовлеченных в тред-юнионы рабочих наименее оплачиваемых производств (например, по изготовлению соды, свинцовых белил, гвоздей и цепей) и профессий (башмачников, портных, шерсточесальщиков). Ширард не претендовал на некие новые открытия — положение рабочих было описано много раз прежде. Но он счел своим нравственным долгом «кричать» до тех пор, пока ни один житель британских островов не будет прикрывать неведением свое равнодушие к безобразиям, «благодаря которым каждому из нас стыдно носить имя англичанина». Именно нравственный протест против социальной несправедливости побудил российского издателя выпустить книгу. *Русская мысль* рассуждала в таком же ключе: «если уж следует стыдиться такого положения вещей, то никак не одним англичанам, так как условия жизни рабочих и в большинстве других стран не лучше, а даже хуже. Заработная плата, на которую автор указывает как на самую низкую, у нас в России считалась бы высокою». Заложенный в книге императив к искоренению несправедливости позволяет ей «принести свою скромную долю пользы, в пределах своих сил более наглядному представлению о существующем зле и более энергичному стремлению к борьбе с ним»⁵².

В 1905 году параллельно в двух переводах опубликовали работу **Фридриха Энгельса** «Положение рабочего класса в Англии», впервые изданную в Германии еще в 1845 г.⁵³ Определяя актуальность этой проблемы, Энгельс отмечал: «положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление наших современных социальных бедствий <...> в своей завершенной классической форме условия существования пролетариата имеются только в Великобритании и именно в самой Англии»⁵⁴. Однако в момент издания в России книга осталась незамеченной крупными либеральными общественно-политическими и литературными журналами.

Монументальный труд по истории чартистского движения написал **Роберт Гаммедж**⁵⁵, сам активный участник описываемых событий. Его «История чартистского движения», в 1907 г. изданная в России, по словам автора, «представляет скорее историческую хронику, чем оценку событий, а также деятелей, принимавших в них участие»⁵⁶. Л. Герасимов (псевдоним Ф.Г. Сиротского, профессионально сотрудничавшего со многими журналами) в рецензии, опубликованной в *Современном мире*, точно уловил эту характерную черту: «местами страстность тона автора, совершенно не волнующая читателя, резко подчеркивает, что данный факт, о котором так обильно распространяется Гаммедж, совершенно потерял уже интерес современности. Но нужно отдать справедливость автору, он старается быть — и это ему удается почти на протяжении всего труда — вполне объективным по отношению к событиям, очевидно не перестающим волновать его и при воспоминании много лет спустя, когда писалась «История чартизма». Что касается причин непрерывных разногласий и расколов, сопровождавших чартистское движение, то автору «видна не сущность, не причины, не исходная точка разногласий, а их поверхностное выражение, обнаруживающееся в непрерывной борьбе вождей»⁵⁷. Другие рецензенты были еще более критичны.

А.С. Изгоев в *Русской мысли* поместил разгромную рецензию: «в бестолковой гряде имен, названий и скучных и однообразных описаний митингов совершенно исчез всякий социальный смысл серьезной, хотя и неудачной борьбы за партию, за всеобщее избирательное право, которую вела в сороковых годах английская демократия». Причину публикации он усматривал в своеобразии момента: «в наше революционное время русское общество жадно набрасывается на все революционные и народные движения в жизни других стран, желая таким путем уяснить себе события, разыгрывающиеся на родине и предусмотреть возможный их исход... Вероятно, исходя из таких соображений, книгоиздательство «Дело» выпустило и «Историю чартизма» Гаммеджа»⁵⁸. Наконец, примирил точки зрения В. Сторожев. В своей рецензии на нее в *Образовании* он резюмирует: «Итак, книга Гаммеджа, не будучи ученой работой в собственном смысле этого слова, все-таки представляет для русского читателя большой интерес, читается без особенного напряжения и ценна еще тем, что по-русски о чартизме ничего нет, и, стало быть, настоящим переводом восполняется очень существенный пробел»⁵⁹.

Наращение организованного рабочего движения вызвало интерес к трудам об организациях трудящихся, методах и целях их деятельности, в частности, к книге *Поля Рузье* «Профессиональные рабочие союзы в Англии». В 1895 г. парижский «Социальный музей», библиотека которого обладала наиболее полной коллекцией документов и периодических изданий по английскому рабочему движению, поручила группе ученых исследовать современное состояние английского тред-юнионизма. Рузье в сотрудничестве с Карбонселем, Фести, Флери и Вилельмом в итоге издали книгу «Профессиональные рабочие союзы в Англии»⁶⁰, буквально сразу же переведенную на русский язык. Авторы представляют французскую науку, но их труд не представляет собой плод кабинетных изысканий, обработки литературных источников. Рузье сообщает: «Мы посещали мастерские, опрашивали рабочих, выдающихся вождей юнионизма и предпринимателей, наблюдали за действием ассоциаций, проникали в семьи рабочих, присутствовали на конгрессах и собирали сведения из самых разнообразных источников, стараясь проверить их одни другими»⁶¹. Это позволило показать объективные предпосылки образования профсоюзов, которые становятся массовыми и успешными, когда рабочие достигают определенной зрелости, а во главе их становятся просвещенные и нравственные, часто на религиозной основе, руководители. В отдельных главах рассмотрены состояние и деятельность тред-юнионов таких отраслей, как строительство, земледелие, судостроение, машиностроение, текстильная промышленность, союзы докеров, углекопов, будущее профсоюзов в связи с появлением «новых тред-юнионов». В этой части книги приведен массив фактических данных, не имевших на то время аналогов в других трудах. В рецензии на книгу *Мир Божий* подчеркивал буржуазно-либеральный подход авторов к рассматриваемому предмету⁶². Об этом говорил и автор предисловия П.Б. Струве: по его словам, все, что выходит за пределы тред-юнионизма, а также его значение в общей картине социально-экономического быта и развития Англии рассматривается с буржуазно-либеральной точки зрения⁶³. Не сочло универсальным опыт английского тред-юнионизма и *Русское богатство*, констатировавшее: «уместно поставить вопрос: доказано ли в книге французских авторов, что во всех странах, где развивается крупное производство, имеются в наличности условия, благодаря которым английские рабочие

могли ввести в практику систему коллективного договора, предполагающую сильную организацию рабочего класса? Мы полагаем, что на этот вопрос можно ответить только отрицательно». И вообще, «статьи французских авторов не выдерживают никакого сравнения с исследованиями Веббов «История тред-юнионизма» и «Промышленная демократия». В издании «Социального музея» мы не встречаем ни того детального, исчерпывающего знакомства с предметом, ни того мастерского анализа и критики, которыми отличаются труды английских авторов»⁶⁴. Эта критика, тем более, может быть отнесена и к небольшой по объему и популярной по характеру брошюре французского историка **Франсуа Фаньо** «Рабочее профессиональное движение в Англии»⁶⁵. Однако, будучи изданной в России в революционный 1906 г. она все же достигала своей цели — донести до рабочих дух, способы борьбы и достигнутые результаты английских тред-юнионов, поскольку в Англии профессиональное движение «является более давним, более жизнедеятельным и могучим, чем где бы то ни было»⁶⁶.

Из многочисленных трудов по истории и практике рабочего и тред-юнионистского движения супругов **Сиднея Вебб и Беатрисы Вебб** на русском языке до 1917 г. были опубликованы лишь несколько. В России знакомство с трудами этих выдающихся деятелей рабочего движения состоялось в 1893 г. с выходом написанной Сиднеем Веббом в соавторстве с Хорольдом Коксом книги «8-ми часовой рабочий день»⁶⁷. Ее публикация дала повод *Русскому богатству* саркастически заметить: «Интересно бы знать, что сказали бы английские рабочие, если бы их заставили работать 14–16 и даже 18 часов, как это делается в некоторых наших промышленных заведениях». Журнал обратил внимание и на предлагаемые авторами способы достижения восьмичасового рабочего дня: «авторы рассчитывают только на законодательный путь: ни добровольные уступки фабрикантов, ни давления рабочих союзов не могут установить максимального рабочего дня вполне твердо»⁶⁸.

В 1899 году С. Вебб опубликовал в России брошюру «Положение труда в Англии за последние 60 лет»⁶⁹. *Русское богатство* отозвалось на нее рецензией, в которой отмечалось преобладание в ней мысли «о наличности в современном обществе прогресса, но прогресса “незначительного”, “частичного”», которая «проходит красной нитью через всю брошюру, составляя и вообще основную и излюбленную идею автора, проводимую им и во всех других произведениях»⁷⁰. В.В. Леонович (псевдоним «В. Ангарский») в рецензии на брошюру Вебба в *Образовании* также отмечает подобную особенность взглядов автора, но при этом указывает на явные противоречия в его рассуждениях: «Вот тут и разберитесь: то «большой прогресс», то «частичный». Чему же верить? И это не случайные противоречия автора. <...> И так, в общем итоге, несмотря на полное благодушие автора, выводы получаются безотрадные. Глядя на них, если и можно говорить о каком-нибудь прогрессе, то разве лишь о прогрессе... бедности. Для доказательства верности этого положения — достаточно данных, имеющихся в рассматриваемой брошюре»⁷¹.

В том же году издали и первую совместную работу супругов Веббов «История тред-юнионизма», которую они опубликовали в Англии в 1894 г. Однако в русском переводе она появилась под названием «История рабочего движения в Англии»⁷². Издание не прошло мимо внимания крупных журналов — *Образование* и *Мир божий*⁷³. По общему мнению рецензентов, книга Веббов не нуждается

в рекомендации, «она во многих отношениях «была откровением для подавляющего большинства английских читателей — даже для самих членов рабочих союзов». На континенте же Европы ее признали классическим исследованием по истории трэд-юнионов»⁷⁴. В то же время в своей рецензии в журнале *Образование* И. Степанов критикует неудачное русское название книги, которое «не совсем соответствует ее содержанию. Супруги Вебб с полной определенностью заявляют, что они пишут не историю английского рабочего движения, а «историю рабочих союзов»; на это указывает и английское название книги»⁷⁵.

Спустя год последовала в двух томах «Теория и практика английского трэд-юнионизма»⁷⁶. Таким образом, все классическое исследование Веббов, включая и опубликованную ранее его историческую часть⁷⁷, стало доступным русскому читателю. *Русская мысль* с большой похвалой отозвался о переводе, выполненном В.И. Лениным: «Г. Владимир Ильин дал перевод образцовый»⁷⁸. Высоко оценивает журнал и содержание книги: «В настоящее время, когда рабочее движение всего мира стоит на распутье, глубоко задумавшись над выбором чисто профессиональной английской формой и политической, нашедшей себе наиболее яркое выражение в Германии, — книга супругов Вебб, плод шестилетнего труда людей беспристрастных, посвятивших всю свою жизнь на изучение положения трудящихся, является незаменимым пособием, неоцененным материалом для суждения о самых серьезных, самых основных вопросах грядущего»⁷⁹. Для *Мира Божьего* — это тоже «солидное и прекрасное сочинение», в котором главы, «касающиеся нормального уровня заработной платы, нормального рабочего дня, санитарных условий и безопасности производства и проч., дают полное и обстоятельное изложение тех условий труда, в которых находится рабочий класс в современной Англии, тех способов, которыми он их поддерживает, и тех улучшений, которых добивается»⁸⁰. Оценивая творчество Веббов, журнал заключил: «приходит время, когда без знакомства с ними многое может остаться непонятным в развитии английского общественного строя»⁸¹.

Опыт последователей Оуэна, организовавших в 1844 г. в Рочдейле потребительский кооператив «Общество справедливых пионеров», попытался обобщить *Джордж Джекоб Холиоок*, который в 1857 г. выпустил посвященную ему книгу. К семидесятилетию основания кооператива и спустя почти 60 лет после издания книги Холиоока в Англии в 1914 г. она появилась в переводе на русский язык под названием «История рочдэльских пионеров»⁸². Деятельность кооператива строилась на принципах добровольности участия, выборности и подотчетности руководящих органов членам кооператива, одинаковых прав членов кооператива, отчисления доли прибыли на постройку школ, читален, библиотек. Затем Холиоок неоднократно дополнял и переиздавал книгу (в России ее перевели с 10-го английского издания). Эта книга, по форме сборник статей, раскрывает различные стороны начинания ткачей из Рочделя, на примере «рочдэльских пионеров» стремится показать эффективность кооперативной организации трудящихся, хотя и ограничивается только начальной стадией кооперативного движения в Англии. В 1915 г. в Москве и 1918 г. в Петрограде вышла его книга под названием «Современное кооперативное движение», на этот раз с предисловием известного специалиста В. Тотомиянца⁸³. О развитии кооперативного движения российский читатель мог составить представление и по другим работам, в частности, по книге уже упоминавшегося Г. Ностица, посвятившего ему специальную главу⁸⁴.

В этом же ряду книга *Беатрисы Вебб* «Кооперативное движение в Англии», считавшаяся классическим исследованием истории британской кооперации в XIX в.⁸⁵ Как отмечала критика, «Богатство материала и умелая группировка фактов... одни эти качества, самые драгоценные во всяком исследовании общественно-экономического характера, делают ее сочинение необходимым пособием при изучении кооперативного движения». Но и не все положения книги были восприняты. По утверждению Б. Вебб, соединение тред-юнионистского и кооперативного движений должно привести к сплочению рабочего класса как условию улучшения положения тех, «кто производит, не потребляя своей полной доли». Это вызвало возражения автора рецензии в *Мире Божьем*: «"английский социализм", несмотря на свою ограниченность, очень склонен давать распространительное толкование частичным улучшениям в материальных современных условиях жизни рабочего класса. Эта склонность ведет к тому, что некоторое «поднятие социального уровня» рабочего класса легко квалифицируется как всеобщее уравнительное распределение богатств, как постепенное уничтожение социальных перегородок и социального гнета»⁸⁶. *Русское богатство* привлек другой аспект работы: «Читатель Уэбб без труда выяснит себе, почему русское кооперативное движение обречено безрезультатно толкаться на пустом месте. <...> Оказывается, что кооперация по самому своему существу — явление глубоко демократическое, и на Западе оно достигало силы и развития только в тех случаях, когда оно было конструировано на истинно демократических началах»⁸⁷. Во второй половине XIX в. кооперативное движение начало широко распространяться в европейских странах, в том числе и в России.

В 1891 году в России опубликовали исследование создателя «Армии спасения» *Вильяма Бутса* «В трущобах Англии»⁸⁸. Показывая нищету, порочность, отчаяние «английского мрачного царства», Бутс призывает к спасению и облегчению участи обездоленных. Он высказывается против всякого насильственного пересоздания социальных условий и в то же время не верит в усилия государства. Помощь должна быть оказана немедленно, ждать нельзя, массы гибнут, им надо тотчас придти на помощь. Переводчик книги Е.И. Сементовский подчеркивает, что книга Бутса заслуживает внимания «как по своей тенденции и прекрасному изложению, так и по своему содержанию». Она убеждает, «какая громадная работа предстоит еще обществу даже в наиболее цивилизованных странах, чтобы оно имело право гордиться своими успехами. В этом отношении Бутс затрагивает вопрос, назревший и в русском обществе. И у нас обратная сторона европейской цивилизации постоянно привлекает к себе внимание. Это обстоятельство ... вызывает особенный к ней интерес»⁸⁹. На ее появление И.И. Янжул откликнулся очерком, лейтмотив которого — «Армия Спасения с ее службой для социального, морального и религиозного перерождения трущобного мира, с ее скромным, доходящим почти до полного бескорыстия, вознаграждением за свой тяжелый и подчас весьма неприятный труд, — является важным знаменем времени»⁹⁰. «Русский читатель с особенным интересом прочтет книгу Бутса... Он поймет, <...> что средства к спасению гибнущих масс заключаются в самой цивилизации, и что если у нее и есть своя обратная сторона, то у нее же есть и все необходимое для исцеления социальных недугов: наука, огромный запас опыта, чувство гуманности, которое не дает заснуть совести в виду окружающих нас страданий»⁹¹.

В 1899 году была переведена на русский язык книга *Томаса Велбенка Фауля* «Призрение бедных в Англии»⁹². Фауль исходит из предположения, что «пауперизм может изменяться почти до бесконечности, но самая суть дела в той или другой форме должна оставаться всегда: среди нас всегда будут бедные». Отсюда для него очевидно обязанность государства заниматься общественным призрением бедных: тот, кто видит в государственном призрении бедных только временное явление или нечто, свойственное только Англии, обнаруживает непонимание значения этой задачи. Исходя из этого Фауль, не касаясь частной и общественной благотворительности, концентрирует внимание на государственном законодательстве о призрении бедных, начиная от елизаветинского закона 1601 г. о бедных и реализации государственной политики в этой области. Поскольку изложение доведено до середины 70-х гг. XIX в., книгу вполне обоснованно сочли устаревшей, ценной своей исторической частью. Но и она давала основания для определенных выводов. Рецензент под псевдонимом «М. П-ов» в *Мире Божьем* писал: «критика системы призрения бедных в рабочих домах Англии шестидесятых и семидесятых годов может быть направлена до известной степени и против порядков, существующих в наших домах трудолюбия. Рассматривая состав их, проф. В.И.Герье отмечает то же явление: крайне смешанный состав обитателей рабочих домов и притом, главным образом, такой, который совершенно не отвечает задачам трудовой помощи. Здесь и дряхлые старики, и калеки, нуждающиеся в богаделенном содержании, дети, место которых в профессиональных приютах и школах, больные и алкоголики, которым необходима, прежде всего, врачебная помощь. Из этого положения вытекает необходимость той же классификации призреваемых и учреждения для них особых заведений, о которых говорил и Фауль»⁹³.

Поль Феликс Ашрот в 1886 г. издал во Франции труд о призрении бедных в Англии. В 1888 г. ее перевели на английский язык. Эту книгу российский Комитет попечительства о домах трудолюбия и работных домах внес в список сочинений иностранных авторов, появление которых в России признано желательным. Поскольку Ашрот прослеживал развитие английской системы призрения бедных начиная с закона Елизаветы I, принятого в 1601 г., но только до 1885 г., российский Комитет попечительства о домах трудолюбия и работных домах обратился к Ашроту с просьбой дополнить книгу очерком о развитии призрения бедных в Англии после 1885 г. Ашрот согласился, еще раз съездил в Англию и на основе собранного материала написал новый раздел. Редакция журнала *Трудовая помощь* перевела рукопись и опубликовала ее в двух номерах журнала за 1898 г.⁹⁴ Были дополнены такие параграфы книги, как принцип работы «рабочих домов», устройство рабочего дома, призрение бедных детей, больных и бродяг. В книге вместе с журнальным дополнением к ней история призрения рассмотрена подробнейшим образом, но организации призрения на конец XIX в. уделена большая часть объема, что позволило детально охарактеризовать формы оказания помощи нищим, больным, детям, нищим и бродягам. В 1901 г. книга под заглавием «Призрение бедных в Англии. Историческое развитие и теперешнее состояние его» вышла в русском переводе⁹⁵. Ашрот исходит из того, что «даже если бы удалось ввести страхование всех классов рабочих на случай болезни, несчастий, увечья и безработицы, все-таки нужно было бы заботиться о тех, которые вследствие природных недостатков и т. под. никогда не были работоспособны, или

не были вполне работоспособны, а равно о многочисленном классе женщин и детей, впадающих в нужду вследствие смерти своего кормильца»⁹⁶. Он продолжает: «Особенно важно организовать дело призрения бедных так, чтобы каждый ясно представлял себе преимущества собственной заботы о своем будущем пред обращением к общественной помощи по бедности. <...> Дело призрения бедных прежде всего должно быть организовано так, чтобы с оказанием помощи по бедности соединялись ограничения, действительно чувствительные для получающих эту помощь, и чувствительные не с этической только точки зрения, могущие иметь полное действие лишь в высших классах, но такие ограничения, чтобы и простой человек считал нужным в своем интересе избегать их, принимая для того меры заблаговременно»⁹⁷.

Читатели в России смогли познакомиться с идеями преобразования общества на социалистических началах, популярных в Англии, благодаря выходу на русском языке с большими временными интервалами двух крупных работ в этом направлении (в порядке очередности) — преподавателя Парижского свободного колледжа социальных наук **Альбера Метена** «Социализм в Англии: современные тенденции и пропаганда»⁹⁸, составленного Сиднеем Веббом сборника статей английских социалистов «Социализм в Англии»⁹⁹, а также совместной брошюры **Генри Джорджа** и создателя Социал-демократической федерации Англии **Генри Гайндмана** «Единый налог или социализм для блага народа»¹⁰⁰. Последняя, в силу малых размеров, в отличие от названных книг, не вызвала интереса со стороны критики. Что касается книги Метена, то в ней рассматривается не только идеология представителей социалистической мысли — Р. Оуэна, В. Морриса, социал-демократов, фабианцев, но и сюжеты, связанные с анализом взглядов Карлейля, Рескина, чартистов, тред-юнионистов и даже анархистов. Поэтому, собственно ее название не вполне соответствует ее содержанию. В связи с этим, по справедливому замечанию *Русского богатства*, «это не история социализма, а история разных умственных течений <...>. В ней вы найдете и собственно социализм, и анархизм, и этическую школу Рескина, враждебную современному индустриальному строю»¹⁰¹. В свою очередь, составленный С. Веббом сборник был ориентирован не на русского, а на немецкого читателя (он и был переведен с немецкого языка), и благодаря помещенному в нем предисловию Вебба давал представление об отличии английского социалистического движения от немецкого. Вебб так характеризовал различия между ними — английский социализм не носит классового характера: «Значительная часть английских социалистов принадлежат к средним классам... миллионы же рабочих не только подают голоса за консерваторов, но и очень консервативно настроены». Что же касается этого социализма средних классов, своего рода внеклассового социализма, то его своеобразный характер достаточно ярко выясняется из того, что в «каждом правительственном учреждении есть социалисты, принадлежащие к обществу фабианцев, но это не мешает им двигаться по служебной лестнице»¹⁰². На сборник появились рецензии в журналах *Образование* и *Современный мир*. Рецензенты и в одном, и во втором случае вполне искренне полагали, что современный социализм в Англии уже не соответствует той картине, «которая вырисовывается из чтения сборника», поскольку «самой свежей из статей, помещенных в сборнике, — десять лет с лишним»¹⁰³. Ф.Г. Сиротский (псевдоним «Л. Герасимов») в *Современном мире* солидарно с анонимным коллегой из *Образования* называет

слова Вебба о консервативном настрое английских рабочих анахронизмом¹⁰⁴. В свою очередь, рецензент в *Образовании* не сомневается, что «резкий поворот в настроении рабочего класса в Англии, обнаружившийся в восьмидесятих годах прошлого столетия, и быстрые успехи социал-демократии все усиливались и постепенно сближали классовую тактику английского пролетариата с тактикой их континентальных товарищей. Своеобразие английского социализма по мере роста нового движения стало исчезать. <...> Между тем сборник в общем, главным образом, и настаивает на этом отходящем в прошлое своеобразии»¹⁰⁵. Тем не менее, история все точки зрения расставила по своим заслуженным местам.

Тему народного образования затрагивали в многоплановых трудах Э. Поррит, Г. Ностиц и др., но переводов специальных работ было мало. Французские университетские профессора **Жак Клод Деможо** и **Анри Монтулчи** по заданию французского министерства народного просвещения непосредственно в Англии и Шотландии изучили организацию и деятельность средних и высших учебных заведений страны. Результатом их служебной командировки стал обстоятельный отчет «Средние учебные заведения в Англии и Шотландии», в 1870 г. переведенный на русский язык¹⁰⁶.

Идея работы французского исследователя **Макса Леклерка** «Воспитание и общество в Англии»¹⁰⁷ была определена конкурсом, объявленном в 1889 г. школой политических наук. Исследование предполагало выяснение, где обучаются и как формируются высшие и средние классы, где страна берет своих парламентских деятелей, чиновников, техников, торговцев, интеллектуальную элиту. Чтобы решить поставленные задачи, Леклерк выявил главный принцип воспитания молодого поколения: ребенок должен проникнуться доминирующими нравственными ценностями в семье, школа должна их развить и укрепить. Потому собственно образование было почти исключительно классическое, ограниченное изучением древних языков. Не преподавались ни литература, ни история («эта отрасль знаний не укладывается в рамки систематических уроков»), ни география («наши ученики научатся ей, странствуя по свету»); отсутствовало всякое специальное и техническое образование. С другой стороны, в обществе не сложилось представление о необходимости среднего образования как предпосылке профессионального роста. Специальность можно было приобрести в школах профессиональных корпораций и даже на практике, что давало возможность занять соответствующие должности и без завершеного образования, а потому родители не побуждали своих детей к обучению в средних школах и университетах. Успех в торговом или промышленном бизнесе связывали с ранним, в 15–16 лет, вступлением в деловую жизнь, поэтому среднее и университетское образование рассматривали лишь в плане престижных соображений, к тому же только богатые могли воспитывать своих сыновей в университетах.. Лишь в начале XX в. в британское общественное сознание начинает внедряться понимание значения образования как необходимой предпосылки достижения успеха. В этом, по Леклерку, заторможенность процесса развития английского школьного образования, ускорить которое оказалось возможным только после вмешательства государства: реорганизации начального обучения, включая привлечение к руководству им школьных советов (1870 г.); выделении школам субсидий, что сделало обучение фактически бесплатным (1891 г.); пересмотра содержания среднего образования с включением в учебный процесс естественных наук, математики, технического

рисования, современных языков (1889 и 1891 гг.). Впервые в истории Англии образование стало делом государства с 1902 г., когда начальное и среднего образования передали советам графств.

Университеты ограничивались узким набором дисциплин: богословие, право, медицина, в Кембридже — математика. Роль университетов сводилась не столько к подготовке специалистов определенной профессии, сколько к воспитанию элиты, способной занять командные посты. Леклерк подчеркивал: «Совместная жизнь в подчинении одному и тому же уставу... сознание своей ответственности перед колледжем и университетом — этими живыми собирательными единицами, имеющими каждая свою индивидуальность, — уважение к их старым традициям, которое внушается каждому студенту, — вот из чего складывается это единственное в своем роде явление: английское университетское воспитание. Среди университетских людей Англия вербует своих государственных деятелей; ими же оно пополняет ряды своей интеллектуальной армии»¹⁰⁸.

Выше было отмечено, что в представлении англичан путь к профессии лежит через практическое обучение. Рассмотрению этой стороны английского менталитета посвящена вторая часть исследования Леклерка: профессии и общество в Англии. В ней рассмотрен процесс формирования и овладения своим местом в обществе таких социальных слоев, как коммерсанты, сельские хозяева, юристы, медики, ученые, писатели и журналисты, духовенство и педагоги, офицеры армии и флота, государственные деятели. Их социальное положение и благосостояние (при естественных отличиях каждой из этих групп) основывалось на кастовой замкнутости и незыблемой верности государственному строю. Леклерк подчеркивает: «Власть не переставала принадлежать избранной касте — аристократии двух партий, вигов и тори, тянувших за собой своих сыновей и протезе. Стипендии в публичных школах, стипендии в университетах, выборы — всем этим распоряжалась аристократия: в своем всемогуществе она могла взять ребенка от колыбели и провести его из Итона в Оксфорд и из Оксфорда в парламент. Взамен своей протекции, делающей из неизвестного человека «лицо», партия требует от него верности и услуг. Так король составляет себе лейб-гвардию из людей по своему выбору, осыпает их почестями и привилегиями, но за это ожидает от них безграничной преданности до гроба»¹⁰⁹. Как заметило *Русское богатство*, «особенный интерес книга приобретает в данный момент ввиду предполагаемой реформы средней школы. Опыт англичан и новые тенденции в средней английской школе могли бы послужить в пользу при освещении периодической печатью желательных реформ средней школы»¹¹⁰.

В один год — 1901 — на русском языке вышли две работы, посвященные просветительским и гуманитарным движениям в английском обществе, с отдельными формами проявления которых прежде русская публика могла познакомиться только по журнальным или газетным статьям. Это — книга С. Вебба и С. Вельса «Универсальные учреждения для рабочих в Лондоне»¹¹¹ и сборник статей, составленный *Уиллом Ризоном*, «Университетские и социальные поселения»¹¹². В книге У. Ризона делается попытка изложить путь, которым английские общественные деятели и мыслители пришли к осознанию необходимости личного служения в сфере филантропии. Импульсом к этому движению, по словам одного из деятелей поселений А.С. Барнета, стал общий подъем духа гуманности, желание ближе познакомиться с положением народа, а также утрата веры в то,

что обычные филантропические организации удовлетворительно решают задачу помощи обездоленным. Анонимный рецензент в *Русском богатстве*, хотя и приветствует появление такой работы в России, отмечает, тем не менее, что сборник все же рассчитан скорее на английскую публику: «В самом деле, если на нас и распространяется «общий подъем духа гуманности», то формы проявления его, фактические и желательные, не могут не быть несколько иными, благодаря совершенно иным условиям, которыми обставлена у нас всякая общественная деятельность. В Англии достаточно решить: вот в чем будет заключаться моя наиболее полезная деятельность — и начать делать так, как решил. У нас же, можно сказать, тысячи родов полезной деятельности давно намечены, давно выяснены, и существуют, быть может, кадры людей, готовых отдать им, но эта потенциальная энергия встречает непреодолимые препятствия к своему разряжению. Достаточно вспомнить судьбу некоторых просветительных обществ, роль которых была неизмеримо менее реформаторской, в социальном смысле, чем роль английских поселений»¹¹³.

В свою очередь, книга С. Вебба и С. Вельса «Универсальные учреждения для рабочих в Лондоне» посвящена образованию взрослого городского населения. Описываемые в ней организации — политехникумы — представляли собой просветительские клубы, имевшие задачей удовлетворить всевозможные духовные запросы взрослых людей, не имевших возможности получить систематическое образование. На небольшую по объему брошюру откликнулись и *Русское богатство*, и *Образование*. Особенно интересна талантливо написанная рецензия известного специалиста в области педагогики П.Ф. Каптерева и опубликованная в журнале *Образование*, которая как нельзя лучше характеризует насущность для России восприятия зарубежного опыта, и английского, в частности, в деле просвещения низших слоев общества и полезность его распространения посредством опубликования подобных работ. Значительный фрагмент текста Каптерева я привожу полностью: «Россия занимает видное место в ряду европейских держав, как значительная военная и политическая сила. Но что лежит в основе этой силы? На что опирается могущество России? Рассчитывать на одну материальную силу, на многочисленность населения и обширность территории, нельзя. Принародной бедности и народном невежестве громадное государство с необъятными владениями может легко пострадать в споре с просвещенным и богатым государством меньших размеров и меньшего населения. Дело в том, что решение международных споров очень много зависит от умственных сил страны, от количества талантов, от понимания национальных интересов массами, от общего культурного уровня народа. Малокультурное государство живет заимствованиями и подражанием более культурным, оно питается крохами, падающими со стола господ культуры, оно находится на выучке, в ученичестве у более просвещенных народов. Культурное государство на всех путях своей деятельности располагает множеством хорошо подготовленных, истинно просвещенных людей, оно в первые ряды государственно-общественных деятелей выдвигает крупные таланты, сильные умы и характеры. Малокультурное государство всюду терпит недочет в настоящих деятелях.

Вот с этой точки зрения и интересна названная брошюра. Она показывает, как высоко ценят англичане образование, как всюду стараются дать возможность

таланту выбраться на надлежащий путь, как священна для них свобода личности и общества. А вместе с тем объясняется, отчего англичане так богаты, сильны, отчего они смело и всюду протягивают свои руки и не боятся вступать в споры с со всеми народами за свои интересы. И другие народы волей-неволей должны уважать интересы англичан.

<...> Если мы сопоставим деятельность лондонских политехникумов с тем, что делается у нас для рабочих классов, если мы сравним заботы о просвещении трудовых масс там, в Англии, и здесь, в России, если мы не упустим из вида, как высоко ценятся личный почин и полная свобода и самостоятельность общественных учреждений в туманном Альбионе и на святой Руси, то невольно становится грустно, приходится признать, что в культуре мы отстали от англичан очень далеко»¹¹⁴.

Как видим, знакомство с разными сторонами жизни Англии извлекался не только из личных наблюдений, но в еще большей степени через научную литературу, а также книги других жанров. Большинство переводов на русский язык зарубежных научных и научно-популярных трудов об Англии и ее истории приходится на конец XIX – начало XX в. Общественную значимость издания в России трудов по различным аспектам британской истории подчеркивает факт участия в них в качестве авторов вступительных статей и редакторов переводов виднейших российских историков, социологов, правоведов, экономистов. «Легальный марксист» П.Б. Струве составил предисловие к книге П. Рузье «Профессиональные рабочие союзы в Англии», а также приложил статью о безработице к российскому изданию книги Дж. Гобсона «Проблемы бедности и безработицы». Академик И.И. Янжул написал предисловие к книге А. Кларка «Фабричная жизнь в Англии». Профессор В. Тотомиянц отредактировал перевод и написал предисловие к книге Дж. Холиока «Современное кооперативное движение». Профессор Д.М. Петрушевский отредактировал перевод книги У. Ризона «Университетские и социальные поселения». Многочисленные переводы на русский язык трудов крупнейших европейских и американских историков, экономистов, социологов с заинтересованностью были встречены общественностью. Приведенные примеры рецензий на них, помещенных в общественно-политических и литературных журналах свидетельствуют об этом.

Примечания

¹ Первая часть текста, посвященного переводам англоведческих работ в России и реакции на них российской научной общественности, опубликована в журнале «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории», вып. 36 (М.: ИВИ РАН, 2011) под названием «Англоведение в России: зарубежные труды по истории и государственному строю Англии в интеллектуальном пространстве империи (1860-е – 1917 г.)».

² Библиографический листок // Вестник Европы. 1897. № 12.

³ Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии: пер. с англ. М.: Кольчугины, 1898. XVIII, 331 с.

⁴ Чупров А. Предисловие // Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии. Изд. 2-е. М.: Тип. А.Д. Плещеева, 1912. С. IX.

⁵ Чупров А. Предисловие / Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии. Изд. 2-е. М.: Тип. А.Д. Плещеева, 1912. С. XVIII.

⁶ Русская мысль. 1898. № 3. С. 101.

⁷ Мир Божий. 1898. № 8. С. 90.

⁸ Русское богатство 1899. № 2. С. 72.

- ⁹ Библиография // Северный вестник. 1898. № 5. С. 51.
- ¹⁰ *Тойнби А.* Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии / Пер. с англ. с предисл. проф. А.И. Чупрова. 2-е изд. М.: Тип. А.Д. Плещеева, 1912. III–XVIII, 231 с.
- ¹¹ *Гобсон Дж.* Эволюция современного капитализма: Исследование машинного производства / Пер. с англ. под ред. А. Свирщевского, прив.-доц. Демид. юрид. лица. Ярославль: Типо-лит. Э.Г. Фальк, 1898. XV, 468 с.; *Гобсон Дж.* Эволюция современного капитализма: С предисл. авт., напис. для этого изд.: Пер. с англ. СПб.: О.Н. Попова, 1898. [2], VIII, 424 с.
- ¹² Северный вестник. 1897. № 12. С. 88.
- ¹³ *Беневоленский П.* *Гобсон.* Эволюция современного капитализма // Образование. 1899. № 2. С. 54.
- ¹⁴ *Гобсон Дж.* Джон Рёскин как социальный реформатор / Пер. с англ. П. Николаева. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, типо-литография В. Рихтер, 1899. 353 с.; *Гобсон Дж.* Общественные идеалы Рёскина. Пер. с англ. Н. Кончевской и В. Либина; ред. Д. Протопопова. СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1899. 234 с.
- ¹⁵ *Гобсон Дж.* Проблемы бедности и безработицы / Пер. с англ. Л. Гурвич; под ред. Л. Зака и С. Франка. С приложением статьи П. Струве о безработице. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1900. 366 с.; *Гобсон Дж.* Задачи бедности: Исслед. пром. положения бедных в Англии / Пер. с англ. М.В. Лучицкой; под ред. И.В. Лучицкого. Киев: Ф.А. Иогансон; Харьков: тип. И.И. Чоколова в Киеве, 1900. 228 с.
- ¹⁶ *Гобсон Дж.* Проблемы бедности и безработицы / Пер. с англ. Л. Гурвич; под ред. Л. Зака и С. Франка. С приложением статьи П. Струве о безработице. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1900. С. XIV.
- ¹⁷ *Гобсон Дж.* Империализм / Пер. с англ. и предисл. Валентина Рожицына. Харьков: Т-во потреб. о-в Юга России, 1918. 76 с.
- ¹⁸ *Гобсон Дж.* Империализм. Пер. с англ. Изд. 2. М.: УРСС, 2010. 288 с.
- ¹⁹ *Сили Дж.* Расширение Англии: Два курса лекций [проф. Дж.-Р. Сили в Кембридж. ун-те] / Пер. с послед. англ. изд. В.Я. Герда; под ред. и с примеч. В.А. Герда СПб.: Изд-во О.Н.Поповой, 1903. IV, 239 с.
- ²⁰ И.Г. Торольд Роджерс об экономической истории Англии // Русская мысль. 1896. № 10. С. 140–158; № 12. С. 116–133.
- ²¹ *Роджерс Т.* История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. / Пер. с англ. [и предисл.] В.Д. Каткова. СПб.: Тип. АО «Издатель», 1899. XX, 476 с.
- ²² Мир Божий. 1899. № 10. С. 76–77.
- ²³ *Гельд А.* Развитие крупной промышленности в Англии / Пер. с нем. Н.С. Т-ва. СПб.: Тип. Пороховщикова, 1899. 264 с.; *Гельд А.* Социальная история Англии / Пер. П. Шутякова. Вып. 1. СПб.: Тип. Монтвида, 1907. 144 с.
- ²⁴ *Гиббинс Г.* Очерк истории английской торговли и колоний / Пер. с англ. А.В. Каменского. СПб.: О.Н. Попова, 1899. [6], 123 с.; *Гиббинс Г.* Промышленная история Англии / Пер. с англ. с прим., предисл. А.В. Каменского. СПб.: О.Н. Попова, 1895. 162 с.; *Гиббинс Г.* Промышленная история Англии / Пер. с 4-го англ. изд. А.В. Каменского. 2-е изд., доп., с примеч. и прил. СПб.: О.Н. Попова, 1898. 238 с.
- ²⁵ *Эшли У.Дж.* Экономическая история Англии в связи с экономической теорией / Пер. Н. Муравьева; под ред. Д.М. Петрушевского. М.: М.И. Водовозова, 1897. XVI. 814 с.
- ²⁶ Русское богатство. 1898. № 5. С. 54.
- ²⁷ *Кеннингем В.* Рост английской промышленности и торговли: Ранний период и средние века / Пер. с 3-го англ. изд. [и предисл.] Н.В. Теплова. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1904. XVIII, 592 с.
- ²⁸ Предисловие переводчика // Кеннингем В. Рост английской промышленности и труда. Ранний период и средние века / Пер. с 3-го англ. изд. [и предисл.] Н.В. Теплова. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904. С. X.
- ²⁹ Мир Божий. 1904. № 5. С. 106, 108.
- ³⁰ *Кеннингем В.* Западная цивилизация с экономической точки зрения: (Средние века и новое время) / Пер. с англ. П. Канчаловского, с предисл. проф. Моск. ун-та Л.А. Мануилова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1903. VIII, 271 с.
- ³¹ *Мануилов Л.А.* Предисловие // Кеннингем В. Западная цивилизация с экономической точки зрения: (Средние века и новое время) / Пер. с англ. П. Канчаловского, с предисл. проф. Моск. ун-та Л. А. Мануилова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова. С. V.
- ³² Мир Божий. 1904. № 5. С. 106.
- ³³ *Джордж Г.* Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Исследование тарифного вопроса / Пер. С.Д. Николаева. М.: Изд. «Посредника», 1903. [2], II, 326, [1] с.
- ³⁴ Мир Божий. 1904. № 5. С. 108.
- ³⁵ *Трайль Г.Д.* Общественная жизнь Англии: религия, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи в их историческом развитии от древнейшего периода до настоящего времени. В 6 т. / Пер. с англ. П. Николаева. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1896–1899.

- ³⁶ *Трайль Г.Д.* Указ. соч. Т. I. М., 1896. С. 2.
- ³⁷ *Трайль Г.Д.* Указ. соч. Т. I. С. 11.
- ³⁸ *Трайль Г.Д.* Указ. соч. Т. I. С. 14.
- ³⁹ *Трайль Г.Д.* Указ. соч. Т. I. С. 25.
- ⁴⁰ *Трайль Г.Д.* Указ. соч. Т. I. С. 29.
- ⁴¹ Мир Божий. 1897. № 1. С. 72, 75.
- ⁴² Мир Божий. 1897. № 9. С. 64–65.
- ⁴³ *Ностиц Г.* Рабочий класс Англии в XIX столетии: Из общественной истории нашего времени / Пер. с нем. П. Николаева. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1902. 741 с.
- ⁴⁴ *Ностиц Г.* Указ. соч. С. 82–83.
- ⁴⁵ *Ностиц Г.* Указ. соч. С. 178.
- ⁴⁶ *Ностиц Г.* Указ. соч. С. 223.
- ⁴⁷ *Ностиц Г.* Указ. соч. С. 511.
- ⁴⁸ *Кларк А.* Фабричная жизнь в Англии / Пер. с англ. А.Н. Коншина; с предисл. акад. И.И. Янжула. М.: Изд. «Посредник», 1904. 116 с.
- ⁴⁹ *Янжул И.* Предисловие // Кларк А. Фабричная жизнь в Англии. М.: Изд. «Посредник», 1904. С. 11–12.
- ⁵⁰ Мир Божий. 1904. № 4. С. 128.
- ⁵¹ *Ширард Р.* Белые рабы Англии / Пер. с англ. А.Н. Коншина; с 28 рис. худ. Г. Пиффарда. М., 1904. 106 с.
- ⁵² Русская мысль. 1905. № 1 С. 21–22.
- ⁵³ *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии: пер. с нем. СПб.: Молот, 1905. 240 с.; *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии / Пер. с нем. Е.К. и И.Н. Леонтьевых. СПб.: Обществ. польза, 1905. 319 с.
- ⁵⁴ Тип. по: *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения: в 9 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. С. 227.
- ⁵⁵ *Гаммедж Р.Д.* История чартизма / Пер. с англ. А.В. Погожевой. СПб.: Дело, 1907. 506 с.
- ⁵⁶ *Гаммедж Р.Д.* Указ. соч. С. VI.
- ⁵⁷ *Сиротский Ф.Г.* [Л. Герасимов] Рецензия на книгу: Гаммедж Р. История чартистского движения // Современный мир. 1907. № 2. С. 86–87.
- ⁵⁸ *Изгоев А.С.* Рецензия на книгу: Гаммедж Р. История чартистского движения // Русская мысль. 1907. № 2. С. 41, 42.
- ⁵⁹ *Сторожев В.* Рецензия на книгу: Гаммедж Р. История чартистского движения // Образование. 1907. № 4. С. 98–99.
- ⁶⁰ *Рузье П.* Профессиональные рабочие союзы в Англии / Пер. с франц. под ред. и с предисл. П. Струве. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1898. VIII, III, 340 с.
- ⁶¹ *Рузье П.* Указ. соч. С. 1.
- ⁶² Мир Божий. 1898. № 12. С. 74.
- ⁶³ *Струве П.* Предисловие к русскому переводу // Рузье П. Профессиональные рабочие союзы в Англии / Пер. с франц. под ред. и с предисл. П. Струве. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1898. С. I–II.
- ⁶⁴ Русское богатство. 1898. № 11. С. 91, 92.
- ⁶⁵ *Фаньо Ф.* Рабочее профессиональное движение в Англии. Краткий исторический очерк / Пер. с франц. Вл. Эльцина под ред. И. Гольденберга. СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1906. 72 с.
- ⁶⁶ Указ. соч. С. 3.
- ⁶⁷ *Вебб С., Кокс Х.* 8-ми часовой рабочий день / Пер. Д.Л. Муратова. СПб.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. 312 с.; 2-е изд. СПб.: Изд. и тип. Т-ва «Общественная польза, 1904.
- ⁶⁸ Русское богатство. 1893. № 8. С. 64.
- ⁶⁹ *Вебб С.* Положение труда в Англии за последние 60 лет. СПб.: Изд. Н.И. Березина и М.Н. Семенова; Типо-литогр. Я. Кровицкого, 1899. 32 с.
- ⁷⁰ Русское богатство. 1899. № 2. С. 67.
- ⁷¹ *Ангарский В.* Рецензия на книгу: Сидней Вебб. Положение труда в Англии за последние 60 лет // Образование. 1899. № 12. С. 66.
- ⁷² *Вебб С. и Б.* История рабочего движения в Англии / Пер. с англ. Г.А. Паперна. СПб.: Ф. Павленков, 1899. [2], 363 с.
- ⁷³ М. П–в. Рецензия на книгу: С. И Б. Уэбб. История рабочего движения в Англии // Мир Божий. 1900. № 7.
- ⁷⁴ *Степанов И.* Рецензия на книгу: С. И Б. Уэбб. История рабочего движения в Англии // Образование. 1900. № 12. С. 69.

- ⁷⁵ Степанов И. Рецензия на книгу: С. И. Б. Уэбб. История рабочего движения в Англии // Образование. 1900. № 12. С. 68.
- ⁷⁶ Вебб С. и Б. Теория и практика английского трэд-юнионизма / Пер. с англ. Владимира Ильина [В. Ульянова-Ленина]. Т. 1–2. СПб.: О.Н. Попова, 1900–1901.
- ⁷⁷ В 1904 г. она была опубликована снова, но уже с правильным названием — «История трэд-юнионизма» (СПб.: Изд. Павленкова, 1904).
- ⁷⁸ Русская мысль. 1899. № 12. С. 464.
- ⁷⁹ Русская мысль. 1899. № 12. С. 464.
- ⁸⁰ Мир Божий. 1900 № 1. С. 90, 94.
- ⁸¹ Мир Божий. 1900. № 7. С. 107.
- ⁸² Холиоок Дж.Дж. История рочдэльских пионеров / Пер. с 10 англ. изд. С. Цедербаума; Под ред. прив.-доц. В.Ф. Тотомианца. М.: Труд, 1914. XXIV. 216 с.
- ⁸³ Холиоок Дж.Дж. Современное кооперативное движение / Пер. с англ. Ю. Вес[еловс]кого; под ред. [и с предисл.] В. Тотомианца. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 156 с.; Холиоок Дж.Дж. Современное кооперативное движение / Пер. с англ. Ю. Веселовского; под ред. (и с предисл.) проф. В. Тотомианца. Пг.: [«Мысль»], 1918. 150 с.
- ⁸⁴ Ностиц Г. Рабочий класс Англии в XIX столетии: Из общественной истории нашего времени. М., 1902. С. 291–326.
- ⁸⁵ Уэбб Б. Кооперативное движение в Англии / Пер. с англ. Н. и С. Алексеевых. СПб.: Изд. И. Балашова, 1905; Вебб Б. Кооперативное движение в Великобритании / Пер. с англ. С.И. Цедербаум. М.: Моск. союз потреб. о-в, 1917. 164 с.
- ⁸⁶ [Л. Б.] Рецензия на книгу: Б. Уэбб. Кооперативное движение в Англии // Мир Божий 1905. № 8. С. 131.
- ⁸⁷ Русское богатство. 1905. № 6. С. 85.
- ⁸⁸ Бутс В. В трущобах Англии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. Р.И. Сементковского. СПб.: Изд. Ф. Павленкова; Тип. И.Г. Салова, 1891. XVI, 340, VI с.
- ⁸⁹ Сементковский Е.И. Предисловие переводчика // Бутс В. В трущобах Англии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова. 1891. С. III.
- ⁹⁰ Янжул И.И. В трущобах Англии // Янжул И.И. В поисках лучшего будущего. Социальные этюды. СПб.: Изд. Н.П. Карбасникова., 1893. С. 206.
- ⁹¹ Сементковский Е.И. Предисловие переводчика // Бутс В. В трущобах Англии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова. 1891. С. XII.
- ⁹² Фауль Т. Призрение бедных в Англии / Пер. с англ. А.М. Белова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 211 с.
- ⁹³ Мир Божий. 1900. № 1. С. 97.
- ⁹⁴ Ашротт П.Ф. Развитие призрения бедных после 1885 г. // Трудовая помощь. 1898. № 7. Май. Отдел II. С. 1–25; № 8. Июнь. Отдел II. С. 113–115.
- ⁹⁵ Ашротт П.Ф. Призрение бедных в Англии. Историческое развитие и теперешнее состояние его / Пер. М. Краснов. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. 616 с.
- ⁹⁶ Там же. С. III–IV.
- ⁹⁷ Там же. С. IV–V.
- ⁹⁸ Метен А. Социализм в Англии: современные тенденции и пропаганда, Р. Овен и чартисты, Карлейль, Рёскин, Вилльям Моррис, христианство и социализм, национализация земли, социал-демократы и фабианцы, трэд-унионы и независимая рабочая партия, анархия: пер. с фр. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1898. 370 с.
- ⁹⁹ Социализм в Англии: Сборник статей английских социалистов [Вильяма Морриса, Сиднея Вебба, Х.В. Гайндман и др.] / Сост. С. Веббом; пер. с нем. изд. [и предисл.] д-ра Г[анс] [Курелла]. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. 232 с.
- ¹⁰⁰ Джордж Г., Гайндман Х.В. Единый налог или социализм для блага народа / Пер. с англ. Бакша; под ред. В.В. Битнера. СПб.: «Вестн. Знания» (В.В. Битнера), 1910. 32 с.
- ¹⁰¹ Русское богатство. 1898. № 11. С. 89.
- ¹⁰² Вебб С. Предисловие // Социализм в Англии: Сборник статей английских социалистов [Вильяма Морриса, Сиднея Вебба, Х.В. Гайндман и др.] / Сост. С. Веббом; пер. с нем. изд. [и предисл.] д-ра Г[анс] [Курелла]. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. С. 7.
- ¹⁰³ Л.Б. Рецензия на книгу: Социализм в Англии // Образование. 1907. № 7. С. 139.
- ¹⁰⁴ Сиротский Ф.Н. [Л. Герасимов] Рецензия на книгу: Социализм в Англии // Современный мир. 1907. № 4. С. 88.
- ¹⁰⁵ Л.Б. Рецензия на книгу: Социализм в Англии // Образование. 1907. № 7. С. 139.

¹⁰⁶ Деможо И., Монтуччи Г. Средние учебные заведения в Англии и Шотландии: Отчет, представл. министру нар. образования. М.: Изд. П.Н. Юшенова и Г.И. Коппа, 1870. VIII, 675 с.

¹⁰⁷ Леклерк М. Воспитание и общество в Англии / [Предисл.: Э. Бутми]; Пер. М.А. Шишмаревой. СПб.: Тип. Т-ва «Народная польза», 1899. 516 с.

¹⁰⁸ Там же. С. 224.

¹⁰⁹ Там же. С. 423.

¹¹⁰ Русское богатство. 1899. № 6. С. 83.

¹¹¹ Вебб С., Вельс С. Универсальные учреждения для рабочих в Лондоне: (Лондонские политехникумы) / Пер., снабдил прим. и доп. двумя ст. П.Г. Мижув. СПб.: Ред. журн. «Техн. образование», 1901. 94 с.

¹¹² Ризон У. Университетские и социальные поселения: [Сборник статей Ольдена, Бернета, Скотти и др.] / Пер. с англ. Е.С. Петрушевской; Под ред. проф. Д.М. Петрушевского. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1901. [4], 244 с.

¹¹³ Русское богатство. 1901. № 11. С. 26–27.

¹¹⁴ Кантерев П.Ф. Рецензия на книгу: Сидней Вебб и С. Вельс. Универсальные учреждения для рабочих в Лондоне: (Лондонские политехникумы) // Образование. 1901. № 5–6. С. 113–114, 116.

Е.В. Лежнина

**РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ИРЛАНДИИ
КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ
В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

*Мы достаточно религиозны, чтобы ненавидеть,
но недостаточно религиозны, чтобы любить друг
друга.*

*Джонатан Свифт
«Размышления на разные темы», 1711*

*Ирландский протестантизм — это не религия;
это одна из политических сторон, это — классовый
предрассудок, убежденность в том, что католики —
существа социально низшие, которые отправятся
в ад, когда умрут, и оставят рай в исключительное
владение протестантских леди и джентльменов.*

Джордж Бернард Шоу, 1898

Идентичность человека на протяжении тысячелетий определялась его религиозным сознанием и конфессиональной принадлежностью. Трансцендентность религии позволяла личности рассматривать свою жизнь в контексте вечности, придавать смысл своему земному существованию и в то же время определять положение индивида в окружающем его мире.

В традиционном обществе, сохранившем свои очертания в Европе вплоть до XVIII столетия, тип религиозного сознания формировал взгляды на социальное и политическое устройство и выступал регулятором социальных отношений. Человек, считающий себя частью определенной религиозной конфессии, без колебания одобрял общепринятую среди его единоверцев политическую модель, нормы правопорядка, систему общественных отношений. Выдающийся советский философ И.С. Кон отмечал, что в прошлом «религиозные ценности локализовались в определенном физическом пространстве и имели территориальные границы, а иерархия индивидуальных способностей и возможностей совпадала с социальной иерархией»¹.

Стремление к конфессиональной независимости и автономности структур является специфической чертой развития большинства протестантских церквей². Но в истории Ирландии протестантизм сыграл совсем иную роль. Населенный католиками «Зеленый остров» еще в первой трети XVII века стал для английских англикан «пробным камнем для религиозного обоснования колонизации»³. Утвержденная в результате кромвелевского нашествия англиканская церковь на острове была ответвлением английской Высокой церкви. Соответственно, пришедшие в 1650-х годах с войсками Оливера Кромвеля протестанты стали авангардом армии борцов с католицизмом, религией местного гэльского населения, и проводниками английской политики на интегрируемых в нарождающуюся Британскую империю землях. Следовательно, анализ коллективного сознания ирландских протестантов, определение их роли в экономике и политике колонизированных земель — важнейший элемент в характеристике устройства послереволюционной Ирландии XVII – начала XVIII веков и разъяснения содержания этнорелигиозных и политических конфликтов, определивших направление развития острова в течение последующих столетий.

Начало отечественного «ирландоведения» восходит к рубежу XIX–XX веков, периоду, когда в британском парламенте и английских общественных кругах страстно обсуждался вопрос о статусе «Зеленого острова», а в самой Ирландии набирало силу национально-освободительное движение. На страницах российских газет и журналов, таких как «Вестник Европы», «Дела», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Современник», «Юридический вестник», живо обсуждались положение ирландской экономики и общественной жизни, дискуссии по ирландскому вопросу в английских правящих кругах и деятельность ирландских патриотов. В свет выходили брошюры, знакомившие неподготовленного читателя с историей и современными проблемами далекого острова⁴. В то же время авторитетные ученые погрузились в изучение прошлого страны чтобы не только ближе познакомиться с истоками ирландского конфликта но и, проследив эволюцию англо-ирландских отношений в течение столетий, лучше понять в механизмы подчинения одной нации другой.

Первым из российских дореволюционных исследователей, проникшихся ирландской темой, стал Г.Е. Афанасьев, приватдоцент Одесского университета, после 1918 года — профессор Белградского университета (Сербия), специалист по экономической истории Франции. Первым опытом обзора ирландской истории стала его книга «Судьбы Ирландии»⁵, изданная в 1884 году, которая, по мнению самого автора, содержала «много пробелов»⁶. В 1904 году Г.Е. Афанасьев прочитал небольшой курс публичных лекций по истории Ирландии от средневековья до конца XIX века в Киеве в рамках работы «Исторического общества Нестора Летописца». Тремя годами позднее курс лекций был напечатан отдельной книгой, а ровно через столетие переиздан вновь.

«История Ирландии» с первых страниц поражает воображение читателя обилием примеров страданий ирландского народа, угнетений со стороны поработивших их англичан, что позволяет назвать критикам назвать этот труд «историей изнутри, с ирландских же позиций», «непоследовательным чередованием стадий — угнетение, нищета, голод — восстание, борьба — труд, торговля — восстание — нищета, угнетение — заговор — сельское хозяйство — нищета»⁷. Некоторая «тенденциозность» книги вполне компенсировалась глубоко личностным

отношением автора к раскрываемым проблемам и реалистичностью изложения событий XIX столетия⁸. Сам Г.Е. Афанасьев определял историю острова как «борьбу национальностей», понимаемую автором как стремление одного народа одержать вверх над другим в политическом, экономическом и культурном плане, и как столкновение «двух мировоззрений», представляемое историком в виде противостояния двух форм собственности — частной английской и общинной ирландской⁹.

Тем не менее, основной акцент в своей работе Г.Е. Афанасьев делает на религиозных отношениях, доминирующих в истории страны с XVI до первой половины XIX века, на долгом противостоянии многочисленных католиков — коренных ирландцев либо англичан, переселившихся на остров до Реформации, и протестантов. Исследователь был убежден, что источник религиозного конфликта в Ирландии — «не в свойстве той или иной религии, а в той или другой степени нетерпимости, свойственной известному общественному состоянию, порождаемому весьма разнообразными причинами», а именно, «возбуждением религиозного чувства параллельно со слабостью научного просвещения», а также существующим и в современном мире «политическим принципом» единства государства и церкви¹⁰.

Одним из ключевых периодов в истории Ирландии в развитии религиозно-политической борьбы католиков и протестантов, согласно Г.Е. Афанасьеву, стал конец XVII века, когда от политического выбора жителей острова зависела судьба английского парламентаризма и протестантской веры. Поддержка ирландскими католиками низвергнутого с английского престола Якова II Стюарта «ставила в сомнительное положение дело Вильяма и в Англии, особенно ввиду той помощи, на которую мог рассчитывать Яков со стороны Франции»¹¹.

От ирландских католиков в случае победы над протестантами ожидали политических гонений, земельных конфискаций, отлучения за религиозные притеснения. Но признание веротерпимости ирландским парламентом в 1689 году продемонстрировало справедливость и гуманность ирландских католиков, что, по мнению Г.Е. Афанасьева, что опровергало сложившийся в представлении англичан стереотипный образ ирландца как дикаря и предателя. В то же время с победой «оранжистов», то есть сторонников Вильгельма Оранского, «над некогда благодатным Зеленым Островом опускается ночь мучений, ночь долгая, бесконечная, без света, без лучей»¹².

Голод и болезни, лишения политических прав, малоземелье и притеснения английских лендлордов, монополии и разрушение местной промышленности, унижающие достоинство человека законы — неполный перечень преступлений, совершенных пришедшими к власти протестантами в период с 1690 года и до середины XVIII столетия. Проводимая английскими протестантами после поражения Якова II политика национальных и религиозных притеснений, в изложении Г.Е. Афанасьева нашла неожиданную аналогию с политикой российского правительства, а именно с реалиями крепостного права. Как отмечает автор, «одинаковые условия общественной жизни в различное время и в различных странах создают схожие явления, порождают одинаковые нравы»¹³.

Образ поработителя-протестанта, запечатленный на страницах «Истории Ирландии» так же груб и безнравственен, как и нравы прежних лендлордов-католиков и русских помещиков-крепостников. Дуэли, скачки, петушиные бои;

расточительность, пьянство и невежество — праздность и пороки, сформировавшие коллективный портрет жителя Ирландии, вне зависимости от его этнической и религиозной принадлежности, основанный на местных традициях и нравственной нищете. Одной из причин появления схожих черт у коренных ирландцев-католиков и пришедших англичан-протестантов Г.Е. Афанасьев считал «денационализацию» англичан, под которой он подразумевал не только отказ от как прежней этнической, и от религиозной принадлежности. Так произошло с колонистами времен Елизаветы I, солдатами Оливера Кромвеля и Вильгельма Оранского. Соответственно, закон 1697 года, запрещавший в Ирландии браки католиков и англичан, и последующие запрет на смешанные браки на острове был интерпретирован Г.Е. Афанасьевы не столько как карательная мера, а как способ защитить немногочисленную протестантскую верхушку от «полного одичания» и скатывания страны к анархии¹⁴.

В то же время праздный характер высшего класса подчиненной Англией протестантской Ирландии сформировался в результате политического бездействия. «В то время, как в Англии поместный класс ставит себе целью участие в общественной жизни, начиная с парламента и кончая местным управлением, ирландские джентри совершенно чужды этого стремления»¹⁵. Он отмечает это явление негласным договором, заключенным между англиканским дворянством колонии и метрополии, тем, что в конце XVII – начале XVIII веков «протестанты Ирландии смотрели на английское правительство, как на своего естественного защитника против врага, и ради этой защиты готовы были поступиться своими политическими правами»¹⁶.

Своеобразным «лучом света» на «дне мрачной пропасти», «огоньком» в «беспроектной тьме» стало начавшееся в среде ирландских протестантов умственное движение. Начало национального подъема не в среде католиков, а протестантов автор «Истории Ирландии» связывает, прежде всего, с большой «забитостью» коренных жителей, неспособных «сделать первые шаги по пути своего освобождения»¹⁷. Другой, указанный автором фактор, — распространение в протестантской среде Англии и Ирландии деизма, ставшего в период господства англиканизма выражением религиозного вольнодумства, более или менее скрытого отрицания религии как таковой¹⁸.

Первым этапом этого общественного движения Г.Е. Афанасьев считает появление памфлета Молине «Положение Ирландии», критиковавшего всю несправедливость английской политики в отношении к Ирландии, прежде всего приниженность ирландского парламента, но пока не выходящее за рамки интеллектуальных кругов, увлекавшихся политической теорией Джона Локка и других деятелей английского просвещения. Вторым этапом в развитии оппозиции в Ирландии стал, по мнению исследователя, выход в 1720-х годах памфлетов Джонатана Свифта, таких как «Краткий обзор положения Ирландии», «Предложение об общем употреблении ирландской мануфактуры» и «Письма суконщика», ставивших в вину англичанам уничтожение ирландского ремесла и мануфактуры. Как подчеркивает автор, на втором этапе «движение проявляется среди протестантского населения и, следовательно, чуждо религиозных интересов и сосредоточено пока только на вопросах исключительно политических»¹⁹. Третьим периодом, в течение которого борьба за свободу Ирландии и, прежде всего, за независимость ирландского парламента проходит при «сближении католиков

с протестантами» на фоне «снижения религиозного фанатизма», отхода от дихотомии «папист» — «протестант», становится середина XVIII века²⁰.

Подводя итоги политико-религиозных конфликтов, Г.Е. Афанасьев заявляет, что английским колонизаторам удалось истребить часть ирландского народа, но «ничего, кроме позорного клейма перед лицом Европы и всего цивилизованного мира» они не получили. Несомненно, российский историк выразил общее для прогрессивной общественности своего времени мнение не столько по отношению к английской политике XVII–XVIII веков, а к позиции современников ему политиков, с которыми пытались бороться «лучшие люди в роде Гладстона». В то же время устойчивость ирландского народа к бедам и страданиям Г.Е. Афанасьева объяснял принадлежностью ирландцев к группе «культурных» народов, обладающих богатой историей и самобытной культурой²¹. Встав на проирландские позиции, российский историк оказался под влиянием романтической идеологии культурного национализма, носителями которой были ирландские патриоты второй половины XIX века.²² Основой этой культуры стала католическая религия, отказ от которой воспринимался ирландцами как потеря духовного стержня и обращение народа в рабское состояние.

После победы в России Октябрьской революции 1917 года изучение Ирландии становится все более и более привлекательным для отечественных исследователей. За несколько десятилетий складываются центры изучения ирландского прошлого в Москве, Ленинграде, Горьком, Воронеже, выпускаются монографии и печатаются статьи. Однако в течение последующих семидесяти лет появляются лишь две общие работы по истории «Зеленого острова»: сразу после революции выходит небольшой очерк П.М. Керженцева²³, а в начале 1980-х годов — коллективный труд «История Ирландии»²⁴.

На формирование «советского» взгляда на процессы, протекающие на острове, оказала влияние работа Ф. Энгельса «История Ирландии», написанная в 1870 году и задуманная автором как обзор событий ирландского прошлого с древнейших времен до конца XIX века, но не завершенная из-за политических событий в Европе. В составленном плане работы над книгой вся история страны хронологически делилась на два периода — «английские завоевания», продолжавшиеся от первого вторжения в Ирландию английских рыцарей в XII веке до Лимерикского договора, заключенного в 1691 году ирландскими повстанцами и английским командованием, и период «английского господства» в Ирландии, охватывающий время после этого события²⁵.

Изучением второго ирландского восстания 1689–1691 годов²⁶, ставшего ключевым рубежом в истории острова, согласно хронологии, предложенной Ф. Энгельсом, занимались Ю.М. Сапрыкин²⁷ и Э.П. Телегина²⁸. Рассматривая ирландское восстание конца XVII как последний этап многовекового английского завоевания, Ю.М. Сапрыкин отмечал его двойственный характер. Он полагал, что идейными вдохновителями восстания были Яков II Стюарт и англичане-роялисты, видевшие цель борьбы в победе над Вильгельмом Оранским и в восстановлении в Англии абсолютизма при сохранении английского господства в Ирландии. В то же время другая часть якобитов — католики из англо-ирландцев, потомков английских переселенцев, и ирландцев стремились к освобождению Ирландии от английского господства²⁹. Тем не менее стоит признать, что данное восстание привлекло гораздо меньше внимания советских специалистов,

чем восстание 1641 года и кромвелевское нашествие на Ирландию, которые рассматривались и как эпизод ирландской истории, и как событие английской буржуазной революции XVII столетия.

Под влиянием марксистско-ленинского учения, выделявшего в качестве ведущего фактора общественного развития социально-экономические отношения, и слабо учитывающего культурно-религиозные аспекты, намечаются ключевые темы в исследовании ирландской истории эпохи окончательного порабощения «Зеленого острова» Англией, так называемого «периода действия карательных законов»³⁰. Стоит отметить, что политико-религиозный аспект англо-ирландских противоречий конца XVII–XVIII веков изучался лишь через призму социально-экономических отношений. «Карательные законы», вводившиеся против ирландских католиков, расценивались К. Марксом как «перемещение «собственности» из рук католиков в руки протестантов или превращения «англиканства» в юридическое обоснование права собственности»³¹. В коллективной монографии «История Ирландии» в качестве основных «карательных законов» фигурируют, прежде всего, акты аграрного законодательства, цель которых — «внеэкономическое принуждение ирландского крестьянина, насильственное навязывание ему кабальных форм эксплуатации иноземными лендлордами», а также меры по уничтожению местной промышленности³².

Итоги земельной политики колонизаторов Ирландии подводит Л.А. Каверина. Она отмечает, что в результате конфискаций XVII века католическая часть населения потеряла 9/10 земли, а «карательный кодекс» действовал во всех районах Ирландии, за исключением северо-востока, где протестанты после 1691 года составляли большинство населения³³. Важным шагом в изучении положения представителей различных религиозных групп стало то, что Л.А. Каверина отметила разницу в религиозно-правовом статусе всех религиозных слоев ирландского населения, в число которых вошли католики, пресвитериане и члены других диссентерских сект, а также протестанты, под которыми подразумевались англикане³⁴.

Протестантское патриотическое движение Ирландии, пробудившееся на рубеже XVII — XVIII веков, не получило должного освещения в трудах советских историков. Подвиг Уильяма Молиньо³⁵, впервые открыто выступившего с критикой английского режима в Ирландии перед Дублинским парламентом, едва упомянут в «Истории Ирландии»³⁶. Подлинным патриотом, «глашатаем оппозиционного общественного мнения» своей страны был провозглашен Джонатан Свифт, в котором видели «защитника трудящихся» и «обличителя социальных зол»³⁷. Показательно, что в отечественной историографии Свифт воспринимался исключительно как английский писатель и просветитель³⁸.

Одним из направлений изучения истории Ирландии в советской историографии стало освещение проблемы Ольстера, северо-восточной части Ирландии. Долгое время считалось, что корни этого конфликта сформировались в конце XIX – начале XX века, в результате политических баталий английских либералов и консерваторов. Лишь в 1960-х годах выходят работы, в которых доказывается, что североирландская проблема возникла одновременно с колонизацией Ольстера, принявшей массовый характер после «Славной революции». Происхождению и эволюции североирландского конфликта посвящены исследования А.Д. Колпакова³⁹, М.Е. Орловой⁴⁰, Ж.А. Лихачевой⁴¹, Е.Ю. Поляковой⁴². Авторы признали

неоднородность протестантской общины Ирландии, наличие в ее структуре последователей шотландских пресвитериан и приверженцев епископальной англиканской церкви, а также согласие с наличием проблемы диссентеров Ольстера — несоответствие их низкого политически-правового статуса и растущего финансового благополучия⁴³.

Без сомнения, советский период в изучении взаимоотношений католиков и протестантов Ирландии конца XVII – начала XVIII веков отличается тенденциозностью. Атеистическое мировоззрение советских историков не позволяло им рассматривать религиозную веру как действенный рычаг экономических и политических процессов. Межконфессиональные проблемы Ирландии оттеснялись на задний план, вместо конфликта «католик» — «протестант» рассматривалось противоречие «ирландский крестьянин» — «английский лендлорд», положение ирландских протестантов «англо-ирландцев» оставалось туманным, проблемы ирландских диссентеров нашли лишь поверхностное отражение в литературе как предыстория религиозно-политических конфликтов Северной Ирландии в XX веке.

Современный этап изучения истории Ирландии в России характеризуется отходом от традиционной для советской историографии тематики, использованием новейших методологических подходов, ранее недоступных для отечественных исследователей источников и литературы. Проведение международных конференций по проблемам Ирландии, создание центра ирландских исследований Шэврок под Патронатом правительства Ирландии в России (г. Воронеж), организация совместных научных изысканий, издание источников, отправка студентов и преподавателей на стажировку в колледжи и университеты Республики Ирландия безусловно способствовали развитию ирландского направления российской исторической науки.

Под пристальным вниманием ученых оказались как традиционные для отечественного «ирландоведения» темы, так и новые вопросы и проблемы. Применительно к концу XVII – началу XVIII столетий наиболее существенным стало появление свежего взгляда на Ирландское восстание 1689–1691 годов, нашедшего отражение в статье К.А. Алексева⁴⁴. Автор исследования не претендует на новаторскую по меркам мировой исторической науки оценку восстания, но развенчивает некоторые «мифы» советской историографии. В частности, К.А. Алексеев доказывает, что событиям XVII века предшествовало значительное укрепление положение католиков, как в области гражданских прав, так и в сфере землевладения. Тем самым он опровергает ставший «классическим» тезис о постоянном усилении английского гнета в Ирландии, начиная с эпохи Реформации, и подтверждает обоснованность опасений ирландских протестантов, боявшихся за свою жизнь и имущество во время восстания⁴⁵. Исследователь подчеркивает не элитарный, а народный характер движения якобитов, утверждая, что основу пятидесяти пяти тысячной армии низвергнутого с трона короля составили крестьяне⁴⁶. Поражение восстания, согласно точке зрения К.А. Алексева, — следствие целого комплекса факторов: непродуманности военных операций, плохой подготовка солдат, слабого уровня финансового и материально-технического обеспечения армии (недостатка средств у командования, отсутствия флота и артиллерии), морального разложение разочаровавшихся в своем лидере католиков. В то же время он подчеркивает тактическое и военное превосходство противника.

Роковой для якобитов ошибкой стал «отказ от наступательных действий, потеря стратегической инициативы»⁴⁷. В итоге К.А. Алексеев приходит к выводу, что «не англичане завоевали Ирландию, подавив восстание, а сами ирландцы, капитулировав, прекратили сопротивление и потеряли страну»⁴⁸.

По вопросу о роли религии и религиозного сознания в событиях 1689–1691 годов К.А. Алексеев занимает противоречивую позицию. Он полагает, что главным мотивом, толкавшим ирландских католиков к вступлению в армию, была не религия, а земельный интерес, но одновременно отмечает «религиозную мнительность», повлиявшую на моральное состояние армии. Среди целей, которые преследовали ирландцы — участники восстания для него на первом месте все же стоит «национальное и религиозное освобождение страны»⁴⁹.

Дополнительные оценки ирландского восстания конца XVII столетия и обзор последующих событий представлены в первом томе фундаментального исследования «Три века Ирландии»⁵⁰, автором которого стал специалист по истории ирландского национально-освободительного движения XVIII–XIX веков А.В. Мирошников. Неоспоримым достоинством работы является использование «комплексного прочтения истории Ирландии», заключающегося в выделении в каждом из исторических этапов «три основные линии — политической и социальной истории; культуры; общественных событий», что позволяет «ярче и нагляднее представить Ирландию и ирландцев»⁵¹. Стоит также отметить, что в качестве приложения А.В. Мирошников предоставляет ранее неопубликованные в России документы по ирландской истории, что улучшает источниковую базу научных исследований. Анализ предложенного текста наводит на мысль, что А.В. Мирошников в большей степени продолжает традиции современной зарубежной историографии, нежели воспринимает опыт отечественных исследований. Он выступает новатором в определении объектов для исследования, вводит в научный оборот новую терминологию, использует оригинальное прочтение имен и географических названий.

Ирландское восстание XVII века в монографии А.В. Мирошникова не является самодостаточной темой: автор схематично излагает хронологию событий. В то же время он рассматривает восстание не как отвлеченный предмет, а как часть живой, постоянно влияющей на современность истории. В частности, он придает событиям 1689–1691 годов яркость и достоверность с помощью оранжистской поговорки, славящей Уильяма III (Вильгельма III) за освобождение Ирландии «от папства, медяков и деревянных башмаков»⁵², а религиозный характер восстания подчеркивает описанием ежегодного пышного празднования победы протестантов при Бойне жителями Северной Ирландии⁵³.

Более подробно А.В. Мирошников характеризует режим «протестантского господства» (1691–1803 гг.), по сути основанный на применении «карательных законов». Верхушкой ирландского общества он считает «предпринимателей», заполнивших Дублинский парламент и выступавших посредниками между простым населением острова и английским правительством, в то же время подчеркивая роль англичан, доминировавших в палате лордов. Несомненно, политической элитой ирландского общества, по мнению А.В. Мирошникова, вплоть до середины XVIII века оставалось высшее англиканское духовенство.

Без сомнения, книга А.В. Мирошникова стала первым отечественным исследованием, которое представило рельефный образ протестантско-католической

Ирландии. Кратко он описывает структуру политических течений протестантского парламента, во многом ставших продолжением соответствующих партий в английском парламенте, определяет роль ирландцев в якобитском движении в поддержку бежавшего во Францию Джеймса II (Якова II), отмечает стремление местной протестантской аристократии к объединению с Англией по примеру заключенной в 1709 году унии Англии и Шотландии⁵⁴. Работа А.В. Мирошников не дает ответов на все возникающие в процессе прочтения вопросы, но стимулирует читателя к творческому поиску, к стремлению самостоятельно разобраться в специфике сложных взаимоотношений жителей Ирландии и правительства метрополии. При этом отмечается стремление автора обратить внимание на «белые» пятна ирландской истории.

Деятельность борцов за свободу «Зеленого острова» в рассматриваемый период не является темой отдельного исследования современных историков. А.В. Мирошников лишь упомянул о произведении У. Молиньюкса⁵⁵, хотя и определил его как «концептуальное основание националистического движения середины XVIII века»⁵⁶ а также указал, что Дж. Свифт, будучи священником, выступал против уравнивания в правах католиков и протестантов, следовательно, его «протестантский патриотизм был ограничен “границами протестантского господства”»⁵⁷. Творчество и общественно-политические взгляды знаменитого «ирландского патриота» на современном этапе исследует Т.Л. Лабутина⁵⁸. Она справедливо отмечает двойственность отношения Свифта к Ирландии и ирландцам, отмечая «преданность Свифта догматам англиканской церкви», которая контрастировала с его дальнейшим желанием «своими памфлетами разбудить национальное самосознание угнетенного народа Ирландии»⁵⁹.

Тема влияния религии на общественно-политические процессы, с обсуждения которой после крушения советского режима были сняты ограничения, получила развитие как в изданиях, рассматривающих роль и значение религии в отдельно взятом государстве⁶⁰, так и связанных с выделением религии как ведущего фактора в создании целых империй. «Новая британская история», интенсивно развивающейся за рубежом рассматривает религию как основу единства империи и всех ее внутренних и внешних колоний, соответственно российские авторы, работающие в данном методологическом направлении, пытаются осмыслить роль протестантизма в истории Британии. Один из разработчиков данной темы, М.С. Стецкевич, отмечает, что протестантизм, наряду с единой монархией и совместным участием в строительстве империи, лег в основу британского самосознания. Но Ирландия (за исключением северо-востока страны), фактически выпала из британского мира, и стала одной из мишеней британского антикатолицизма — оборонительной религиозно-политической идеологии⁶¹. Таким образом, становятся понятны мотивы карательной политики английских и ирландских протестантов в XVII–XVIII веках, период интенсивного складывания империи. Т.Л. Лабутина, поддерживавшая данное направление исследований, проанализировала политику антикатолицизма в Англии 1660–1714 годов⁶².

Изучение Ирландии конца XVII – начала XVIII веков российскими учеными продолжается более столетия, но до сих пор не создано ни одной серьезной работы, которая бы содержала полную характеристику религиозно-политических, социально-экономических, культурных и религиозных аспектов развития острова. Период «карательных законов» или «протестантского господства» остается

практически не изученным этапом ирландского прошлого. Тем не менее в последнее десятилетие на страницах научных изданий появились первые статьи, затрагивающие отдельные проблемы взаимодействия католиков и протестантов в Ирландии на рубеже XVII–XVIII веков⁶³. Появление новых возможностей (большая доступность источников, в том числе и архивных, улучшение российско-ирландских связей, отход от фрагментарного, ориентированного на узкие темы, подхода к комплексному изучению истории) дает надежду на появление подобных исследований и в будущем.

Примечания

- ¹ Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. С. 45.
- ² Очерки истории западного протестантизма / Под ред. А.А. Кисловой, О.В. Чернышовой, Е.С. Токаревой. М.: ИВИ, 1995. С. 3.
- ³ Клочков В.В. Право, религия и идентичность как факторы ограничения королевской прерогативы в Англии XVII века // Исторические, философские, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 3. С. 54. // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: [http // http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2011_4-3_14.pdf](http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2011_4-3_14.pdf) (дата обращения: 1.06.2012).
- ⁴ Быкова А.Ф. Рассказы из истории Ирландии (с XII века до наших дней). СПб.: Изд. С. Дороваторского и А. Чарушникова, 1902; Тренч В.С. Очерки ирландской жизни. СПб., 1873.
- ⁵ Афанасьев Г.Е. Судьбы Ирландии: публичные лекции. Одесса: Тип. «Одес. Вестн.», 1887.
- ⁶ Афанасьев Г.Е. История Ирландии. Изд-е 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 6.
- ⁷ Михайлова Т.А. О взгляде Г. Афанасьева на историю // Афанасьев Г.Е. История Ирландии. Изд-е 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. IV.
- ⁸ Афоношкина Е.В. Проблемы экономического развития и социальной жизни Ирландии в оценке российской общественной мысли XIX века // Шэмрок. Ирландские исследования (история, политика, культура). 2002. № 2. С. 148.
- ⁹ Афанасьев Г.Е. История Ирландии. С. 3–4.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 83.
- ¹² Там же. С. 87.
- ¹³ Там же. С. 108.
- ¹⁴ Там же. С. 111.
- ¹⁵ Там же. С. 108.
- ¹⁶ Там же. С. 125.
- ¹⁷ Там же. С. 306.
- ¹⁸ История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И.И. Богута. М.: Мысль, 1991. С. 422.
- ¹⁹ Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 119.
- ²⁰ Там же. С. 126.
- ²¹ Там же. С. 309.
- ²² Мирошников А.В. Восстания и реформы. Ирландский национализм от установления Унии до Братства фениев (1800–1858). Воронеж: ЦЧКИ, 2001. С. 5.
- ²³ Керженцев П.М. Ирландия: исторический очерк. М., 1923.
- ²⁴ История Ирландии / Отв. ред. Л.И. Гольман. М.: Мысль, 1980.
- ²⁵ См.: Энгельс Ф. История Ирландии // Маркс К., Энгельс Ф. соч. 2-е изд. Т. 16. С. 479–522.
- ²⁶ Термин был введен в научный оборот К. Марском, см.: Маркс К. набросок доклада по ирландскому вопросу в Лондонском коммунистическом обществе немецких рабочих 16 декабря 1867 года // Маркс К., Энгельс Ф. соч. 2-е изд. Т. 16. С. 467.
- ²⁷ Сапрыкин Ю.М. Английская колонизация Ирландии в XVI – начале XVIII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958; Сапрыкин Ю.М. Английское завоевание Ирландии XII–XVIII вв. М.: Высшая школа, 1982.
- ²⁸ Телегина Э.П. Ирландская политика Якова II и предпосылки «Славной революции» в Англии. Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1980; Телегина Э.П. Освободительная борьба ирландского народа в последней трети XVII века. Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1980.
- ²⁹ История Ирландии. С. 119.
- ³⁰ Там же. С. 122.

- ³¹ Маркс К. набросок доклада ... С. 468–469.
- ³² История Ирландии. С. 128.
- ³³ Каверина Л.А. Английское законодательство и социально-экономическое положение Ирландии в начальный период промышленного переворота в Англии // Проблемы рабочего и национального движения Великобритании и Ирландии. Рязань: Изд-во Рязанского госуд. инст-та, 1976. С. 11.
- ³⁴ Там же. С. 3.
- ³⁵ В «Истории Ирландии» Г.Е. Афанасьева — Молинэ.
- ³⁶ История Ирландии. С. 36.
- ³⁷ Там же. С. 136.
- ³⁸ См.: Муравьев В. Джонатан Свифт. М.: Просвещение, 1968; Туполева Л.Ф. Английский просветитель Дж. Свифт и Ирландия // Проблемы британской истории, 1984. М., 1984. С. 95–105.
- ³⁹ Колтаков А.Д. Ирландия — остров мятежный. М.: Наука, 1965.
- ⁴⁰ Орлова М.Е. Исторические судьбы независимой Ирландии // Вопросы истории. 1967. № 2.
- ⁴¹ Лихачева Ж.А. Религия и социальный конфликт в Северной Ирландии // Актуальные проблемы научного атеизма. Вып. 3. М., 1978.
- ⁴² Полякова Е.Ю. Ольстер: истоки трагедии. М.: Наука, 1982.
- ⁴³ Там же. С. 7–8, 15.
- ⁴⁴ Алексеев К.А. Ирландское восстание конца XVII века // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 29–42.
- ⁴⁵ Там же. С. 31–32.
- ⁴⁶ Там же. С. 36.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 39.
- ⁴⁹ Там же. С. 42.
- ⁵⁰ Мирошников А.В. Три века Ирландии. В 3 кн. Кн. 1. 1603–1845. Воронеж, 2008.
- ⁵¹ Там же. С. 7.
- ⁵² Под «папством» подразумеваются католики, как ирландские, так и континентальные; «медяки» — напоминание об ирландской валюте, выпущенной Джеймсом II (Яковом II) для оплаты французских наемников; «деревянные башмаки» — символ абсолютизма и феодального гнета.
- ⁵³ Там же. С. 28–29.
- ⁵⁴ Там же. С. 55–57.
- ⁵⁵ В российской исторической литературе, таким образом, присутствует три варианта фамилии автора «Положения Ирландии» — Молинэ, Молиньюк и Молиньюкс.
- ⁵⁶ Мирошников А.В. Три века Ирландии. Т. 1. С. 65.
- ⁵⁷ Там же. С. 99.
- ⁵⁸ Лабутина Т.Л. Свифт и Темпл. Из истории раннего английского просвещения // Новая и новейшая история. 1994. № 2; Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии (1689–1714 гг.). М.: ИРИС-ПРЕСС, 1995; Лабутина Т.Л. «Консерватор» Свифт и «реформатор» Дефо // Вопросы истории. 1995. № 11/12. С. 39–48.
- ⁵⁹ Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии ... С. 54, 56.
- ⁶⁰ См.: Очерки истории западного протестантизма. М.: 1995;
- ⁶¹ Стецкевич М.С. Протестантизм, антикатолицизм и британское национальное самосознание Нового времени // Христианская культура на пороге III тысячелетия. Материалы научной конференции. 12–14 июня 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 35–36. // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://http://anthropology.ru/ru/texts/stetskevich/christ_07.html (дата обращения: 2.06.2012).
- ⁶² Лабутина Т.Л. Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов (1660–1714) // Религия и политика в Европе. Смоленск, 1998.
- ⁶³ Лежнина Е.В. Уильям Молиньюкс и проблема конституционных прав Ирландии в 1690-х годах // Запад – Восток: научно-практический ежегодник. 2009. № 2. С. 38–49; Лежнина Е.В. Англиканская официальная проповедь как источник по истории религиозно-политической борьбы в Ирландии конца XVII – первой половины XVIII веков // Запад – Восток: научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 18–29; Лежнина Е.В. Образ врага: ирландские католики глазами англикан в эпоху «протестантского господства» (1692–1782) // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 151–153; Лежнина Е.В. Уильям Кинг и диссентеры Ирландии в 1690-е годы // Современные тенденции изучения и преподавания всеобщей истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2011 года / отв. ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосев. Рязань: Изд-во Ряз. Гос. Ун-та им С.А. Есенина, 2011. С. 242–246.

М. Даниш

М. БАЛУДЯНСКИЙ И М.М. СПЕРАНСКИЙ. РЕФОРМЫ И ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

М. Daniš¹

M. BALUĎANSKÝ A M.M. SPERANSKÝ . REFORMY A LIBERALIZMUS V RUSKU V PRVEJ POLOVICI 19. STOROČIA

Na začiatku 19. storočia sa Rusko dostáva pod vplyv liberalizácie spoločenských pomerov, ktoré mali byť podporené celým radom reforiem a právnych úprav, smerujúcich v konečnej podobe až k snahám o konštitučnú monarchiu. V roku 1801 sa stal ruským panovníkom cár Alexander I., ktorý bol k takejto politike priaznivo naklonený. Mladý a vzdelaný monarcha to s liberalizáciou a reformami v prvých rokoch vládnutia myslel naozaj vážne. Zrušil okrem iného zákaz dovozu a vývozu niektorých tovarov do Ruska, vydal nariadenie o slobodnom cestovaní Rusov do zahraničia i cudzincov do Ruska. Dal obnoviť volebný systém na úrovni gubernií, zrušiť telesné tresty, povolil slobodnú činnosť tlačiarň a dovoz akejkoľvek literatúry zo zahraničia do Ruska. Rusko sa stalo dielňou novátorských pokusov o vytvorenie modernej európskej jurisdikcie v duchu konštitucionálnych zmien vo všetkých oblastiach spoločenského života. Cár Alexander I. ani ľudia ktorí sa na tomto reformnom hnutí začali podieľať však ešte nevedeli, akým smerom sa Európa onedlho vydá. Po napoleonských vojnách, založení Svätej aliance a revolučných pohyboch, ktoré európskych monarchov poriadne vystrašili sa tento proces výrazne utlmil. V Rusku tomu výrazne prispelo aj dekabristské republikánske hnutie z roku 1825.

K popredným činiteľom a organizátorom nasmerovaných zmien v ruskej spoločnosti na prahu 19. storočia sa stal všeobecne uznávaný a za ich strojcu dodnes považovaný gróf Michail Michajlovič Speranský. Cestu reforiem videl v evolučnom, postupnom zdokonaľovaní všetkých sfér spoločenského života za aktívnej účasti štátnej moci v tomto procese. Domnieval sa, že sa postupne prekoná protirečenie medzi dozretou nevyhnutnosťou zmeny spoločenského zriadenia a absenciou zodpovedajúceho spôsobu myslenia ľudí. Svoje štátoprávne názory vyjadril v konštitučnom projekte s názvom *Úvod k Zbierke štátnych zákonov* (1809). Základom navrhovanej reformy bol princíp zákonnosti a rozdelenia moci do troch zložiek jej fungovania — zákonodarnej, výkonnej a súdnej. Podrobnej analýze života a reformnej činnosti sa venuje rozsiahla ruská historiografia². V slovenskom priestore najväčšiu pozornosť M.M.Speranskému venuje historička Jarmila Boboková, ktorá v svojich prácach zachytáva aj prierez ruskou historiografiou³.

Pod európsky rozmer reformného hnutia v Rusku sa však výraznou mierou podpísal aj vďaka svojej právnickej erudícii a obrovskému vzdelanostnému potenciálu Michal Baluďanský (1779–1847), ktorý bol rodák zo Zemplína na Slovensku. Je viac než isté, že bol otcom mnohých zákonov, ktoré pre Rusko znamenali veľké zmeny v prospech jeho liberalizácie a demokratizácie. V Rusku sa stal prvým rektorom petrohradskej univerzity, bol organizátorom ruského národného hospodárstva a autoritou v rodiacom sa ruskom zákonodarstve. Sami Rusi pokladali M. Baluďanského za „význačného štátnika ... za osobnosť mimoriadne pozoruhodnú, nielen podľa

veľkých schopností, ale najmä podľa vážnej úlohy, ktorá mu patrí v dejinách našej (t. j. ruskej — M. F.) vzdelanosti⁴.

Osobnosti M. Baluďanského sa venovala ruská historiografia najmä do roku 1917, ale pozornosť mu venovala aj maďarská a slovenská historiografia⁵. Dodnes je nedocenená osobnosť M. Baluďanského a väčšina materiálov o jeho pôsobení v Rusku a jeho diel ostáva ležať v archívoch⁶. Je pravdepodobne na slovenskej historiografii, aby sa pokúsila o rekonštrukciu jeho práce, ktorá sa ako práca cudzinca často krát dostáva do tieňa ruského reformátora M. M. Speranského, ktorý v podstate aj v reformnom procese v prvej desaťročnici 19. storočia vstúpil do jej činnosti omnoho neskôr ako ňou bol poverený už M. Baluďanský. Zároveň v rokoch 1812 až 1821 bol Speranský v nemilosti a vyhnanstve a Baluďanský v svojej práci pokračoval. Po smrti Speranského v roku 1839 ešte takmer osem rokov pracoval.

M. Baluďanský sa narodil 26. septembra 1769 v rodine gréckokatolíckeho farára vo Vyšnej Olšave (okres Stropkov). Otec Andrej Baluďanský a Mária, rodená Dubinská, mali ešte jedného syna, ktorý sa neskôr stal vysokým vojenským hodnostárom (plukovníkom) v rakúskej armáde. Otec Baluďanského bol v jeho ranom detstve preložený na nové pôsobisko — do Veľat. Táto skutočnosť vysvetľuje, prečo dali Michala študovať do Nového Mesta pod Šiatrom, pomerne dost' vzdialeného od Stropkova. Veľaty sú čisto slovenská dedina v strede trojuholníka: Nové Mesto pod Šiatrom, Michalany, Trebišov.

Ako osemročného vnímavého chlapca dali rodičia Michala do strednej školy. Výber školy padol na paulínske učilište v blízkom Novom Meste pod Šiatrom (Sátoralja Ujhely). Bola to rehoľná škola, v ktorej sa vyučovalo scholastickými metódami, po latinsky. V Novom Meste študoval tri roky. V rokoch 1780–1787 ďalšou školskou zastávkou mladého Baluďanského boli Košice. Nevedno, či to bola nevyhnutnosť vybrať si Košice, ktoré boli po ruke a po stránke výdavkov pre rodičov boli najmenej nákladné, alebo to bola jeho náklonnosť k právnickým predmetom. Snáď sa spojili obidva dôvody. Rodičia neboli takí zámožní, aby syna mohli vydržiať vo vzdialenejšej Pešti. Aj domáce tradície hovorili za „kráľovskú akadémiu“. Bola to škola na prechode od gymnázií k univerzitám. Neprednášali sa na nej iba všeobecno-vzdelávacie predmety, ale už aj právnické disciplíny. Išlo teda o druh „právnickej fakulty“. Michal študoval v Košiciach najprv filozofiu, akúsi predprípravu k právnickým štúdiám. Iba po úspešnom dokončení štúdia na filozofii bol roku 1785/86 zapísaný ako jurista do prvého ročníka, a v roku 1786/87 bol v menoslove *juris secundum in Annum auditores*. Záznamy zo skúšok dokazujú, že Michal Baluďanský v prvom ročníku práva zo všetkých predmetov exeloval na výbornú⁷. Ako študent práva sa oboznamoval s rôznymi — a v tom období mnohými novými ekonomickými učeniami, pozoroval organizáciu hospodárstva v Uhorsku i za jeho hranicami. Cisár Jozef II., ovplyvnený fyziokratickými názormi a pod vplyvom vtedajšej krízy vydal roku 1785 dekrét o zrušení poddanstva. Bolo to iba polovičaté riešenie, pretože v praktickom prevedení panovník bol málo nástojčivý a tak si šľachta mohla vynútiť návrat k urbáru. Baluďanského to obohatilo o novú skúsenosť. Vybadať, že roľnícka otázka je veľmi páľčivá. Preto jej venoval neskôr mimoriadnu pozornosť aj v Rusku.

V rokoch 1787–1789 M. Baluďanský študoval na právnickej fakulte vo Viedni. Boli to roky veľkého sociálneho a ideového vrenia. Francúzska buržoázna revolúcia rozvírila hladinu v celej Európe. Vladári aj s celým administratívnym aparátom sa mali na pozore. Anglický ekonóm Adam Smith sa stal autoritou v ekonomických kruhoch

Európy v otázke usporiadania národného hospodárstva. Podľa neho neskoršie Baluďanský usporiadal ruské financie.

V takomto ovzduší trávil Michal Baluďanský posledné roky svojho študentského života.

20 ročný ukončil s výborným prospechom právo na viedenskej univerzite. V tom istom roku (1789) bola založená „kráľovská akadémia“ vo Veľkom Varadíne. Na obsadenie katedier bol vypísaný konkurz. Univerzitní učitelia vo Viedni pre mimoriadne schopnosti odporúčali Baluďanského za profesora na túto akadémiu.

Vo Veľkom Varadíne (Oradeu, Rumunsko) dostal katedru politických vied a obchodnej korešpondencie. Po habilitácii predniesol svoju úvodnú prednášku o základoch teórie a techniky štátneho práva. Vychádzal síce z právnických autorít, ale vyslovil vlastnú požiadavku, že právo musí byť také, aby mohlo byť vymožitelné.

Láska ku knihám, dychtivosť po vedomostiach, vedecká zvedavosť, urobili z M. Baluďanského vedúceho knižnice veľkovaradínskej kráľovskej akadémie. Tu mal možnosť sledovať všetku tlačenu produkciu svojej doby. A keď vezmeme do úvahy jeho pracovitosť, sme pri tajomstve jeho encyklopedických vedomostí, pre ktoré ho v Rusku volali „studnica vedy“. Knižné fondy tejto mladej knižnice počas jeho spravovania boli obohatené aj po stránke kvantitatívnej, aj po stránke kvalitatívnej. Na veľkovaradínskej akadémii M. Baluďanský prednášal mnohé disciplíny: okrem politických vied, verejné a súkromné právo, právo trestné a obchodné, financie a administráciu⁸.

M. Baluďanský ako profesor na veľkovaradínskej akadémii si roku 1792 podal žiadosť, aby bol prijatý za profesora politických vied do Bratislavy. Naliehavý tón žiadosti môžeme pokladať za znak túžby dostať sa na Slovensko.

Za jeho vedeckú činnosť Transylvanská spoločnosť filológov ho roku 1798 vybrala za svojho člena. Počas svojej pedagogickej činnosti na kráľovskej akadémii vo Veľkom Varadíne roku 1796 získal na budapeštianskej právnickej fakulte titul doktora práv. Jeho doktorská dizertácia sa našla iba nedávno⁹. Jeho reformátorské idey obsahujú mimoriadne zaujímavú a svojráznu zmes ekonomických teórií merkantilistov, fyziokratov a liberálov.

Michal Baluďanský sa stal známy svojimi vedeckými prácami, preto mu ponúkli aj katedru štátneho verejného práva a prameňov uhorského práva na peštianskej univerzite. (Mala dve katedry: filozofickú a právnickú.)

Ako 27 ročný mladý človek, plný síl a elánu dostal sa do hlavného mesta, kde mal možnosť sledovať pulzovanie ideového i politického života západnej Európy. Bol veľmi vnímavý k novým prúdom v riadení národného hospodárstva, k príčinám nespokojnosti, sledoval všetky reformy a ich ohlasy — ved' všetko toto bolo z jeho odboru. Ovládal anglický, francúzsky, taliansky, nemecký a maďarský jazyk, nehovoriac o klasických jazykoch.

Neskoršie prednášal na peštianskej univerzite aj dejiny a štatistiku.

Právnická fakulta poctila mladého Baluďanského tým, že si ho zvolila v roku 1802 za svojho dekana. Že Baluďanského si mimoriadne vážili aj vyššie vládne kruhy, vidieť aj z toho, že Metternich pri odchode Baluďanského do Ruska s ľútosťou konštatoval, že Rakúsko stráca v ňom nádejného teoretika štátu¹⁰.

Do Ruska odišiel v roku 1804. Vo februári na pozvanie ruského cára Alexandra I. odchádza do Sankt Peterburgu. Dôvody jeho odchodu nie sú úplne ozrejmene. K ceste ho mohli povzbudiť pochvalné listy jeho rodáka I. S. Orlaja, ktorý bol v Rusku už od

r. 1791¹¹. Je možné, že sa títo dvaja poznali ešte pred Orlajovým odchodom do Ruska alebo zo zahraničných štúdií Orlajových v rokoch 1794–1796, kedy tento študoval medicínu vo Viedni¹².

K najvýznamnejším pohnútkam, ktoré ho primáli pravdepodobne odcestovať za prácou do Ruska bola jeho nedávna protištátna činnosť v rámci spolku jakobíncov, obhajujúcich republikánske zmeny v Rakúskej monarchii.

M. Baluďanský ešte ako študent práva v Košiciach spolu s niekoľkými spolužiakmi sa pridal k tomuto pokrokovému hnutiu. Pre svoje progresívne názory bol ako profesor veľkoveradínskej akadémie prenasledovaný. Pod vplyvom Francúzskej buržoáznej revolúcie vstúpil do ilegálneho krúžku jakobíncov pod názvom „Spolok slobody a rovnosti“, ktorý založil Ignác Martinovič. Tajná polícia o tejto jeho činnosti vedela a preto sa dostal aj na zoznam 44 „najnebezpečnejších buričov“. Dokonca bol na neho vydaný zatykač. Jedine vďaka jeho vedeckej autorite — a administratívnym nedopatreniam, zostal na slobode; pravda, pod prísny dohľadom polície¹³.

Keďže Baluďanskému v jeho vlasti každú chvíľu hrozilo zatknutie, ochotne prijal návrh odísť do Ruska a cisár František mu dovolil odísť. Dokonca súhlasil aj s podmienkou, že sa domov nikdy nevráti. Hoci mnohí odborníci tvrdia, že Baluďanskij prijal pozvanie do Ruska iba na tri roky, pokladáme za pravdepodobnejšiu už spomínanú lehotu: nevrátiť sa nikdy. Na odporúčanie Ivana Semionoviča Orlaja kurátor petrohradského učebného okruhu N. N. Novosiľcov začal vo februári 1803 vyjednávať s Michalom Baluďanským o jeho presídlení do Ruska a o obsadení ním katedry na petrohradskom pedagogickom inštitúte. Spolu s Baluďanským odchádzali do Ruska aj jeho krajanovia V. G. Kukoľník¹⁴ a P. D. Lodijs¹⁵.

Z učiteľského gymnázia sa v čase príchodu Baluďanského do hlavného mesta Ruska stal Pedagogický inštitút. O dva roky neskôr sa z učilišťa stal Hlavný pedagogický inštitút, z ktorého sa roku 1819 zorganizovala petrohradská univerzita¹⁶. V roku 1816 bol Michal Baluďanský menovaný za dekana filozoficko-právnej fakulty a v roku 1819 sa stal prvým rektorom v tom čase už univerzity. Progresívny duch pedagogickej a vedeckej práce viacerých učiteľov petrohrskej univerzity podporovaný jej rektorom sa čoskoro stal trňom v oku ministra národnej osvety. Návrh štatútu univerzity z pera Baluďanského by sa ani dnes nemusel hanbiť za svoje princípy demokratického prístupu k vzdelávaniu. Ministerstvo školstva ho však v tom čase neschválilo. Keď v roku 1821 začalo ministerstvo školstva viesť útoky proti niekoľkým progresívnym učiteľom univerzity, Baluďanský v ich mene obhajoval právo na slobodu vedeckého bádania. Ako človek vysokých mravných hodnôt nebol ochotný zmieriť sa s obvineniami a z miesta rektora univerzity odstúpil. V roku 1824 sa vzdal aj miesta profesora a hoci na univerzite už viac neprednášal, s jej pôdou ostal prepojený až do smrti. V roku 1828 sa stal čestným členom univerzity a od roku 1835 predsedom skúšobnej komisie, ktorá potvrdzovala post profesora práva pre adeptov vracajúcich sa do Ruska zo štúdií v zahraničí. Od roku 1874 (27 rokov po smrti Baluďanského) bolo na právnickej fakulte petrohrskej univerzity založené štipendium s jeho menom na podporu vynikajúcich študentov.

Michal Baluďanský už v prvých rokoch svojho pôsobenia v Rusku napísal niekoľko pozoruhodných prác. Napísal knihu *Opísanie rôznych hospodárskych systémov*, ktorá má 8 častí. Toto dielo, spolu so štúdiami *Národné bohatstvo*, *O rozdelení a obrate bohatstva* a iné, boli uverejnené v „Statističeskom žurnale“ za roky 1806–1808¹⁷. Historici politickej ekonómie tvrdia, že tieto práce Baluďanského

znamenajú mimoriadne vážny prínos do ruskej vedy¹⁸. Zvlášť sa cení skutočnosť, že jeho práce po prvý raz uvádzajú v ruskom jazyku ruskú právnickú terminológiu¹⁹.

P. V. Lopuchin, ktorý zastával funkciu zástupcu ministra financií a pracoval v Komisii pre zostavovanie zákonov, hneď po príchode Baluďanského do Ruska už 12. júna 1804 ho požiadal o spoluprácu. Baluďanský sa zúčastňoval práce komisie a stal sa redaktorom časti, ktorá sa starala v oblasti zákonodarstva o hospodárstvo a financie ruského štátu.

Speranský, ako zástupca ministra justície a ako predseda komisie pre zostavovanie zákonov zveril Baluďanskému štvrté oddelenie, v ktorom sa sústreďovala zákonodarná práca v otázkach štátneho hospodárstva a verejného práva.

Michal Baluďanský zostavil pre ministra Gurieva plán na reorganizáciu ruských financií. Tento plán predložil na posúdenie svojmu bezprostrednému predstavenému Speranskému, ktorý postihol vecnosť a vhodnosť návrhov a svojou autoritou ich plne podporoval. Aby mal istotu o ich správnosti, dal ich na posúdenie európskym ekonomickým autoritám Virstovi a Jakobimu, profesorovi v Halle. Baluďanského návrhy boli prediskutované ešte oficiálnou komisiou, ktorej predsedal minister Guriev. Dňa 1. januára 1810 cár Alexander I. návrh zákona, ktorý vypracoval Baluďanský, aj schválil²⁰.

Balugjanskij hneď v nasledujúcom roku dostal rad sv. Vladimíra IV. stupňa.

V komisii M. A. Baluďanský spolupracoval s G. A. Rosenkampom a M. M. Speranským. Obidvaja cítili vnútornú prevahu osobnosti Baluďanského. Sami ho pokladali za svojho učiteľa²¹. Speranský si vždy vyžiadal radu Baluďanského (hoci nepostupoval vždy podľa nej). V marci 1809 sa Baluďanský stal vedúcim štvrtého oddelenia komisie pre zostavovanie zákonov. Baluďanský bol pokladaný za najpovolanejšieho doplňovať v justičnej praxi to, čo chýbalo v zákonodarstve. Týmito úlohami bol poverovaný od začiatku svojej pedagogickej činnosti v Rusku. Od roku 1812 až do zanechania univerzity sa nezúčastňoval na tejto činnosti. Po roku 1822 zastáva viacero aj zodpovedných funkcií v komisii pre zostavovanie zákonov. Keďže v oblasti financií mal najbohatšie vedomosti a najbystrejší postreh, väčšina jeho prác v tejto komisii sa týka finančných otázok: peňažný systém, organizácia bánk, dane, pôžičky, o financiách dobre prosperujúcich štátov Európy a pod. Tu treba spomenúť jeho osemzväzkové teoretické dielo o politickej ekonómii a o financiách a návrh na rôzne finančné opatrenia, ktoré boli postupne uvádzané do praxe.

Michal Baluďanský pri práci na zostavovaní zákonov bol v tesnej blízkosti M. M. Speranského. Speranský a Baluďanský sa v práci dopĺňali. Jeden zo životopiscov Speranského, Korf, ktorý priamo pracoval v kancelárii Baluďanského sa o ich vzťahu vyjadril: „Speranský miloval a vážil si Baluďanského ako najlepšiu a najšľachetnejšiu bytosť na svete a chránil ho ako človeka blízkeho cárovi, a nad to, vážil si ho ako prameň vedomostí, skutočne encyklopedických, z ktorého bolo možné čerpať koľkokoľvek bez obavy, že ho ochudobní. Baluďanský, ktorý aj v úrade si zachoval spôsoby pokorného vedca a ktorý sa nikdy nesnažil vyniknúť svojimi dielami, pracoval mnoho, možno povedať bez prestania, no i pri tom všetkom, pre mimoriadnu svedomitosť, pomaly.“

V roku 1826 cár vymenoval Baluďanského aj za vedúceho Druhého oddelenia kancelárie Jeho Veličenstva, čo bola zreorganizovaná komisia pre zostavovanie zákonov. Úlohou komisie bolo pripraviť úplnú zbierku zákonov ruského impéria od roku 1649 do zákonov Alexandra I., usporiadať zbierku platných zákonov a pripraviť návrhy na nové zákony. Prvá úloha Druhého oddelenia — zozbieranie zákonov — bola

v podstate dokončená v roku 1828. Roku 1832 bolo vytlačených 15 zväzkov Zbierky zákonov ruského impéria. Rusko sa v zákonodarstve postavilo na roveň Pruska, Rakúska, Anglicka a Talianska.

Dňa 16. 7. 1837 dostal Baluďanský dekrét o zaradení aj s rodinou k „Rossijskomu blagorodnomu dvorianstvu“, teda bol povýšený do šľachtického stavu. Do erbu, na pamiatku jeho práce na 15. zväzkoch Zbierky zákonov dostal číslo „XV“²².

Baluďanský a Speranský na svojom pracovisku vychovávali aj ruských právnikov. K uskutočňovaniu tejto myšlienky pristúpili programovite, organizovane a systematicky. Štátny aparát potreboval vzdelaných ľudí. Speranský napísal v roku 1828 obširne zdôvodnený referát, v ktorom navrhol, aby právnici, ktorí skončili školu, boli posielaní na ďalšie štúdiá do zahraničia. Uskutočnenie tohto návrhu bolo zverené Baluďanskému, osvedčenému pedagogickému pracovníkovi, bývalému rektorovi petrohradskej univerzity. Baluďanský vypracoval podrobné osnovy, podľa ktorých sa kandidáti museli pripravovať²³. Osnovy sú svedectvom pedagogických schopností autora a dôležitým historickým dokumentom pre dejiny ruskej vzdelanosti. Tento pokus bol úspešný. Už roku 1829 prví študenti obstáli na verejných skúškach a boli na základe toho poslaní na štúdiá na viaceré európske univerzity.

O mnohostrannej osobnosti M. Baluďanského svedčí aj jeho diplomatická práca. Keď v roku 1822 došlo k nedorozumeniu medzi Anglickom a Spojenými štátmi, prostredníkom pri riešení tohto sporu sa stal ruský cár Alexander I. M. Baluďanský bol cárom poverený zozbierať potrebný materiál, zredigovať ho, a navrhnúť riešenie všetkých sporných otázok²⁴.

Okrem toho viedol Baluďanský aj korešpondenciu s čínskymi vedcami — po latinsky.

Baluďanský si po celý čas pôsobenia v Rusku uchovával priazeň panovníka. Bola mu okrem iného zverená aj výchova cárových bratov. Odvtedy sa datoval jeho úzky kontakt s cárom. Z učiteľa sa stal aj poradca. Zo spomienok jeho dcéry Medem sa dozvedáme aj na jednu udalosť keď 13. decembra 1825, deň pred nastúpením Mikuláša I. na cársky stolec a deň pred pripravovaným povstaním dekabristov, budúci cár si zavolať Baluďanského. Dlho sa s ním radil, či má prevziať cárske žezlo. Reč prešla aj na prácu komisie pre zostavovanie zákonov. Michal Baluďanský poukazoval na veľký význam písaných zákonov. Cár si túto myšlienku osvojil a rozhodol sa v tomto projekte právovedy pokračovať, čím dal impériu pevný rámec politického, hospodárskeho a spoločenského života.

Keď neskoršie, v štyridsiatych rokoch, niektorí presviedčali cára Mikuláša, aby prepustil už starého Michala Baluďanského do penzie, cár odpovedal: „*Ja a Michail Andrejevič musíme zostať na našich miestach do smrti.*“ Tu vidíme, ako si cár vážil Baluďanského.

M. Baluďanský zomrel v roku 1847 v Petrohrade, 15. apríla. Pochovaný je na cintoríne Troicko-Sergejevského kláštora neďaleko Petrohradu.

Príloha

Publikované a nepublikované práce Michala Baluďanského:

De promptuaris. Pest, 1796

Ode Ad Alexandrum, Russorum imperatorem. Nagyvárad, 1804

Izobraženije različnych chozjajstvennych sistem. In. Statističeskij žurnal.

1806–1808, Sankt-Peterburg

Nacional'noje bogatstvo. In. Statističeskij žurnal. 1806–1808, Sankt-Peterburg

O rozdeleniji i obrote bogatstva. In. Statističeskij žurnal. 1806–1808, Sankt-Peterburg
Redigované materiály sporu Anglicko-Spojené štáty. Sankt-Peterburg, 1822
Korešpondencia s čínskymi vedcami. Sankt-Peterburg
Svod zakonov Rossii. 15 zväzkov. Sankt-Peterburg, 1832
Politická ekonómia a financie. 8 zväzkov
O roľníckej otázke. 4 zväzky — zachované 2 zväzky

Prednášky zachované v rukopisoch:

Základy štúdia pre kandidátov práva
Prednášky z finančného práva
Prednášky z obchodného práva
Prednášky z občianskeho práva
Prednášky z politickej ekonómie

Návrhy zákonov:

a) zákonodarstvo, administrácia
Návrh na reorganizáciu ministerstiev
Návrh na usporiadanie otázky nevoľníkov
O prostriedkoch nápravy inštitúcií a zákonodarstva v Rusku
Plán a návrh na zbierku nariadení verejného práva
Plán policajných zákonov
Plán roľníckych zákonov
Návrh štatútu mesta Sankt-Peterburg
Úvahy o zriaďovaní gubernii
b) národné hospodárstvo
Finančný návrh
Návrh na pôžičkový systém
Návrh na usporiadanie daňových otázok
Návrh na zaistenie obehu peňazí v pohraničných mestách
Návrh na zlepšenie financií
Návrh na zriadenie kreditných inštitúcií
Plán reorganizácie ruských financií
Poznámky a návrh na mincový systém
Poznámky a návrh na usporiadanie bánk
Poznámky o finančnom zriadení v popredných štátoch Európy
Poznámky o poľnohospodárskej dani
Poznámky (tri) o finančnej administrácii v Rusku od Petra Veľkého do roku 1812 s prílohami (tabuľky o príjmoch a výdavkoch za vlády Alexandra I.).

Резюме

V статье собраны материалы о деятельности М. Балудянского и М.М. Сперанского. М.М. Сперанский — знаменитый государственный деятель, автор и редактор правительственных документов по вопросам внутренней политики. Он получил задание подготовить общий проект государственных преобразований в России. М. Балугянский, уроженец словацкого села Вышна Олшава, приехал в Россию в 1804 году и прожил тут до своей смерти в 1847 году. Впоследствии он стал первым ректором Петербургского университета, участвовал в разных

государственных комиссиях, заведовал Личной канцелярией императора, составил Свод законов в 15 томах и несколько проектов финансовых реформ.

В статье анализируется отношение между этими двумя знаменитыми реформаторами России начала XIX века, их вклад в развитие российской юридической науки и либерализацию общества.

Примечания

¹ Prof. Mgr. Miroslav Daniš, CSc. — Katedra všeobecných dějin FiF UK Bratislava

² *ČIBIRJAJEV, S. A.* : Velikij ruskij reformator. Žizň, dejatel'nost', političeskije vzgljady M. M. Speranskogo. Moskva 1993; *DOVNAR-ZAPOLSKIJ, M. V.* : Političeskije idealy M. M. Speranskogo. Moskva 1905; *FATEJEV, A. N.* : M. M. Speranskij (1809–1909). Biografičeskij očerk. Charkov 1910; *FEDOROV, V. A.* : M. M. Speranskij. Rossijskije reformatory. Moskva 1995; *JERMOLINSKIJ, L. L.* : Michail Speranskij. Irkutsk 1997; *KORF, M. A.* : Žizň grafa M. M. Speranskogo. T. I. Sankt Peterburg 1861 Krest'janskij vopros v rannich zapiskach M. M. Speranskogo. In : Sbornik-Issledovanija po otečestvennomu istočnikovedeniju, Moskva, Leningrad 1964; *MOROZOV, V. I.* : Gosudarstvenno-pravovyje vzgljady M. M. Speranskogo (Istoriko-teoretičeskoje issledovanije). Sankt Peterburg 1999; *NOLDE, A. E.* : M. M. Speranskij. Biografija. Moskva 2004; *PIVOVAROV, Ju. S.* : Michail Michajlovič Speranskij. Sud'ba reformatora v Rossii (opyt retrospektivnoj politologii) // Iz istorii reformatorstva v Rossii : Filosofsko-istoričeskije očerki. Moskva 1991.

³ *BOBOKOVÁ, J.* Diplomacia Alexandra I. na mierových rokovaniach v Tylži v roku 1807. In Zbornik Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Historica XLIV., Bratislava 2000, s. 87–99; *BOBOKOVÁ, J.* : Hodnotenie spoločensko-politických názorov a reformátorskej činnosti M. M. Speranského v ruskej historiografii (krátky náčrt). In: Zborník: V premenách stáročí. K životnému jubileu doc. PhDr. Herty Tkadlečkovéj, CSc.. Zvolen 2001, s. 17–24; *BOBOKOVÁ, J.* : Začiatky vládneho konštitucionalizmu v Rusku v období Alexandra I. In: Konštitucionalizmus na prahu moderných dejín. Acta historica Posoniensia XIV. Bratislava 2010, s. 9–28; *BOBOKOVÁ, J.* : M.M.Speranskij v ruskej historiografii (pred rokom 1917). In: Historické štúdie.Medzi antikou a stredovekom. Acta historica Posoniensia XIII. Bratislava 2010, s. 145–152; *BOBOKOVÁ, J.* : O niektorých materiáloch charakterizujúcich názory a činnosť M.M.Speranského. In: Zborník Biele miesta II. Nitra 1998, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, s. 45–53; *BOBOKOVÁ, J.* : Život, činnosť a politické názory M.M.Speranského. Začiatok cesty. In: Acta historica Posoniensia III. Bratislava 2004, s. 81–86; *BOBOKOVÁ, J.* : M.M. Speranskij. Portrét reformátora. Monografia v rámci Acta historica Posoniensia XX. Bratislava 2012.

⁴ Izvestija Sankt Peterburgskogo Slavianskogo blagotvoriteľnago ob-va, S. Peterburg 1885, No. 9, god vtoroj, s. 413 — recenzia knihy Baranov: M. A. Balugjanskij.

⁵ *BARANOV, P.* : Michail Andrejevič Balugjanskij. Stats-sekretar, senator tajnyj sovetnik, 1769–1847. Biografičeskij očerk. Sankt-Peterburg 1882, 44 s.; *BARANOV, P.* : Golos iz Ugorskoj Rusi. Izv. S. P. Slav. Blagotv. občestvo 1885, No. 9.; *GRUNEWALDT, I.V.* : Speranskij i Balugjanskij. Učastije ich v sostavlenii svoda ukazanij dľa Pribaltijskich gubernij. Russkaja Starina, t. 35; 1882, s. 41–58.; *TARDY, L.* : Balugjanskij Mihály. Budapest Akadémiai Kiadó, 1954, 256 s.; (Fr. Tichý) F. T., Michail Andrejevič Balugjanskij (Balud'anskij). Slov. Pohľady XLIII., 1927, s. 529.; *FATEJEV, A.N.* : Akademičeskaja i gosudarstvennaja dejatel'nost' M. A. Balugjanskago (Balud'anskago) v Rossiji. Užhorod 1930, 64 s.; *FEDOR, M.* : Michail Andrejevič Balugjanskij. In: Slovanské štúdie III. Príspevky k medzislovanským vzťahom v československých dejinách. Bratislava, SAV, 1960, s. 497–531; *DANIŠ, M.* : Slovák, ktorý reformoval Rusko. In: Historická revue, č. 2, roč. XV, s. 18–20.

⁶ Osud archívu M.Balud'anského ostáva dodnes nejasný. Vieme že jeho dcéra M.M.Medem ho odovzdala Platonovi Ivanovičovi Baranovovi, riaditeľovi archívu Senátu, ktorý v roku 1882 vydal o jeho živote na základe týchto dokumentov monografiu. Po smrti Baranova v roku 1884 sa dostali materiály do rúk jeho synovca P.N.Semionova, ktorý ich čiastočne publikoval. Ostatné sa dostali k A.A. Polovcovovi, ktorý ich využil pri písaní biografickej štúdie pre Ruský biografický slovník. Archívny fond A.A.Polovcova (1832–1910) sa v značnej miere nachádza v Rukopisnom oddelení Ruskej národnej knižnice(RNK) a časť v Štátnom archíve Ruskej federácie v Moskve pod č. fondu 583. Časť korešpondencie M. Balud'anského je vo fondoch M.M. Speranského, K.G. Repinského, G.I. Villamova, V.F. Odoevského, M.A.Korfa (Rukopisné oddelenie RNK).Mnohé cenné materiály sa môžu objaviť v archívoch Petrohradu. In: MICHAJLENKO, V. : Pervyj rektor vozroždennoho universiteta. In: Sankt-Peterburgskij universitet. Č. 21 (3488) z 8. októbra 1998, s. 14.

⁷ *TARDY, L.* : Cit.d., s. 89.

⁸ FEDOR, M.: Cit.d., s. 506.

⁹ Positiones ex universa jurisprudentia atque scientiis politicis quas consensu inclitae facultatis juridicae in Regia ac Celeberrima Universit. Pestiensis pro summis in iure honoribus privilegisque doctorabilibus, legitime consequendis publice propugnandas suscepit Michael Balugyanszky, Anno MDCCXCVII: Mense Sept. — Pestini, Typis Matthiae Trattner. Okrem toho našiel sa aj rukopis (vlastnou rukou): Dissertatio inauguralis De Promptuariis, conscripte a Michaele Balugyanszki, praesenta 13. mensis Septembris Anno 1797. Podľa Tardy L., C. D., s. 115 a 125.

¹⁰ FEDOR, M.: Cit.d., s. 507; V roku 1802 uzavrel manželstvo s Antóniou Annou Júliou Hegerovou, ne-meckého meštianskeho pôvodu z Pešti. Spolu mali deväť detí, dvoch synov a sedem dcér;

¹¹ Orlay, Ján (1770–1829) študoval vo Viedni, potom odišiel do Ruska, kde prevádzal lekársku prax. Z Ruska bol znova vyslaný na štúdium do Viedne, kde sa stretával s Baluďanským a zoznámil sa s hnutím jakobíncov.

¹² TARDY, L.: Cit.d., s. 142

¹³ FEDOR, M.: Cit.d., s. 510

¹⁴ Vasilij Grigorievič Kukoľnik (1765–1821) pochádzal od Mukačeva. Študoval na Ľvovskej akadémii, kde vydal *Dzielo ekonomiczne* v 5 dieloch a 12 čísiel časopisu „Dziennik ekonomiczny“. V rokoch 1803–1820 prednášal fyziku na petersburskom pedag. inštitúte. V Rusku vydal viac diel z oblasti občianskeho práva. Jeho syn Nestor sa stal známym ruským spisovateľom.

¹⁵ Peter Dmitrijevič Lodij (1764–1829) pochádza z „Uhorskej Rusi“. Na Ľvovskej univerzite prednášal logiku a metafyziku, neskôr to isté v Krakove. V Peterburgu okrem prednášania prekladal a napísal viac kníh, z ktorých jedna *Logičeskije nastavenija* bola pokladaná za „najnebezpečnejšiu“.

¹⁶ Baluďanský pôsobil ako profesor na Pedagogickom inštitúte v Sankt-Peterburgu a zároveň pracoval na ruskom Ministerstve justície a Ministerstve financií kde v roku 1806 vypracoval ruskú právnickú terminológiu, čo znamenalo mimoriadny prínos do ruskej vedy;

¹⁷ Pozri *Boľšuju sovetskiju encyklopediju*. Zv. 4, s. 167. *Izobraženije različnych chozjajstvennych system; Nacionalnoje bogatstvo; O razdeleniji i oborote bogatstva*.

¹⁸ Porovnaj napr. mienku profesora politickej ekonómie a štatistiky na charkovskej univerzite V. F. Levitského, ktorý študoval vedecké názory Baluďanského priamo z archívneho materiálu a ktorý sa o ňom veľmi pochvalne zmieňoval. — Cit. podľa Baranova.

¹⁹ BARANOV, P.: Cit. d., s. 38.

²⁰ FEDOR, M.: Cit.d., s. 520

²¹ BARANOV, P.: Cit.d., s. 7

²² FEDOR, M.: Cit. D., s. 524

²³ Rukopis sa nachádza v Archíve Štátnej rady medzi písomnosťami Speranského. Uvádza ho Fatejev, Cit. d., s. 60–64.

²⁴ FEDOR, M.: Cit.d., s. 521

С.А. Ганус

**ОБРАЗ СОСЕДНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ СТРАНЫ В УКРАИНСКОМ ВИДЕНИИ
(РЕФЛЕКСИИ ПО ПОВОДУ КНИГИ: КРИЛЬ М. ІСТОРІЯ СЛОВАЧЧИНИ)**

Появление едва ли не первого в Украине страноведческого пособия по истории соседней Словакии (Криль М. Історія Словаччини. Навчальний посібник. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. 263 с.) следует рассматривать как отрядный факт. Можно было бы сослаться при этом на словакистический вакуум (что и делает сам автор на с. 7), который лишь частично восполняем разрозненными публикациями в узкоспециальных изданиях, материалах научных конференций, статьями энциклопедического характера да случайно появляющимися на книжном рынке Украины работами словацких и российских историков. На наш взгляд важнее другое. В пособии, предназначенном для широкого круга читателей, как профессионалов, так и любителей, представлен образ восприятия соседней славянской страны, во многом схожей с Украиной своими историческими судьбами. А создание этого образа имело объективные трудности в том смысле, что история Словакии длительное время не имела самодовлеющего значения и рассматривалась в контексте истории Венгрии, Австро-Венгрии, Чехословакии. Поэтому речь идет об одной из первых в украинской историографии попыток апробации научной концепции истории соседней страны и ее народа. Ей предшествовали лишь отдельные главы, посвященные Словакии в общих курсах по истории южных и западных славян В.И. Ярового¹.

В броделевском духе, с главы «Земля и страна», М.М. Криль начал изложение истории Словакии. Природно-географическая характеристика, по его мнению, «поможет сформировать пространственное представление о ней как стране», а естественные природные рубежи (орографические, ландшафтные и др.) определяют «мозаичность среды, в которой развивается общественная деятельность» (с. 9). Если учесть при этом содержание последующих глав, то автор действительно оказался близок к историко-географической парадигме Ф. Броделя, который выражал убеждение в том, что «сами географы уже давно объявили о своей капитуляции: определяющим фактором является для них не земля, природа или же «среда», но история и человек... Он наследует и продолжает дела, поступки и свершения, навыки и предания тех, кто до него жил на его земле и формировал ее облик»².

Именно преемственность поколений народов, населяющих территорию современной Словакии и взаимодействующих между собой в различных формах

(естественно, с преимущественным вниманием к нынешнему титульному этносу) являлась определяющей в представлении исторических структур и событий в контексте определенных эпох. Дискретность исторического времени имела своим критерием эволюцию государственно-политических форм на территории Словакии, что для вузовского пособия является естественным. История страны прослеживается от древнейшей эпохи до современности.

Мы не станем подробно рассматривать содержание каждой из глав, а остановимся на моментах концептуального характера. Работа лишена столь популярной в учебниках последних двух десятилетий, издающихся на постсоциалистическом пространстве, телеологии, демонстрирующей развертывание вневременной тенденции по созданию национального государства, что составляло, якобы, чаяния народа во все времена³. Генезис словацкой нации представлен как процесс постепенного и далеко не линейного накопления черт этничности, что нашло свое отображение, прежде всего, в культуре. Отсюда — весьма значительное внимание, проявленное автором к соответствующим вопросам. Хочется отметить, что М.М. Криль сумел избежать мало что объясняющего «регистрационного» подхода в показе тех или иных достижений в литературе, искусстве, научном знании, образовании и т. д. Налицо — подтвержденная фактами целостная концепция культурного развития страны с оценками влияния привходящих обстоятельств (пребывание в составе иных государств, конфессиональное противостояние католиков и протестантов во времена Реформации, ассимиляционистская политика венгерского правительства на рубеже XIX–XX вв. и т. д.). По его словам, до конца XVIII в. «готовилась почва для национального словацкого Пробуждения» (с. 79). С этого момента речь пошла о культурно-национальном развитии со всевозрастающим ощущением собственного своеобразия, ибо на протяжении предшествующего времени «словацкая культура развивалась во взаимодействии с венгерской» (с. 79). К примеру, в самом начале национального Пробуждения Й.И. Байза (1755–1836) писал свои произведения еще «венгерской словачизной», как называлось наречие, на котором стали производиться первые словацкие литературные опыты.

Особое, конечно же, не случайное внимание, проявляемое М.М. Крилем к вопросам кодификации словацкого литературного языка в конце XVIII – 1-ой половине XIX в. вполне соответствует уровню разработки теоретических вопросов, связанных с процессами так называемого национального Пробуждения (или же Возрождения, хотя к условиям Словакии более применим термин «Пробуждение», как раз и используемый автором). Польский славист Ю. Хлебвчик совершенно верно маркировал эти процессы у безгосударственных народов Центрально-Восточной Европы следующими вехами: от общего языка к национальной общности и затем — к собственному государству, придавая, таким образом, дискуссиям по языковому вопросу значение стартового импульса консолидации нации и создания национального государства⁴. Действительно, именно в конце XVIII в. с момента первых выступлений А. Бернолака и Ю. Фандли, которые утверждали, что самобытность словаков зиждется, прежде всего, на их языке начинается отсчет ритма национального Пробуждения, соответствующего в это время так называемой академической фазе формирования нации по М. Гроху.

Известнейший знаток вопроса, словацкий историк В. Матула, в частности, утверждал, что для словацкого национального движения его «языковой»

характер является типичным, обусловленным не только политикой национального гнета и насильственной ассимиляцией, проводимой венгерскими господствующими классами, но и, прежде всего, задачами и потребностями самого процесса формирования нации и национально-освободительного движения. Общенациональный литературный язык рассматривался лидерами национального Пробуждения как важный «спланивающий» фактор, способный компенсировать такие объективные недостатки, как отсутствие единого национального городского центра (можно даже сказать — своего рода словацкого аналога Пьемонта — С.Г.), географическую разобщенность словацкой этнической территории, экономическую, административно-политическую и культурную изолированность ее отдельных областей из-за слабо развитых коммуникаций и т. д. Наконец, отмечает В. Матула, принятие словацкого языка в качестве общенационального должно было способствовать не только развитию национальной культуры, особенно литературы, но и борьбе за национальное равноправие словаков. Таким образом, резюмирует историк, словацкий литературный язык стал важным идеологическим средством национальной консолидации словацкого народа⁵. Поэтому, в соответствующем разделе рассматриваемой книги страницы (с. 110–114), посвященные вопросу кодификации словацкого литературного языка, насыщенные конкретикой изложения, в частности, показом конкуренции двух предлагаемых вариантов нормативного языка — бернолаковщины, распространенной в католической среде и библейщины — языка чешской протестантской Библии XVI в., а также попыток их синтеза, предпринятых М. Гамуляком, читаются с особым интересом.

Возвратившись к трехстадиальной модели формирования нации М. Гроха, отметим, кстати, что этот авторитетный теоретик отводил словацкому национальному Пробуждению хронологический диапазон 1830–1870-х гг., призывая не переоценивать значения первых выступлений в пользу своеобразия словацкого языка как естественной реакции на опасность германизации или же мадьяризации словацкого народа⁶. В. Матула, анализируя исторические факторы и обстоятельства словацкого национального Пробуждения, в свою очередь, делал вывод об общей «неполнокровности» и незавершенности этого процесса, который растянулся на гораздо более длительное время, чем у других народов Центральной Европы и развивался не всегда прямолинейно⁷.

Поэтому, понимая авторскую логику членения процесса формирования словацкой нации с выделением периода с конца XVIII в. и по 1840-е гг., а также особого акцента на влиянии революции 1848–1849 гг. как следования определенной традиции изложения материала в учебных пособиях (в том числе из методических соображений), а также учета значения «предмартовского» периода полагаем, что все же мнения М. Гроха и В. Матулы заслуживали того, чтобы быть упомянутым. Мотивацией этому является объективно присущая словацкому национальному Пробуждению специфика, кстати, имеющая многие черты сходства с аналогичными процессами, происходившими в украинских землях, особенно — западных, входивших, как и словацкие территории, в состав империи Габсбургов.

По последнему поводу хочется предложить несколько собственных соображений. Еще в 1980-х годах В. Матула писал о языковой составляющей процесса словацкого национального Пробуждения, как сложном, противоречивом и не имеющем аналогов в историческом развитии других славянских народов явлении⁸.

Пояснением этому является тот факт, что проблематика украинского национального Пробуждения если и изучалась каким-либо образом в то время, то, по крайней мере, не являлась приоритетной, ибо могла повлечь за собой обвинения в националистическом уклоне. Лишь диаспорная историография серьезно занималась этими вопросами. Ныне же в плане аналогий с процессами национального Пробуждения у иных славянских народов, в частности у словаков, просматривается большая ясность. И у словаков, и у украинцев многое в этом если и не представляет собой зеркального отражения, то выглядит сходным, конечно же, с учетом конкретно-исторических обстоятельств времени и места. В обоих случаях имеет место замедленный, неравномерный темп развития этнического самосознания, как и национальной общности в целом. Не могло сыграть консолидирующей роли и национальной привилегированное сословие в силу отсутствия такового. Уже на раннем этапе национального движения сословная принадлежность словацкой шляхты к «*patio hungarica*» привела ее, за редким исключением, в лагерь мадьяр⁹. В Украине же, после ликвидации Гетманщины на рубеже XVIII–XIX вв., особенно после распространения на казацкую старшину действия норм Жалованной грамоты дворянству 1785 г. процесс ассимиляции привилегированного сословия был, в основном, успешно осуществлен. Канадский историк украинского происхождения З. Когут в своем блестящем исследовании проблемы справедливо отметил, что, несмотря на преобладание в среде украинской шляхты в XVIII и начале XIX вв. двух типов настроений: ассимиляционистов и традиционалистов (последние еще стремились цепляться за былые права и вольности, унаследованные со времен Речи Посполитой), факторы в пользу интеграции оказались более сильными¹⁰. В любом случае, распространенные в среде традиционалистов оппозиционные настроения, как правило, не ставили под сомнение соображения лояльности престолу и империи¹¹. И в словацких, и в западноукраинских землях исключительную роль на начальном этапе национального Пробуждения сыграли выходцы из духовного сословия. Даже характер проблем, связанных с распространением в обороте литературных языков имеет больше черт сходства, чем различия. В частности, в обоих случаях имели место попытки конструирования искусственных синтетических языков в виде уже упомянутых опытов М. Гамуляка и язычия, получившего распространение в Восточной Галиции и Закарпатье. Опять же, на национальное Пробуждение и в Словакии, и в Украине имели значительное влияние идеи славянской взаимности, если упомянуть деятельность Я. Коллара и Кирилло-Мефодиевского братства. Кстати, колларовская концепция «чешско-словацкой ветви славянского народа» имеет удивительную схожесть с концептом «россизма», исходящим из представления о наличии супранациональной восточнославянской общности, включающей «южан» (малороссов), «северян» (великороссов), представителей маргинальных восточнославянских групп, в частности, русинов Галицкой и Угорской Руси. Все это отражало недостаточную степень зрелости национального самосознания в рассматриваемое время и у украинцев, и у словаков.

Конечно же, мы исходим из права автора использовать, или не использовать указанные аналогии. Однако, по нашему мнению, они могут помочь в создании полнокровного облика соседней страны в мозаике образов национального историко-культурного мировосприятия, могущего отталкиваться, помимо всего прочего, от объективно существующих и научно обоснованных аналогий. А вот

вопрос социальной стратификации национального Пробуждения у словаков в связи с особенностями их общественной структуры требовал более детального анализа. Современное состояние исследований этого периода в истории славян придает учету воздействия этносоциальных процессов на формирование наций, в том числе и на этапе Пробуждения (Возрождения) кардинальное значение¹². Однако, в любом случае, читатель получил в свое распоряжение книгу, содержание которой побуждает к вышеизложенным размышлениям.

Еще один момент, на котором хотелось бы остановиться, связан с унификационной национальной политикой венгерского правительства в эпоху дуализма. Неизменное игнорирование многонационального характера Транслейтании, ущемление прав народов, ее населяющих, имеющее целью конструирование венгерской политической нации является общеизвестным. Излагаемые М.М. Крилем факты активного наступления официального Будапешта на любые сколь-нибудь значимые проявления национальной жизни, в частности, у словаков, позиционирующие в науке и публицистике, как политика мадьяризации (с. 129–131), лишь подтверждают обоснованное предположение, что само существование словаков как самодовлеющей национальной общности к началу XX в. было поставлено под вопрос. К слову, опять же синхронно, эта политика совпала во времени с периодом интенсивной борьбы правительства Российской империи с украинским движением, который продолжался, с некоторыми колебаниями и перерывами, более 50 лет, с 1847 по 1905 годы¹³. Однако, следует обратить внимание на то, что в первые годы дуализма имели место некоторые шаги, которые могли внушать надежды на благоприятное разрешение национального вопроса в Транслейтании. Представители национальных движений всё больше стали понимать, что Вена преднамеренно сталкивает их друг с другом и начали искать пути к взаимному согласию с венграми. В свою очередь, венгерские политики, включая революционеров, оказавшихся в вынужденной эмиграции, осознав важность национального вопроса, целесообразность и неизбежность его скорейшего разрешения, также стремились к примирению с соседними народами. Из их числа особенно выделялись Лайош Кошут (1802–1894) и Йожеф Этвёш (1813–1871), первыми внесшие весомый вклад в решение этой сложной проблемы. В результате их размышлений усилий и появились различные предложения в интересах достижения межнационального мира¹⁴. Результатом этих вполне серьезных намерений стало принятие венгерским парламентом 6 декабря 1868 г. закона о национальностях, где содержались общие гарантии соблюдения прав населяющих владения свято-стефанской короны народов. Такой относительно либеральный режим взаимодействия титульной нации и иных национальностей королевства длился до 1875 г., то есть до прихода к власти кабинета графа К. Тисы. В период его правления на протяжении 1875–1890 годов руль национальной политики был резко переложен вправо. Уже в самом его начале одними из самых заметных событий внутривнутриполитической жизни стали первые попытки ограничения закона о национальностях 1868 года. В том же 1875 году Словацкая матица была упразднена как организация, имеющая целью подрыв устоев государства. С этого времени национальным меньшинствам было разрешено создавать только литературные и культурные ассоциации¹⁵. Иными словами, национальная политика венгерских правительств времен дуализма не всегда была лишена черт реалистичности, что и воплотилось в попытках лавирования в национальном вопросе, правда, не более, чем эпизодических.

Социальная история в изложении М.М. Криля лишена устаревшего ее понимания, как бесконечного ухудшения положения народа, что влекло его к бунтам и восстаниям. Кроме того, это не история одних лишь низов. Социальная стратификация средневекового сословного общества, или же общества времен промышленного переворота и капиталистической индустриализации представлена с достаточной полнотой, что не исключало, конечно же, рассмотрение конфликтных моментов социального развития, к примеру, аграрного перенаселения в конце XIX в., или же эпизодов народных выступлений.

Новейший период в «Истории Словакии» содержит некоторые моменты, на которых следовало бы остановиться особо. Поскольку государственное строительство в Первой Чехословацкой республике не отвечало чаяниям словаков и представлявших их интересы словацких политических партий, то логичным, по мнению М.М. Криля, было развертывание автономистского движения. Это бесспорно. А вот утверждение о наличии секретной клаузулы Мартинской декларации от 30 октября 1918 г., согласно которой, якобы, обуславливался лишь 10-летний срок пребывания Словакии в составе Чехословацкой республики мы вынуждены подвергнуть сомнению, вернее — внести необходимые уточнения. Исследовав эту проблему, Н. Крайчовичова пишет о том, что вопрос, являющийся предметом так называемого секретного приложения к Мартинской декларации на самом деле не вышел за пределы дискуссии во время ее обсуждения¹⁶. Понятно, что содержание гипотетической клаузулы весьма волновало словацких автономистов в 1920-е гг. М.М. Криль пишет о том, что в 1928 г. В. Тука опубликовал информацию об этом документе, что вызвало резонансный политический скандал и повлекло, вместе с иными обвинениями 15-летнее заключение оного за антигосударственную деятельность (с. 167) с последующим поражением в правах на 3 года. Действительно, В. Тука полагал, что ему при помощи инженера Ганзалика, вознагражденного за «услугу» десятью тысячами крон, удалось найти «утраченный» текст секретной клаузулы, из которой должно было следовать, что 31 октября 1928 г. наступит *vacuum iuris* и на время снятый с повестки дня вопрос словацкой автономии (а может быть и более) опять вынырнет на поверхность политической жизни. И лишь в конце 1928 г. В. Тука узнал, что Ганзалик активно сотрудничает с проправительственными политическими кругами. Однако было уже слишком поздно что-либо предпринимать, поскольку его статья «В десятилетие Мартинской декларации», опубликованная еще в самом начале года в газете «Slovak», приобрела широкую огласку. Известный политик М. Иванка открыто обвинил В. Туку в стремлении отторгнуть словацкие земли от республики¹⁷. Таким образом, речь идет о политической провокации с использованием фальшивки, устроенной при попустительстве, если не по прямому наущению Пражского Града.

Подтверждением этому стали последующие события, которые во многих подобных случаях, где используются инструменты заказного политического «правосудия» с заблаговременно известным исходом дела, удивительно похожи. Согласно документам генерального консульства Германии в Братиславе, которое, как и дипломатическая миссия в Праге, весьма внимательно отслеживало текущие политические события в Чехословакии, утренние выпуски официальных пражских газет к 10 часам 5 октября 1929 г. вышли с сообщениями о приговоре по делу В. Туки. В то же время само вынесение судебного приговора состоялось

около 13 часов дня. На этом акцентировал внимание парламентариев депутат от Глинковской словацкой народной партии Й. Будаи¹⁸.

Не исключая необходимости столь детального освещения вопросов, связанных с развертыванием движения Сопrotивления в годы Второй мировой войны, следует отметить, что хотелось бы видеть более объемной характеристикой коллаборационистского тисовского режима, во многом копирующего строй фашистских государств, но с клерикально-католическим уклоном, запятнавшего себя деятельным участием в холокосте и германской агрессии против Польши (единственное из государств оси, кроме самой Германии!) и СССР. К слову, политическая система тисовской Словацкой республики была далеко не однородной. В правящей партии национального единства Словакии, правопреемницы Глинковской словацкой народной партии выделялось два крыла. Ее умеренное консервативное крыло, возглавляемое президентом Й. Тисо стремилось к созданию авторитарного клерикального государства. Более радикальное крыло, непосредственно связанное с Глинковой гвардией — своего рода аналогом германской СА и возглавляемое премьер-министром В. Тукой и министром внутренних дел А. Махом, исповедуя принципы национал-социалистской идеологии, настаивало на создании этнически чистого тоталитарного государства, основанного на вождизме, последовательном антисемитизме с намерением целиком очистить страну от чехов. Однако, такой националистический максимализм навряд ли соответствовал менталитету сколь-нибудь значительного числа словаков. Соответственно, влияние радикального крыла в правящей партии имело ограниченный характер.

В историографии и общественном мнении оценки Словацкого государства 1939–1944 гг. и деятельности «словацкого Квислинга» можно считать устоявшимися. В частности, в научном дискурсе термин «Первая Словацкая республика» используется нечасто, дабы нынешнее словацкое государство, соответственно тогда, как Вторая Словацкая республика не выглядело бы каким-либо образом связанным с первым государственным опытом, имевшим место при столь сомнительных исторических обстоятельствах. Избегает его использования и М.М. Криль. Что касается граждан страны, то большая их часть считает период истории Словакии в годы Второй мировой войны, как минимум, не заслуживающим положительного отношения, а то и просто позорным, а 83 % респондентов, по результатам относительно недавних социологических опросов гордятся Словацким национальным восстанием 1944 г., как героическим событием времен войны¹⁹. То есть, преемственность между Словацким государством Й. Тисо и нынешней независимой Словакией отрицается.

Во введении к «Истории Словакии» автор оговорил те трудности, которые возникли во время транскрибирования на украинский язык словацких и венгерских топонимов и антропонимов. Тем не менее, за некоторыми исключениями, эта проблема была разрешена успешно. Лишь в одном, пожалуй, случае, транскрипцию топонима «Эстергом» в «Остригом» мы считаем неудачной, ибо она представляет собой архаичный, славянизированный перевод наименования церковной столицы Венгрии.

Подытоживая, сделаем вывод о том, что читатель получил в свое распоряжение обобщающее и основательное страноведческое пособие, необходимость в котором уже давно назрела в силу соседства двух стран — Украины и Словакии

и их устойчивого интереса друг к другу. Изложенные нами рефлексии по поводу рассмотренной книги, от положений которой мы отталкивались, могут послужить определенным дополнением к, в своей основе, удачной конструкции образа Словакии в украинском видении.

Примечания

¹ См.: *Яровий В.І.* Новітня історія країн Східної Європи. 40-ві – 90-ті роки ХХ ст. Курс лекцій. К.: Либідь, 1997; *Історія західних і південних слов'ян (з давніх часів до ХХ ст.).* Курс лекцій. За ред. проф. В.І. Ярового. К.: Либідь, 2001.

² *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1994. С. 230.

³ См.: Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, «АИРО-XX». 352 с.

⁴ *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII – do początku XX w.). — Warszawa-Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. S. 18.

⁵ *Матула В.* Характеристика процесса формирования нации у словаков // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981. С. 88–89.

⁶ *Обушенкова Л.А.* Сопоставление процессов формирования польской, венгерской и словацкой наций // Там же. С. 56.

⁷ *Матула В.* Указ. статья. С. 90.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ *Когут З.* Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України / Пер. з англ. Софії Грачової. К.: Критика, 2004. С. 78.

¹¹ Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 57.

¹² *Мыльников А.С.* К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981. С. 237.

¹³ *Вернадский В.И.* Украинский вопрос и русское общество. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.igrunov.ru/ukr/vchk-ukr-history/vchk-ukr-history-vernad.html>

¹⁴ *Желицки Ч.Б.* Поиски решения национального вопроса в Венгрии, 1848–1868 гг.: взгляды Л. Кошута и Й.Этвеша. Автореферат дисс. На соискание степени канд. ист. наук. М., 2000. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poiski-resheniya-natsionalnogo-voprosa-v-vengrii-1849-1868-gg-vzglyady-1-koshuta-i-i-etvesha>

¹⁵ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. С. 373.

¹⁶ *Slovensko v Československu 1918–1939.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akademie vied, 2004. S. 62.

¹⁷ *Ivanka M.* Proti tajnej irredente. Bratislava: b.v., b. r. v. S. 18.

¹⁸ *Manfred A.* Proces s Vojtechom Tukom zo spravodajstva nemeckého konzulátu v Bratislave. Časť 2. Dokumentačné prílohy // *Historický časopis.* 1992. Číslo 6. S. 724.

¹⁹ *Коваленко Е.* Главная дата Словакии. Словацкое национальное восстание 65 лет спустя // Частный корреспондент. 2009. 19 сентября. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/glavnaya_data_slovakii_10406

А.В. Маслихин

ГЖЕГОЖ В. КОЛОДКО «МИР В ДВИЖЕНИИ»

Книга известного ученого и государственного деятеля Польши Гжегожа Витольда Колодко — вице-преьера Польши (1994–1997, 2002–2003 гг.), а ныне профессора варшавской Академии предпринимательства и менеджмента, руководителя Центра исследований по трансформации, интеграции и глобализации

(TIGER), «Мир в движении» (Пер. с пол. М.: Магистр, 2011. 575 с.) посвящена социально-экономическим проблемам глобализации и прогнозирования будущего. Впервые труд увидел свет в 2008 году, выдержал ряд изданий в США и Англии, обрел статус экономического бестселлера.

Методологической основой освещения базовых закономерностей экономического развития послужил междисциплинарный подход к изучению общественных процессов, позволяющий глубоко осмыслить многообразные интеграционные связи на фоне прошлого, настоящего и будущего. Эмпирическая картина глобализации, созданная автором, потребовала выхода за пределы содержания книги. Теоретические обобщения иллюстрирует Навигатор — интернет-портал на английском языке, <http://www.wedrujasyswiat.pl> содержащий разнообразную информацию (в виде таблиц, карт, графиков, ссылок на интернет-ресурсы) по проблемам мироустройства: природной среде, населению, политике, экономике. Портал позволяет постоянно обновлять и дополнять разнообразные факты и статистические данные.

Географической точкой отсчета для исследования планетарных процессов послужила Польша. Теоретическая и практическая деятельность автора была связана с преодолением социально-экономического кризиса страны в начале 90-х годов XX века. В то время СМИ его называли «архитектором польских реформ». Путь постсоциалистической трансформации Польши был связан, как и во всей Восточной Европе, с переходом к рыночной экономике. Но в отличие от многих других постсоциалистических государств, в том числе и России, реформы общественной жизни в Польше сочетались с мощной социальной политикой, обеспечившей сохранение и развитие жизненных стандартов граждан страны. Гжегож В. Колодко инициировал исследовательский проект структурных реформ «Стратегия для Польши», осуществление которого позволило добиться быстрого социально-экономического развития страны. Теоретические обобщения, отражающие успехи проведения подобной политики, по мнению автора, могут быть актуальны для многих стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Масштабы исследования во времени охватывают новую и новейшую историю, отдельные исторические факты отражают события и явления XVIII–XIX веков, как на Западе, так и на Востоке. Опора на далеко удаленные и современные факты (температура на поверхности планеты в средневековье, население планеты с 1750 года и т. д.) позволяет выявить долговременные тенденции и на научной основе представить читателям возникающие перспективы изменений природной среды, развития общества.

Философской основой исследования является опора на диалектику, истинное знание. Из всех концепций истины, имеющих место в истории философии и современной науке, автор выделяет прагматическую истину «суждение истинно, если подтверждается практическими следствиями» (с. 23). Современная отечественная философия также признает важность этой позиции.

Содержание исследования основано на экономическом анализе глобальных процессов, основанных на либерализации, интеграции и взаимозависимости. Причем, хорошая экономика «служит основой для формулирования и реализации эффективных стратегий долгосрочного развития» (с. 29). Полемическая направленность рецензируемого труда связана с критикой неолиберализма, который «не служит истинной политической демократии, экономической эффективности

и социальной рациональности, а лишь эксплуатирует эти высокие идеи ради удовлетворения потребностей узких элит за счет широких народных масс» (с. 38), «неолиберализм используется как способ грабежа в гигантских масштабах» (с. 313). Большое внимание уделено проявлениям неолиберальной экономики в виде «шоковой терапии», плоской шкале налогообложения, деятельности неолибералов в России и пр. Однако в современном мире неолиберальный экономический фундаментализм рушится, ибо он не в состоянии приспособиться к потребностям людей XXI века (см. с. 74). Альтернативой существующим экономическим стратегиям должна быть, по мнению автора, «Глобализация с человеческим лицом». Экономический смысл этого лозунга состоит в движении «в направлении сокращения и уничтожения барьеров в международном хозяйственном обмене» (с. 132). По сути, Г.В. Колодко следует общей линии ЕС на хозяйственную интеграцию стран Западной и Центральной Европы, выражает либеральные ценности Всемирной торговой организации (ВТО), Международной организации труда (МОТ) и пр.

Исследование содержит важные элементы новизны на эмпирическом и теоретическом уровнях. Так, для современной глобальной экономики характерны двукратный рост оборотов мировой торговли по сравнению с ростом производства; высокая скорость потоков капитала; из под контроля государств выходит миграция; исключительно быстро распространяются новые технологии; активно идут культурные изменения и взаимовлияние культур (см. с. 153). Важным социальным последствием этих изменений является ослабление конкурентных начал рабочей силы по сравнению с капиталом. Имущественная дифференциация распространяется повсеместно, — не только внутри стран, но и между государствами, регионами. Так, средний доход в США превышает средний доход в Африке более чем в 20 раз. Поэтому инициативу осуществления глобализации берут на себя лидеры капиталистического мира — США, Япония, страны ЕС.

Колодко Г.В. справедливо выделяет новых игроков глобализации в современном мире — КНР и Россию. Успех Китая в области экономики и на международной арене кроется, по его мнению, в избегании неолиберализма. Страна взяла многое из либеральной экономики и сохранила самые важные элементы социалистической системы (см. с. 308–309). Китай, вместо допуска иностранного капитала к прибыльной розничной торговле, склонил его своей политикой к инвестированию в производственные линии, — носителей технического прогресса. В России ситуация в 90-е годы XX века складывалась иначе. Неолиберальная экономика в России появилась благодаря американским «консультантам», которые часто входили в сговор с российскими «реформаторами», быстро обогатились в ходе «приватизации» российской промышленности, особенно энергетических активов» (см. с. 312–315). В нынешнем десятилетии в России политика системных изменений сочетается с политикой развития. Г.В. Колодко, освещая проблемы рыночной экономики России, приводит польскую народную мудрость: никогда не бывает слишком поздно, чтобы начать изменения к лучшему.

В условиях глобализации государствам и народам необходима модель социально-ориентированного развития, факторами реализации которой должны быть новая техника и технологии, эффективное управление, экономическая политика, состояние природной среды. Основными сферами общественного развития становятся финансы, экономика, экология, социальные институты, политика. Экономическое развитие должно подкрепляться базовыми универсальными ценностями,

отражающими необходимость искоренения бедности и голода, обеспечение всеобщего начального образования, сокращение детской смертности, равенство полов, обеспечение экологического баланса и т. д.

Теоретическим инструментом обеспечения общественного развития служит теория стечения обстоятельств. На основе сравнения экономик можно находить ключевые факторы, обеспечивающие развитие. Теорию стечения обстоятельств автор свел к ряду мировоззренческих, организационных, теоретических признаков: отказ от догматизма, поиск объективной истины, поиск факторов макроэкономического роста, применение достижений гуманитарных наук (истории, футурологии, географии и т. д.), использование сравнительного метода экономического анализа, инструментальная гибкость (см. с. 421–422). В предлагаемой системе идей ключевую роль играет стечение (совпадение) факторов, формирование индивидуальных стратегий развития.

Заключительные разделы труда посвящены ближайшему и отдаленному будущему развития человечества. Методологической основой прогнозирования служит взаимодействие бытия и сознания. Не только бытие определяет сознание, но и культурный слой сознания оказывает влияние на осмысление перспектив развития бытия (см. с. 495). Оптимистические прогнозы автор делает относительно России, стран СНГ, Китая, государств Латинской Америки. Динамика экономического развития может сократиться у богатых стран мира, прежде всего США, Японии.

В целом рецензируемый труд является новым словом в деле исследований процессов глобализации. На строго научной основе автор не только подверг осмыслению основные процессы, сопутствующие глобализации, но и предложил перспективно важные механизмы регулирования общественного развития на гуманистических началах.

Пожелаем профессору Гжегожу В. Колодко успехов в деле распространения и реализации своих идей на международной арене.

М.Ю. Досталь

**О ТРЕТЬЕМ ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И СЛОВАКИИ
В ОКТЯБРЕ 2010 ГОДА**

Третье заседание Комиссии историков России и Словакии состоялось в Братиславе 5–7 октября 2010 г., в рамках которого прошла конференция на тему: «Россия и Словакия: проблема Восток — Запад». Напомним, что Первое заседание обновленной Комиссии проходило в Братиславе в сентябре 2005 г. (тема конференции: «СССР и Словакия на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы»), второе — в Москве, в октябре 2007 г. (тема конференции: «Русские и словаки в XIX и XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы»), По материалам обеих конференций были изданы сборники в 2006 и 2007 гг. на словацком и русском языках¹.

Торжественное открытие нынешней конференции состоялось 5 октября 2010 г. в Малом зале заседаний Словацкой академии наук при участии Чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Словакии Павла Маратовича Кузнецова, первого советника посольства А.И. Вету и первого секретаря посольства К.А. Сапоженкова, секретаря Национального комитета историков СР к.и.н. Эдиты Иваничковой и директора Института истории САН, д.и.н. Славомира Михалека.

Открыла заседание и приветствовала присутствующих от имени Национального комитета историков СР и Института истории САН Э. Иваничкова. Она пожелала успешного проведения конференции. С кратким приветственным словом обратился к собравшимся и посол РФ в Словакии П.М. Кузнецов.

Первым от руководства Комиссии взял слово председатель ее Российской части, академик В.А. Тишков, который креативно определил основные направления работы Комиссии. О научных планах Комиссии в связи с задачами предстоящей конференции информировала ее участников председатель Словацкой части Комиссии к.и.н. Татьяна Ивантышинова (Институт истории САН).

Первый раздел научной программы конференции несколько претенциозно был назван «*Россия и Европа*», хотя общеизвестно, что Россия составляет часть Восточной Европы, а «Европу» в докладах представляла только ее Центральная часть — Словакия и отчасти Чехия. Названный раздел открыл доклад к.и.н. Радомира Влчека (директора Брненского филиала Института истории АН ЧР) «*Русско-чешские дискуссии и панславизм в XIX в.*», в котором автор высказал спорную мысль о том, что политический панславизм сформировался в России в 40-е гг.

XIX в. и в дальнейшем определял ее внешнюю политику. О сотрудничестве славянских депутатов в австрийском парламенте перед Первой мировой войной говорил доцент В. Доубек (Философ. факультет Карлова ун-та в Праге). К.и.н. О.В. Павленко (зам. директора Историко-архивного института при РГГУ, Москва) на основе архивных данных проанализировала отношение политической и военной элиты России к «западной угрозе» накануне Первой мировой войны. Проблеме отношений ЧСР и СССР в период Второй мировой войны посвятил свое выступление к.и.н. Ян Немечек (зам. директора Института истории АН ЧР). Об отношениях Восток — Запад в словацкой социал-демократии (восточный и западный дискурс) и о попытках конструктивного решения этого вопроса шла речь в докладе д.и.н. Э.Г. Задорожнюк (Институт славяноведения РАН, Москва). Политический славизм во внешней политике Словацкой республики анализировал в своем реферате магистр Юрай Марушияк (Институт политологии САН). В заключение прозвучал в измененной первоначальной программе реферат проф. С.И. Михальченко (Брянский гос. университет) о впечатлениях русского писателя-эмигранта И.С. Шмелева от пребывания в Словакии в 1937 г.

В конце первого дня заседания собравшиеся приняли участие в торжественном открытии выставки *«Петр I в Братиславе»*, которая была устроена в Российском центре науки и культуры в Братиславе, как одно из сопутствующих мероприятий Комиссии. Ее концепцию и инсталляцию инициировали Словацкая часть комиссии историков Словакии и России и Словацкое общество по изучению истории и культуры Центральной и Восточной Европы. Автором оформления является магистр Любош Качирек (Философ. фак-т Университета Коменского в Братиславе), который подготовил его совместно со студентами Отделения музеологии и охраны памятников ФФ УК. Выставку торжественно открыл директор Российского центра науки и культуры А.И. Бушуев, в церемонии открытия принял участие и советник посольства РФ в Словакии Г.И. Аскольдович.

Научный доклад о посещении Петром I Братиславы прочитала доцент Венского университета Искра Шварц.

Второй день работы (6 октября 2010 г.) конференции проходил в помещении Российского центра науки и культуры. Заседание открыл доклад академика РАН В.А. Тишкова (директора Института этнологии и антропологии РАН) о проблемах евразийства и неоевразийства в российском общественном дискурсе. К его реферату примыкал по тематике доклад д.и.н. Э. Ворачека (Институт истории АН ЧР, Прага) о проблемах евразийства с перспективы Центральной Европы. О феномене Восток — Запад в послевоенной словацкой политике в своем дискуссионном выступлении поделился воспоминаниями влиятельный (в недавнем прошлом) словацкий политический деятель Ян Черногурский.

Блок докладов, посвященный словацкой проблематике, под названием *«Словакия между Востоком и Западом»* открыл доклад проф. Г.В. Рокиной (Марийский гос. университет) об оценках «словацкой взаимности» в русской либеральной и славянофильской историографии. Об отношениях поколения «Всеславии» к России и идеализированном ее восприятии шла речь в реферате магистра Петра Подолана (ФФ УК, Братислава). Вопрос о месте «славянского мира» и словаков в оппозиции Восток — Запад в представлениях первых университетских славистов анализировался в докладе к.и.н. М.Ю. Досталь (Институт славяноведения РАН, Москва). Проблеме критического восприятия русофильства в словацкой

культуре и политике был посвящен реферат д-ра Даниэлы Кодайовой (Институт истории САН). Заседание второго дня конференции завершило, основанный на архивных данных доклад проф. И.В. Крючкова (Ставропол. гос. ун-т) об острой реакции русских дипломатов на факты массовой эмиграции словаков в США накануне Первой мировой войны.

Заседание **третьего дня конференции (7 октября 2010 г.)** состоялось в помещении Института истории САН и было посвящено преимущественно проблемам рефлексии словацко-русских связей. В начале прозвучал блок докладов по русинско-словацкой тематике. Магистр Петр Шолтес (Институт истории САН) прочитал доклад о взглядах словацких и европейских интеллектуалов на отношения в русинско-словацком этническом пограничье в Восточной Словакии в XIX в. М.Ю. Дронов (соискатель Института славяноведения РАН, Москва) посвятил свой доклад вопросу об особенностях традиционного русофильства в социально-культурной жизни русинов Восточной Словакии в XX в. Проблематике периода Первой мировой войны, военнопленных и легионеров были посвящены рефераты магистра Юрая Бенко (Институт истории САН) и д.и.н. Е.П. Серапионовой (Институт славяноведения РАН, Москва). Ю. Бенко проанализировал механизмы националистической и социалистической пропаганды, которые оказывали влияние на военнопленных, Е.П. Серапионова рассказала присутствующим о трагической судьбе словацкого легионера Микулаша Гацека, который дважды был интернирован в России после Первой и Второй мировых войн, много пострадал и от различных политических режимов на родине. О том, как воспринимала словацкая общественность известия о московских политических процессах 1930-х гг. говорила в своем докладе доцент Любица Гарбулева (директор Института истории философ. факультета Прешовского ун-та). «Славянским» иллюзиям словацкой общественности и политики после 1945 г. посвятила свой доклад д.и.н. Дагмар Чиерна-Лантайова (Институт истории САН). Об особенностях первой и последней волн русской эмиграции в Словакии в социологическом аспекте рассказал в своем выступлении магистр Давид Костлан (Институт социологии САН), чем дополнил пеструю междисциплинарную палитру тем конференции. Сверх программы конференции выступил с кратким рефератом о современной словацкой историографии гуситского движения к.и.н. А.В. Рандин, предприниматель, выпускник МГУ. Некоторые проблемы «восточной ориентации» словаков и критической оценки деятельности Л. Штура в либеральной публицистике были затронуты в последнем докладе конференции к.и.н. Т. Ивантышиновой. Заседание завершило краткое выступление в дискуссии с традиционной всесторонней оценкой личности Л. Штура и его заслуг в словацком национальном возрождении д.и.н. В. Матулы (старейшего сотрудника Института истории САН).

С оценкой прошедшей конференции выступила, секретарь Российской части Комиссии М.Ю. Досталь, которая констатировала высокий уровень прочитанных докладов и особенно широкую плодотворную дискуссию. От Словацкой части Комиссии заключение о работе конференции сделала ее председатель Т. Ивантышинова. Главной целью конференции, по ее словам, было повышение интереса словацкой научной общественности к результатам исследований российской историографии и к словацким разработкам по истории Восточной Европы и по проблематике связей. Повышению научного уровня конференции способствовало

и участие в ней специалистов по истории Восточной Европы из Чехии. Организаторы строго придерживались проблемно-хронологического принципа построения программы, изменения происходили только по просьбам докладчиков.

В целом можно констатировать, что по данной теме был прочитан ряд серьезных докладов. Это в полной мере должна продемонстрировать публикация «Восточная дилемма Центральной Европы» (Т. Ивантышинова, Д. Кодайова и коллектив авторов). Она, несомненно, внесет свой вклад в решение проблемы Восток — Запад в российской и словацкой историографии.

Заседание Комиссии из-за недостатка времени и срочного отъезда В.А. Тишкова на другое мероприятие могло состояться только на уровне совещания ее руководства (председатели и секретари обеих частей). Обсуждался ряд вопросов, касающихся дальнейшего направления деятельности Комиссии. Председатель Российской части Комиссии, академик В.А. Тишков одобрил предложение Словацкой части Комиссии, которое разработал ее член Магистр Ю. Бенко, а представила ввиду его болезни потенциальный член Комиссии магистр Марина Завадска (Институт истории САН). В проекте предлагалась следующая актуальная тема следующего заседания Комиссии в России: **«Социально-культурные последствия военных конфликтов»**, включающая в себя вопросы социальных, демографических и культурных результатов военных конфликтов, гендерную проблематику, анализ итогов распада полиэтнических государств вследствие войн, проблемы повседневности военного времени, военнопленных и пр.

Проект был предложен Российской части Комиссии на обсуждение. С результатами переговоров руководства будут ознакомлены члены Словацкой части Комиссии историков Словакии и России. После одобрения проекта с обеих сторон Комиссия приступит к подготовке своего следующего заседания. 7 октября обеими сторонами был подписан словацкий и русский тексты протокола.

Заседание Комиссии было тематически продолжено в Москве 13 октября 2010 г. в Словацком культурном центре (Словацком институте при посольстве СР в РФ) на презентации книги **«Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии»** (Братислава; Йошкар-Ола, 2010), изданной на русском языке коллективом авторов во главе с Т. Ивантышиновой при содействии Российской части Комиссии историков России и Словакии. Книга была подарена президенту РФ Д.А. Медведеву при его визите в Словакию в начале апреля 2010 г. После обсуждения книги был показан документальный фильм о словацком легионере М. Гацке, с биографическим комментарием Е.П. Серапионовой.

В заключение хотелось бы особо отметить образцовую организацию всех сторон жизнеобеспечения участников и проведения заседаний Комиссии и гостеприимство словацкой стороны, что, несомненно, способствовало успешному ходу конференции.

Прослушанные доклады и презентация книги позволяют сделать и некоторые наблюдения о современном состоянии словацкой историографии. Они свидетельствуют о критическом переосмыслении проблем славянской идеологии и словацко-русских связей на разных их этапах в сторону изоляции России от региона Центральной Европы. Далеко не совсем можно согласиться с точки зрения позиций российской историографии, отчасти преодолевшей нигилистический период своего развития 1990-х гг. Так, панславизм трактуется как атрибут внешней политики России, начиная с 40-х гг. XIX в., тогда как по исследованию

российских историков, это маргинальное общественное течение заявило о себе не ранее 1860-х гг. и никогда не определяло внешнюю политику России. Преимущественно с негативной стороны (как панслависта) оценивается деятельность лидера словацкого национального движения и кодификатора литературного языка словаков, романтического приверженца России, Л. Штура, принижается деятельность видного словацкого писателя и переводчика классической русской литературы С. Ваянского, определившего русофильские настроения не одного поколения словацких интеллектуалов. Русско-словацкие связи трактуются в основном с прагматической стороны и далеко не в пользу России и пр. Полагаем, что эти тенденции в словацкой историографии диктуются современной политической конъюнктурой и настроениями в праволиберальной части общества, направляющей деятельность СМИ. В результате словацкая молодежь теряет интерес к русскому языку и культуре. Хотелось бы надеяться, что эти точки зрения будут в дальнейшем пересмотрены в сторону большей всесторонности и объективности, особенно с улучшением экономической ситуации в России.

Примечания

¹ См.: Konec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období / Zost. M. Barnovský, D. Kodajová. Bratislava, 2006; Русские и словаки в XIX и XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы / Отв. редактор В.А. Тишков. М.; Йошкар-Ола, 2007.

Г.Ф. Горбашова

Круглый стол «РОССИЙСКОЕ АНГЛОВЕДЕНИЕ В XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.». МОСКВА, 14 МАРТА 2011 ГОДА

14 марта 2011 года, в Институте всеобщей истории Российской академии наук состоялось заседание круглого стола «Российское англоведение в XIX – первой четверти XX веков». В заседаниях приняли участие известные ученые, представляющие институт всеобщей истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Волгоградский, Новгородский, Казанский (Приволжский), Рязанский, Смоленский государственные университеты, а также Российский государственный педагогический университет, Ярославский государственный педагогический университет и Белорусский государственный педагогический университет. Утреннее заседание началось с открытия круглого стола под председательством А.Б. Давидсона (д.и.н., г.н.с., проф. ИВИ РАН, Президента Ассоциации британских исследователей), А.Б. Соколова (д.и.н., проф. Ярославского ГПУ). Открывая утреннее заседание А.Б. Давидсон отметил, что перед российскими англоведами стоит сложная задача изучения взаимоотношений России и Британии в прошлом и в настоящем, но в тоже время историки должны всячески помогать преодолению противоречий между странами и способствовать укреплению взаимопонимания не только в научном, но и общественно-политическом отношении. Значительный вклад в решение этой задачи вносили вносят члены Ассоциации британских исследователей (А.О. Чубарьян, В.Г. Трухановский, А.Б. Давидсон, А.А. Громыко, С.А. Соловьев, О.В. Дмитриева, М.А. Липкин, М.П. Айзенштат, Г.С. Остапенко, С.П. Перегудов Л.Ф. Туполева и многие другие). Отражением работы российских англоведов явилась книга

«Россия и Британия. Выпуск 5. На Путиях к взаимопониманию», презентация которой прошла на заседании круглого стола. Представляя пятый выпуск книги «Россия и Британия», А.Б. Давидсон отметил, что этот выпуск посвящен истории политических и культурных связей России и Великобритании, взаимным представлениям россиян и британцев, книга является продолжением работы членов Ассоциации и британских русистов (с 2003 г. издавались сборники докладов и статей под общим названием «Россия и Британия»). В своем выступлении А.Б. Давидсон обратился к проблеме взаимопонимания и представлений об Англии К.И. Чуковским, к его книге «Заговорили молчавшие: (Англичане и война)», написанной после посещения Англии в 1916 г. и выступлению К.И. Чуковского на церемонии присуждения ему почетной степени доктора литературы Оксфордского университета в мае 1962 г. По мнению президента Ассоциации, заслуга К.И. Чуковского, как англоведа, заключается в том, что он не только стремился привлечь внимание к Великобритании, но его книга помогала и помогает понять Великобританию, она рассчитана на разную читательскую аудиторию, по-прежнему подчеркивает актуальность проблемы взаимопонимания россиян и британцев, «снять» расхожие представления об англичанах. Корней Иванович Чуковский сделал очень много для углубления взаимопонимания между народами в области культуры и обладал мужеством, признаваясь в симпатиях к Британии в период холодной войны.

Проблема становления российского англоведения нашла продолжение в выступлении И.Р. Чикаловой, д.и.н, проф. Белорусского ГПУ. Обозначенная тема «Забытые имена и книги российского англоведения» (из коллекции в Белорусской национальной библиотеки) привлекла внимание участников круглого стола, а дискуссия позволила выявить ряд важнейших срезов для последующей работы современных англоведов. Прежде всего, речь шла об одном из этапов развития англоведения в России, о направлении и проблематике их исследований. По мнению И.Р. Чикаловой, написанные ими книги в большинстве своем прошли проверку временем и сегодня сохраняют свое научное значение.

Тема «от англomanии к англоведению», представленная д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН М.П. Айзенштат, огромна и неисчерпаема ни в одной работе, ни в десятке монографий. Проблема англomanии в России XIX в. остается малоизученной и, в частности, содержит побудительные мотивы к англomanии. М.П. Айзенштат подчеркивает, что английская литература (в первую очередь художественная), сочинения английских философов, моралистов и экономистов были известны и доступны русскому читателю в английском подлиннике или переводе на французский, хотя английский язык был распространен довольно слабо. Источниками англomanии могли служить посещение страны и проживание там, лекции русских ученых, выходцы из Британии (жены-англичанки) и т. д. Но все же, главным являлось сочетание различных каналов англomanии. По мнению М.П. Айзенштат, проявлением англomanии являлось устройство быта, однако это касалось достаточно ограниченного круга представителей русского общества. Думается, что англomanия высших аристократических и торгово-промышленных кругов русского общества, становление российского англоведения, его проблематика позволяют говорить о присутствии особого интереса Англии в России и о начале изучения истории Британии.

Д.и.н., г.н.с., проф. ИВИ РАН Е.Ю. Сергеев, выделяет военный аспект изучения Великобритании представителями военных ведомств России (М. Грулева, А. Снесерова, П. Пашина и др.), при этом определяя их как англоведов-аналитиков. В их деятельности, по его мнению, явно прослеживались два момента: первый — долгосрочное стратегическое направление, которое предполагало внимательное отслеживание и анализ информации, поступающей в военные ведомства и второй — аналитическая работа текущего характера (например, англо-бурская война). Такие вопросы как внутреннее устройство, сравнительные характеристики менталитета лишь в незначительной степени занимали внимание русских аналитиков-англоведов. Рассматриваемая Е.Ю. Сергеевым одна из сюжетных линий изучения Великобритании в России позволяет говорить не только о профессиональном интересе к Британии, но и о практической направленности в деятельности англоведов-аналитиков.

Проблема, поднятая д.и.н., проф. Ярославского ГПУ А.Б. Соколовым, английская история в оценках Н.М. Карамзина, получила продолжение на секционных заседаниях.

Предметом обсуждения на секциях «Отечественные традиции изучения истории Англии XVI–XVIII вв.» и «Социально-политическая история Англии XIX в. в российской науке» стала, главным образом, проблема личности, человека, а не только профессиональная деятельность англоведов в России. Особое внимание привлекли доклады д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН М.В. Винокуровой «Александр Николаевич Савин как исследователь английского манора эпохи Тюдоров» и к.и.н., доц. Казанского (Приволжского) ФУ О.В. Бодрова «Английская революция середины XVII века в трудах историков «русской школы». В докладе М.В. Винокуровой была представлена не только исследовательская деятельность А.Н. Савина-историка, экономиста, но и нашли отражение личностные черты ученого. О.В. Бодров в своем выступлении обратил внимание на различные взгляды, разную манеру изложения, систематизацию материала у историков «русской школы», при том главное внимание он уделит М.М. Ковалевскому, назвав его первым англоведом. Последнее вызвало дискуссию среди участников секции. Казалось бы, знакомые фамилии англоведов, но, вместе с тем, сколько разных сюжетных линий: сфера интересов В.Н. Александренко — дипломатическая история, история британского колониализма, англо-русские отношения (доклад А.А. Киселева, к.и.н., доц. Рязанского ГУ); социальные аспекты истории Англии, историко-правовые сравнения — область научных интересов И.И. Янжула представлена в выступлении к.и.н., доц. Новгородского ГУ И.В. Якубовской, английская кооперация и ее изучение в России во второй половине XIX — начале XX вв. рассматривалась в докладе к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН И.Ю. Новиченко. Российских англоведов интересовали не только самые разные аспекты истории Британии, но они пытались определить научное и практическое применение знаниям истории Великобритании. Доклад д.и.н., проф. Смоленского ГУ Л.И. Ивониной был посвящен исследовательской деятельности А.Г. Гуревича, по ее мнению его исследовательский диапазон достаточно широк, в частности он рассматривает не только причины происхождения войны за испанское наследство, но и интересы Великобритании, называя ее «коммерческой империей». В связи с этим следует отметить, что можно наблюдать продолжение имеющихся определенных традиций изучения истории Британии исследователями другого

поколения, и это вполне объяснимо, так как проблемы империи, колониализма могут привлекать и привлекают отечественных историков в свете изучения современных проблем российской ситуации. Безусловно, что в центре внимания современных англоведов находится как богатейшее собрание опубликованных и неопубликованных работ российских англоведов, так и русские издания британских историков XIX века. Данной проблеме и было посвящено выступление к.и.н., доц. Нижегородского ГПУ Э.Г. Воденисовой.

Подводя итоги работы круглого стола «Российское англоведение XIX – первой четверти XX вв.», можно сказать, что в ходе дискуссий, заключавших работу секций и на заключительном пленарном заседании участникам круглого стола удалось определить ряд актуальных проблем, изучаемых и требующих дальнейшего исследования, выявить новые сюжетные линии, рассмотреть различные взгляды, разные манеры изложения истории Великобритании англоведами XIX – первой четверти XX веков., отметив при этом присутствие особого интереса к истории Англии и ее глубокого изучения представителями разных поколений англоведов. И сейчас можно с полным правом говорить о сформировавшемся направлении в российской историографии.

Т.И. Иванова

«МАСТЕРСКАЯ БУДУЩЕГО»: ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

«Петербургский диалог» уже более 10 лет является постоянно действующим институтом российско-германского сотрудничества и диалога между гражданскими обществами по наиболее актуальным вопросам партнёрства от экономики до проблем культурной и духовной жизни. Его значимость подчеркивается патронажем президента РФ и Федерального канцлера Германии, вниманием лидеров стран к поиску наиболее оптимальных путей и форм сближения народов двух стран, преодоления предрассудков в обоюдном восприятии и недоверия друг к другу, отказа от идеологии и политики разъединяющих людей и стимулирования связей.

В интервью телеканалу ARD на форуме в Дрездене (2006 г.) В.В. Путин подчеркнул, что речь идет о гармонии человека с самим собой, с окружающим миром, о гармонии в обществе. Надо стремиться к политической гармонии, к толерантности, к умению вести диалог и умению договариваться между собой¹. Решение этих перспективных задач напрямую связано с развитием многообразных контактов между молодым поколением немцев и россиян, которые не обременены «грузом проблем прошлых лет», идеологическими стереотипами и иными клише периода «холодной войны».

Данная статья посвящена становлению одной из перспективных форм молодежного сотрудничества в рамках «Петербургского диалога»: рабочей группе «Мастерская будущего».

На пути к «Мастерской будущего». Приход новых лидеров в Германии и России, позитивные изменения в характере межгосударственных отношений, опыт, накопленный в проблемные 1990-е годы в области молодежного сотрудничества, явились конструктивной основой для развития всего комплекса германо-российских связей в формате «Петербургского диалога».

Новый уровень сотрудничества стал возможен благодаря нормализации германо-российских отношений и общему стремлению лидеров двух стран В.В. Путина и Г. Шредера к интенсификации партнерства, как на официальном, так и неофициальном уровнях. Ответственные германские круги предпочли практический, а не идеологический подход к политике в отношении России. Участием в петербургском саммите Германия подтвердила, что даже в политически сложное время она настроена на контакт и сотрудничество с Россией. В процессе диалога, ведущегося на уровне глав государств и правительств, сформировалась правовая база молодежного сотрудничества, основанная на ряде правительственных соглашений. Первым среди них, было двухстороннее межправительственное соглашение, подписанное М.С. Горбачевым и Г. Коелем 13 июня 1989 года. Данное соглашение открывало обе страны для молодежных обменов во всех сферах от политики до спорта. Однако оно не распространялось на обмены, связанные с учебной, научной деятельностью, обмены учителями и школьниками². Поэтому в новых условиях необходимо было продолжить диалог и скорректировать основные параметры молодежного сотрудничества в соответствии с требованиями времени.

Анализ работы первых «Диалогов» в Санкт-Петербурге (2001 и 2003 гг.) и в Веймаре (2002 г.) показал, что существует определенная диспропорция между динамикой развития германо-российских отношений в экономической, политической, культурной сферах и уровнем развития молодежного сотрудничества, степенью вовлеченности молодых участников «Диалога» в дискуссии и разработку «стратегических документов». Причины диспропорции во многом носили объективный характер: сказывалась новизна решаемых организационных задач, шел поиск сторонами оптимального состава участников, «Диалог» должен был занять свою нишу в развитии германо-российских молодежных контактов. Вместе с тем обозначились проблемы, появившиеся уже непосредственно в процессе его деятельности. В частности, не сразу сформировался механизм участия молодых людей в заседаниях Форума. Следует отметить, что изначально вводилась специальная представительская квота, в соответствии с которой, наряду с известными общественно-политическими деятелями, в обсуждении проблем предполагалось участие молодых политиков, ученых и бизнесменов, отбором которых серьезно занимались организаторы «Диалога». По соглашению сторон в работе первого форума планировалось участие 100 человек — по 50 от каждой из сторон, причем особо подчеркивалось, что не менее 20 % участников должны составлять люди в возрасте 30–40 лет³. К сожалению, данная квота не всегда в полной мере обеспечивалась сторонами, о чем писали СМИ после первых встреч «Диалога», указывая на недостаточное присутствие здесь различных групп гражданского общества, на сближение интересов которых, собственно, он и был ориентирован⁴.

Другой проблемой являлась интеграция молодых участников в процесс обсуждения конкретных тем в рабочих группах. В 2001 году таких групп насчитывалось пять — «Политика», «Экономика», «Наука и образование», «Культура» и «Средства массовой информации». Несомненно, позитивным являлся факт включения молодежной тематики в общие дискуссии, а затем и в итоговые протоколы рабочих групп. Однако молодым участникам сложно было «конкурировать» при принятии решений с опытом, положением и возможностями наиболее

авторитетной части аудитории, что в целом не исключало достаточно уважительного отношения старшего поколения к их идеям. Тем не менее, молодое поколение хотело быть не только услышанным, но и стремилось излагать собственное видение проблем и со своих позиций прогнозировать пути их решения.

Определенные подвижки в данном направлении произошли во время диалога в Веймаре (8–10 апреля 2002 г.), посвященном теме «Германия и Россия в меняющемся мире». Как отмечалось, «представительная российская делегация прибыла в Германию говорить не о прошлом, а о будущем»⁵.

В этой связи в рабочих группах и на пленарных заседаниях среди важных тем в центре внимания оказались и вопросы молодежного студенческого обмена, образования и культуры. Как заметил председатель координационного комитета со стороны Германии П. Бёниш: «Сегодняшние студенты — это наши партнеры завтра, поэтому мы так выделяем тему образования и студенческого обмена»⁶. Излагая позицию российской стороны, М. Горбачев так же подчеркнул, что Форум содействует «контактам между молодыми политиками обеих стран», и в Веймаре предполагается осуществить масштабную инициативу, способную активизировать этот процесс⁷.

Под влиянием новых акцентов концепция «Диалога» в Веймаре дополнилась несколькими важными элементами. Впервые широко использовались различные формы информационного обеспечения деятельности Форума, ставшие для участников тематическим приоритетом и в последующий период. Рабочая группа, где обсуждались вопросы обменов, получила не только новое название «Молодежные обмены, образование и наука», но и расширила проблематику дискуссий, подчеркнув тем самым актуализацию этого направления в германо-российских контактах. Но самым заметным событием политической жизни стало участие в его работе «Молодежного посольства» из Санкт-Петербурга, что явилось первым опытом выхода российской молодежи «на первый план международных отношений самого высокого уровня». Как отметил председатель посольства Г.С. Андреев, главным результатом стало установление «массы связей и контактов», а также создание условий для запуска ряда программ и проектов, имеющих перспективу⁸.

Вместе с тем, Веймар показал, что «Петербургскому диалогу» необходимы «новые идейные, организационные и финансовые импульсы». Принятые в рабочих группах решения, направленные на активизацию молодежного сотрудничества, базировались в основном на традиционных подходах и у этих проектов не очень четко прослеживались перспективы их реализации. Больше шансов имела программа молодежного взаимодействия по изучению немецкого и русского языков, выполнение которой находилось под началом супруг лидеров двух стран — Л. Путиной и Д. Шредер-Кёпф⁹.

Живое языковое общение рассматривалось в качестве важнейшего элемента преодоления непонимания и как фактор сближения в процессе молодежных обменов. В тоже время обеими сторонами высказывалась озабоченность по поводу неуклонного сокращения числа школ с изучением русского языка в Германии и немецкого языка в России¹⁰. Важно было не только констатировать эти факты, но и следовало разобраться в причинах этого явления, поскольку речь шла о молодом поколении, призванном выстраивать межгосударственные отношения двух стран в будущем.

Необходимость новых подходов обуславливалась и рядом других обстоятельств. По мнению известного немецкого политолога А. Рара, «в самом диалоге стали накапливаться барьеры ментального характера», мешала излишняя заорганизованность его мероприятий и жесткость в подборе участников. Преодоление их виделось в ориентации на будущее, на активизацию сотрудничества молодежи двух стран, что совпадало с точкой зрения Германии, выступавшей за создание германо-российского молодежного движения. С другой стороны, происходящая в странах смена поколений ставила вопрос о подготовке руководителей новой формации, которые, сохраняя преемственность, будут развивать германо-российское сотрудничество дальше. И в этом плане «Петербургский диалог» являлся той площадкой, где его молодые участники могли налаживать контакты и излагать собственные позиции по актуальным вопросам международных и германо-российских отношений¹¹.

Кроме того, принципиально новые возможности для сближения молодых людей Германии и России открывались в связи с развитием информационных технологий в сфере коммуникации и расширением возможностей Интернет — сообщества. Многие ответы на вопросы из непростой истории взаимоотношений между нашими государствами, молодые люди получали, именно, в границах Интернет — сообщества. Поэтому использование открытого неформального молодежного взаимодействия в целях преодоления непонимания и формирования положительного образа друг друга, являлось настоящей потребностью. Такой же потребностью являлось и упрощение визового режима для студентов, деятелей культуры и науки. Об этом впервые в 2003 г. говорили во время консультаций в Екатеринбурге Г. Шредер и В.В. Путин, а на последних встречах «Петербургского диалога» (2010 г.) уже президент РФ Д. Медведев и канцлер ФРГ А. Меркель пообещали серьезно обсудить вопрос об отмене визового режима между странами¹².

В итоге, в 2001–2003 гг. серия мероприятий, сопровождавших политические контакты лидеров двух стран, и организованных в рамках рабочих групп «Диалога», предопределили создание еще одной площадки для развития двустороннего молодежного сотрудничества. Таким образом, появление новой рабочей группы не было случайным. С одной стороны, оно было продиктовано необходимостью преодолеть трудности, которые появились в организации и осуществлении молодежного сотрудничества, а с другой стороны сложилось так, что будущее «Петербургского диалога», оказалось во многом связано с активизацией этого сотрудничества.

«Мастерская будущего»: концепция, участники, диалог. Молодежная тема была достаточно широко представлена на Форуме в Гамбурге (2004 г.). Здесь же впервые в дискуссии активно участвовала новая рабочая группа «Молодая политика», обсуждавшая тему «Мастерская будущего. Какие шансы видит молодое поколение в двусторонних связях?». Начало ее деятельности совпало с подписанием инициированного «Петербургским диалогом» межправительственного Соглашения о молодежной политике (декабрь, 2004 г.), которое рассматривалось как «новый важный шаг к сближению молодых россиян и немцев — школьников, студентов, предпринимателей, ученых, политиков, рабочих».¹³

Что же представляла собой новая рабочая группа и чем она отличалась от аналогичных групп, уже действовавших в рамках Форума?

«Мастерская будущего» это совместный с DGAP (Программа Россия / Евразия Немецкого общества внешней политики) при поддержке Korber Stiftung (Фонд имени Кёрбера) российско-германский проект по созданию в рамках форума «Петербургский диалог» секции молодых экспертов. Непосредственными ее организаторами явились Германский Совет по внешней политике, руководитель А. Рар, и российское Информационное агентство «Росбалт», руководитель Н. Черкесова. По словам координатора программы, А. Рара, «Мастерская будущего» могла стать главным «мотором» «Петербургского диалога» и вывести его на высокий уровень гражданского диалога между двумя элитами¹⁴.

Концепция новой рабочей группы в сжатом виде была сформулирована в ее первоначальном названии: «Дискутируем о будущем: перспектива отношений России и Германии», т. е. группа имела «свою сферу деятельности», которая включала самые «различные сюжеты, связанные с перспективами развития как двух стран, так и глобального сообщества в целом». Ее приоритетной задачей являлось укрепление взаимопонимания и мира между народами через обмен идеями.

Данная группа призвана была выполнить несколько важных функций. Во-первых, преодолеть тупик, в котором оказался диалог, и содействовать восстановлению ослабевающего интереса молодого поколения немцев к России и русскому языку. Дело в том, что у молодых россиян мотивация к изучению немецкого языка и Германии, выражена намного сильнее и носит более профессиональный и устойчивый характер¹⁵. Во-вторых, омолодить и «раскрепостить» диалог за счет участия в его работе людей моложе 40 лет. В-третьих, «оживить диалог, избавить его от старых стереотипов вражды», не допускать негативного и неадекватного восприятия друг друга, ориентируя молодое поколение объединенной Германии и России на интеграционные ценности в рамках европейского пространства¹⁶. В — четвертых, дать возможность будущим политическим, общественным и бизнес лидерам уже сегодня активно взаимодействовать со своими сверстниками, предлагать «самые невероятные» пути решения проблем, определять точки соприкосновения и конструировать развитие отношений между странами через 15–20 лет¹⁷. Российская и немецкая стороны в дальнейшем неоднократно выражали «заинтересованность в формировании будущих лидеров политической, экономической и общественной жизни наших стран» и отмечали приоритетность этого направления в сотрудничестве молодежи. По словам президента Д.А. Медведева, этот «кадровый резерв российско-германского партнёрства» является важнейшим «заделом в будущее»¹⁸. В-пятых, диалог по всем проблемам предполагалось вести с точки зрения молодого поколения. Личное общение — важный фактор достижения понимания и доверия, содействующий разрушению любых стереотипов, будь-то конкретный человек или страна. Основой такого диалога, по мнению канцлера Г. Шредера, «является живой обмен — не только о том, что нас объединяет, но и обмен различными мнениями. Всем значимым общественным группам должна быть предоставлена возможность для выражения в этом диалоге своей, специфической точки зрения».

Кто же они, представители молодой элиты, ведущие дискуссию в «Мастерской будущего»? Из отдельных штрихов можно составить среднестатистический портрет ее участников. Это перспективные молодые люди: аналитики, эксперты, политики, экономисты, политологи Германии и России, в возрасте от 20 до 40 лет,

представляющие практически все сферы гражданского общества. Их цель — «влииться в руководящие элиты России или Германии». Они имеют возможность обсуждать «пути развития двух стран, актуальные политические проблемы Европы и мира», которые могут стать для них реальностью уже в ближайшее время. Многие работают в различных политических, общественных организациях, информационных агентствах, активно участвуют в двусторонних германо-российских программах. Это немцы, профессиональной деятельностью которых является специализация по России, и россияне — специализирующиеся по Германии. С точки зрения Павла Житнюка, заместителя главного редактора информационного агентства «Росбалт», им должны быть присущи такие качества, как «инициативность, наличие собственного мнения о процессах, происходящих в России и Германии, желание и возможность что-то сделать и на что-то повлиять». Й. Бурместер, студент из Германии, выделил еще одну важную черту будущего европейского политика: обладание всей полнотой знаний о соседних странах, в том числе и о России, которая, как и США, должна являться страной-партнером¹⁹.

Особенность «Мастерской будущего» связана с активным развитием молодежного экспертного направления и диалога, постепенно оформившегося в постоянный механизм взаимодействия молодых экспертов. «Эти люди свободны от многих стереотипов, они более открыто обсуждают проблемы, которые пока разделяют Германию и Россию» и рабочая группа им предоставляет возможность в полной мере реализовать свой творческий потенциал. Руководитель проекта «Мастерская будущего» Н. Черкесова в этой связи неоднократно выражала свое полное удовлетворение активностью участников, «остротой дискуссий» и принимаемыми решениями. В тоже время, опыт, полученный молодыми экспертами, мог стать основой для выбора ими профессии и обеспечить их карьерный рост впоследствии.

Основной инструмент работы «Мастерской будущего» — пленарные и секционные заседания в формате «Петербургского диалога». Традиционно в программе «Диалога» указываются сроки и место его проведения, названия рабочих секций и темы дискуссий, состав участников, формы общения и график общих мероприятий.

Экспертные форумы обычно носят открытый характер. Обсуждение в рабочих группах, в том числе и в «Мастерской будущего», по кругу участников или по тематике нередко проходит в закрытом режиме. По результатам дискуссий, участники передают свои предложения лидерам государств и политикам для дальнейшего рассмотрения в виде, так называемых, «стратегических документов, включающих оценку проблем и рисков, прогнозы и рекомендации по анализируемым вопросам», которые публикуются в бюллетенях стратегических исследований²⁰. Информирование участников программы ведется также через специально созданный для этого веб-блог и интернет-сайт.

Вместе с тем, рабочие группы осуществляют свою деятельность не только на форуме, но и в перерыве между ними, поскольку достижение понимания, преодоление взаимных страхов, трудностей в общении, процесс, требующий постоянного разъяснения своих позиций партнерам по диалогу.

С опытом работы «Мастерской будущего» можно познакомиться на примере проведения ее XIII-го заседания в декабре 2008 г. в Дрездене. Основная

дискуссионная тема «Германия и Россия: общая история — разные воспоминания» находилась в центре внимания на протяжении всех трех дней заседаний. Кроме того, ежедневно проводились сессии, включавшие или дискуссию, или целевое мероприятие. Во время первой сессии прошла ролевая игра «Немцы правят Россией — Россияне правят Германией», а во время второй — дискуссия участников «Мастерской будущего» с депутатами ландтага: «Почему понимание истории XX-го века в России, Германии и Восточной Европе различно? Как достичь объективной картины истории?». Завершился день экскурсией по Дрездену и вечерней дискуссией с участием М. Дулига, председателя фракции СДПГ в ландтаге Саксонии, «Демократическое обращение с экстремистскими партиями». В последний день, в рамках третьей сессии, участники дискутировали по теме «Россия и Германия: совместные действия и доверие во время финансового кризиса», а в заключении рассмотрели вопрос создания новой платформы «Мастерской будущего» в интернете. По итогам заседания были формулированы основные позиции «стратегического документа» рабочей группы²¹.

С 2004 по март 2011 гг. «Мастерская будущего» собиралась 22 раза в разных городах России (Калининград, Санкт-Петербург, Псков, Москва, Сочи) и Германии (Берлин, Бремен, Дюссельдорф, Гамбург, Висбаден, Мюнхен, Дрезден, Аахен).

Тематика проблем, обсуждаемых с точки зрения молодого поколения, свидетельствует о выборе группой серьезных и актуальных вопросов, в числе которых взаимоотношения России и ЕС с точки зрения поиска общего пространства, проблем и перспектив исторического наследия, развития в условиях перезагрузки отношений Восток-Запад. Германо-российское сотрудничество рассматривалось в плане социально-экономических проблем, вопросов глобализации, положения двух стран в информационном обществе и мире, энергетического сотрудничества, социальных реформ и модернизации экономики, исследования демографических и миграционных вызовов, вопросов взаимоотношений стран после выборов и общей истории, а так же анализа причин и мотивов «многочисленных межкультурных недоразумений и национальных стереотипов».

Естественно, работа «Мастерской будущего» не обходилась без сложностей. Главная проблема, неоднократно отмечавшаяся немецкой стороной — опасность недопонимания, «связанная с незнанием». По замечанию М. Штольпе, члена координационного комитета «Петербургского диалога», русские лучше немцев осведомлены о происходящем, они способны думать вместе с ними. И это их отличает в лучшую сторону от большинства немцев в отношении к России. «Нам в Германии, — считает он, — необходимо больше проводить просветительскую работу. Это требование времени»²².

По мнению политолога А. Рара, первые заседания «Мастерской будущего» так же выявили факторы, ослаблявшие конструктивный характер диалога между сверстниками двух стран. В частности, молодые политики, как с российской, так и немецкой стороны, в дискуссиях активно оперировали штампами старшего поколения; у молодых россиян наблюдалось отсутствие «стремления жить в свободном обществе и руководствоваться либеральными ценностями», а молодые немцы имели явно недостаточное представление о том, что на самом деле происходит в России сегодня. В одном из интервью 24-летний Ян, из Гамбурга заявил: «Я впервые осознал, что я и мои российские ровесники по-разному смотрим

на мир. Так, для меня слова НАТО и США с детства означали «надежность», «мир». Для ребят из России эти понятия означают потенциальную угрозу. Это я впервые осознал здесь, в Петербурге»²². Время от времени появлялись критические оценки, касающиеся возможностей «Мастерской будущего» реально влиять на политику. Такой скептицизм связывался с тем, что иногда обе стороны прибегали к «игре в политику», подменяли «приглаженными фразами» необходимость конкретных действий, в «штыки воспринимали критику» и предлагали «фантастические проекты».

Однако, по мере приобретения опыта, рабочая группа сконцентрировала свое внимание на ряде приоритетов. В их числе: сотрудничество с новыми организациями (политический клуб Калининграда, общественная инициатива «Креативная дипломатия») и достижение практических результатов (совместные проекты с Советом Молодежной общественной палаты «по вовлечению молодежи в общественную жизнь, политическую деятельность и социальное творчество»). Важным элементом стало инициирование собственных программ и проектов с целью создания новых дискуссионных площадок по обмену идеями (политический форум «Парламент будущего»), что расширило пространство для взаимодействия молодых людей в ближайшем будущем²³.

Таким образом, одна из главных целей рабочей группы «Мастерская будущего» — вовлечь в диалог представителей молодого поколения — в целом реализуется успешно. Существенным результатом деятельности секции молодых экспертов можно считать «снижение остаточной предубежденности между Россией и Германией». Этот вывод означает только одно — диалог, ведущий к взаимопониманию, должен продолжаться.

Примечания

¹ Интервью Президента РФ В.Путина телеканалу ARD (Германия) 10 октября 2006 года // [Электронный ресурс]: URL2:<http://www.civilg8.ru/6586.php>.

² *Кравченко И.* Во благо умов и сердец // *Международная жизнь.* 2010. № 7. С. 65.

³ Первый российско-германский форум состоится в Петербурге 8–10 апреля. 21.03.2001 // <http://www.fontanka.ru/2001/03/21/33123/>.

⁴ Политика и общество | 10.04.2002 Парадное, декоративное мероприятие? Интервью с участником «Петербургского диалога» Алексеем Венедиктовым.

⁵ *Логинов М.* Петербургский диалог в Веймаре. 10-04-2002 // http://www.nevskoevremya.spb.ru/gorod/2667/peterburgskij_dialog_v_vejmare/

⁶ Диалог-2002 // <http://www.spbchp.ru/10.04.02/CP24A047.html>.

⁷ 15.04.2002 «Петербургский диалог» — содействие взаимопониманию между Россией и Германией // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=376&rubr_id=22&page=1.

⁸ Петербургский диалог: раунд Веймаре. //

http://www.po-nemezki.ru/hallo_deutschland/newsletter/3/peterburgskii_dialog_raund_v_veimare_226.html;

«Молодежное посольство» в Веймаре <http://spbmost.narod.ru/russian/rus9.htm>

⁹ *Ионин Л.* Встреча в Веймаре: Диалог гражданских обществ пока не состоялся //

Internationale Politik. «Германо-российские отношения». 2002. сентябрь.

¹⁰ Диалог-2002 // <http://www.spbchp.ru/10.04.02/CP24A047.html>.

¹¹ Насколько стабильна ось Берлин-Москва? («Rheinischer Mercur», Германия) Александр Рау (Alexander Rahr), 30 марта 2003// Сокращенный перевод: Владимир Синица ИноСМИ.Ru Опубликовано на сайте inosmi.ru: 18 апреля 2003. Оригинал публикации: *Wie stabil ist die Achse?*

¹² Российско-германский форум «Петербургский диалог» 15 июля 2010 года, 09:50 Екатеринбург // <http://kremlin.ru/transcripts/8347> <http://petersburger-dialog.ru/Home.aspx>.

¹³ М.С. Горбачев на российско-германском Форуме «Петербургский диалог». 15.09.2004 // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=23665&rubr_id=22&page=1.

- ¹⁴ Немецкое общество внешней политики (DGAP) представляет собой национальную сеть, посвященную внешней политике Германии. В качестве независимой, надпартийной и открытой для всех заинтересованных лиц организации, DGAP активно и многогранно освещает общественное мнение. / Немецкое общество внешней политики http://www.ukrainanato.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=72:2008-11-17-17-59-22&catid=37:2008-11-03-16-41-22&Itemid=12;
- Россия | 03.08.2005. Германо-российские контакты укрепнут в «мастерской будущего». // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,1666898,00.html>.
- ¹⁵ Мастерская будущего // <http://petersburger-dialog.ru/info/workgroups/groupinfo/5ff6244d-a3d7-4527-83c1-abfcbe3121fd.aspx> <http://www.deutsch-russisches-orum.de/index.php?id=90>.
- ¹⁶ Александр Рар: «Мы не хотим, чтобы Россия чувствовала себя «прижатой к стенке» 26/08/2004 16/35 Беседовал Максим Василенко, ИА «Росбалт» // <http://www.globalaffairs.ru/news/2859.html>.
- ¹⁷ Мастерская будущего. Диалог молодых экспертов // <http://www.rosbalt.ru/future/>.
- ¹⁸ IX российско-германский общественный форум «Петербургский диалог». Олег Родионов. 17 июля 2009 года. www.viperson.ru Дата публикации: 17.07.2009.
- ¹⁹ <http://peterburgsky-dialog.org/doklady>; Россия | 03.08.2005 Германо-российские контакты укрепнут в «мастерской будущего» <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,1666898,00.html>.
- ²⁰ Клуб молодых политиков Калининградской области <http://pryzhkoff.narod.ru/ypc.html> http://www.kaliningrad.mid.ru/hron_01.html; Направления работы молодежной общественной палаты // <http://www.molpalata.ru/projects/>; Автор комментария: Миодраг Шорич — главный редактор вещания на иностранных языках, НЕМЕЦКАЯ ВОЛНА: Учиться друг у друга // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,827691,00.html>.
- ²¹ Илья Пономарев принял участие в заседании Мастерской будущего по теме «Германия и Россия: общая история — разные воспоминания» 16/12/2008. // <http://www.spravedlivo.ru/news/aneews/7768.php>.
- ²² Петербургский диалог» 2007: первый раунд — молодым // http://euroasia.cass.cn/2006Russia/Russia/speech_Putin/2001/28518.htm.
- ²³ Анастасия Рахманова Россия | 09.10.2008 Российско-германский молодежный парламент: дела или игры? <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3702351,00.html>
- ²⁴ Клуб молодых политиков Калининградской области <http://pryzhkoff.narod.ru/ypc.html> http://www.kaliningrad.mid.ru/hron_01.html; Направления работы молодежной общественной палаты // <http://www.molpalata.ru/projects/>; Автор комментария: Миодраг Шорич — главный редактор вещания на иностранных языках, НЕМЕЦКАЯ ВОЛНА: Учиться друг у друга // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,827691,00.html>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аккиева Светлана Исмаиловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (КБИГИ).

Волкова Екатерина Николаевна — аспирантка кафедры менеджмента и бизнеса Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола).

Ганус Сергей Алексеевич — старший преподаватель Ужгородского национального университета, Украина.

Гафаров Анвар Айратович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Института Истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Горбашова Галина Федоровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета.

Даниш Мирослав — профессор Высшей школы в Сладковичово (Словацкая Республика).

Досталь Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Зейналова Рамила Газанфар кызы — индивидуальный предприниматель (Йошкар-Ола).

Зыкова Надежда Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола).

Зеленеева Гульнара Султановна — старший научный сотрудник отдела социологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл (Йошкар-Ола).

Земцова Оксана Борисовна — аспирантка факультета истории и цивилизации Европейского университета (Флоренция, Италия).

Иванова Тамара Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Колесова Елена Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Левенштейн Олег Генрихович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета.

Маслихин Александр Витальевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Марийского государственного университета.

Новик Вера Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Обидина Юлия Сергеевна — кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Орлова Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, заведующая отделом социологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл (Йошкар-Ола).

Полухина Анна Николаевна — кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры социальных наук и технологий, начальник Центра международных образовательных программ Управления международного сотрудничества Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола).

Рокина Галина Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, руководитель Центра национальных и конфессиональных исследований факультета управления и права Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола).

Сануков Ксенофонт Никанорович — доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории Марийского государственного университета.

Суворова Алевтина Павловна — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и бизнеса Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола).

Сутырина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры управления и права Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола).

Тарасова Анна Николаевна — сотрудница международного отдела Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола).

Туманов Андрей Геннадьевич — младший научный сотрудник лаборатории гендерных исследований Марийского государственного университета.

Чемышев Эдуард Евгеньевич — научный сотрудник Марийского государственного университета.

Чикалова Ирина Ромуальдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета (Минск).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	5
<i>Ю.С. Обидина</i> Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях.....	5
<i>А.А. Гафаров</i> «Издержки» российского колониального движения на Восток (в трудах отечественных исследователей второй половины XIX века).....	18
<i>Е.В. Колесова</i> Просветительская политика казанских православных миссионеров в XIX веке.....	23
<i>О. Земцова</i> Миссионерская деятельность среди нерусских народов Поволжья до 1806 года.....	32
<i>К.Н. Сануков</i> Поляки и польские граждане в Марийской АССР в 1930–1940-х годах.....	38
<i>В.М. Новик</i> Социальный портрет белорусов Республики Марий Эл.....	47
<i>О.Г. Левенштейн</i> Немецкое население в Марий Эл: судьба моего отца.....	51
<i>А. Г. Туманов</i> Грузинская диаспора Республики Марий Эл.....	57
<i>Рамила Газанфар кызы Зейналова</i> «Родина-чужбина».....	61
<i>Э.В. Чемышев</i> Государственная поддержка цыган в Республике Марий Эл.....	65
<i>Г.В. Рокина, О.Н. Сутырина</i> Новые методические подходы в изучении национального самосознания и конфессиональных предпочтений: опыт социологического исследования.....	67
<i>О.В. Орлова</i> Миграционные процессы в Республике Марий Эл на рубеже XX–XXI веков.....	75
<i>Е.Н. Волкова, А.П. Суворова</i> Национальная культура как фактор социально-экономического развития региона (на примере Республики Марий Эл).....	80
<i>Г.С. Зеленеева</i> Ценностные ориентации молодежи Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований 2005, 2010 гг.).....	87
<i>Н.Н. Зыкова, А.Н. Полухина</i> Адаптация иностранных студентов в университетской среде (по результатам социологического исследования).....	92

<i>А.Н. Тарасова</i> Международная деятельность университета как фактор формирования человеческого капитала региона.....	98
<i>С.И. Аккиева</i> Русское население Кабардино-Балкарской республики: современные миграционные процессы.....	101
ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	109
<i>А.В. Маслихин</i> Национальные отношения: проблемы методологии	109
<i>И.Р. Чикалова</i> Англоведение в России: зарубежные труды по экономической и социальной истории Англии в оценке российской критики на рубеже XIX–XX вв.....	117
<i>Е.В. Лежнина</i> Религиозно-политическая жизнь Ирландии конца XVII – начала XVIII веков в оценке отечественной историографии	140
<i>М. Даниш</i> М. Балудьянский и М.М. Сперанский. Реформы и либерализм в России первой половины XIX века.....	151
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	160
<i>С.А. Ганус</i> Образ соседней славянской страны в украинском видении (Рефлексии по поводу книги: Криль М. Історія Словаччини).....	160
<i>А.В. Маслихин</i> Гжегож В. Колодко «Мир в движении».....	167
НАУЧНАЯ ХРОНИКА.....	171
М.Ю. Досталь О Третьем заседании Комиссии историков России и Словакии в октябре 2010 года.....	171
<i>Г.Ф. Горбашова</i> Круглый стол «Российское англоведение в XIX – первой четверти XX вв.». Москва, 14 марта 2011 года.....	175
<i>Т.И. Иванова</i> «Мастерская будущего»: путь к взаимопониманию.....	178
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	187

ЗАПАД–ВОСТОК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Литературный редактор
Г.В. Рокина

Компьютерная верстка
С.В. Токмакова

Дизайн обложки
В.В. Смирнова

Тем. план 2012 г. № 144.
Подписано в печать 24.07.2012 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 22,20. Уч.-изд. л. 16,15.
Тираж 300. Заказ № 1648.

Оригинал-макет подготовлен к печати в РИЦ и отпечатан ООП
ГОУВПО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.

ЗАПАД–ВОСТОК